

КРЕСТЬЯНИКА

Специальный

1.87

С юных ног!

— Здравствуйте, я из села Волое!

ВРЕМЯ И МЕСТ РОЖДЕНИЯ

Татьяна ШОХИНА

72 многодетные матери живут в селе Волое Кировского района Калужской области. У 22 матерей по десять и больше детей, они награждены орденами «Мать-героиня».

Какой это труд — выходить, вырастить, уму-разуму научить и отдать людям десять детей, — знает только мать. Главная семейная ноша лежит на ней. Лежит не только физической тяжестью, когда черед бессонных ночей растягивается на десятилетия, — лежит огромной душевной заботой. Десять детей — это десять страхов за их жизни, десять печалей за их провинности, десять тревог за их будущее...

Посреди избы стоит белоголовый малыш.

— Ну, мам, — просит он, — гулять пусти.

— А ты жалеешь меня? — говорит в ответ мать.

— Жалею, — кивает малыш.

— И я тебя жалею, — говорит мать. — Убежишь со двора, в лесу заплутаешь, как я тебя найду?

Мать идет в сенцы пеленки стирать, а Вовка, вздохнув, колыхает люльку с сестрой.

— Чего реवेशь? — говорит он сестре. — Я тебя жалею, а ты реवेशь.

Солнце светит во все окошки просторного дома. Новая люлька из ивовых прутьев тихонько покачивается, и по лицу спящей Леночки скользит то свет, то тень. Полдень. Самое тихое время в доме. Белое солнце словно застыло в небе, и стрелки на круглом будильнике замерли. Вов-

ка взбирается на стул, смотрит в окно.

Вдалеке лес, большой и сверкающий. Там под снегом спят травы и ягоды. А сколько там всяких следов — заячьих, сорочьих, белчих! Вот бы сунуть ноги в валенки и бегом через поле! Вовка переводит взгляд на дорогу: первой из школы вернется Ира, за ней Таня прибежит, потом вместе явятся Коля с Валеи, последними старшие, Саша с Витей. С ними в лесу не заплутаешь, лошади под копыто не попадешь, а если убежишь далеко, так, что дом не видно, высмотрят и на руках в избу притащат.

Одиннадцать детей у Галины Акимовны Трудовой. Две старшие дочери в Калуге, сын в армии, и малыш — в ивовой люльке.

Напротив в доме Золотовых тоже одиннадцать, у Веры Андреевны Дроздовой — двенадцать, рядышком дом — там пять, чуть подальше — восемь...

Тихо скрипит дверь, и в комнату всовывается белая головенка. Вот они и явились друг за дружкой. Шесть пар обуви выстроились у порога. Дом ожил, развеселился. Валя пеленает Леночку, Витя тащит из печи чугуна на стол, Таня ставит тарелки. После обеда Галина Акимовна смотрит в ведерный чугун:

— Батюшки вы мои! Опять пусто!

Первый закон жизни многодетной семьи — накормить. Аппетиты у всех, от мала до велика, отменные, случаются дни, когда и двух чугунов не хватает. Волосские матери, оказавшись в городе, удивляются, как кормят там ребят.

— Водяным страшают, лишь бы ложку дита съело. А у нас...

А у них: сколько ни наготовишь, все сметут подчистую. Огурцы у Галины не удались нынче, засолила «самую чуточку», десять банок. Что значит пятилитровая банка для такой семьи? Открыл — и нету. А ведро молока? Разлил по кружке — и нет ведра. Еда простая, деревенская, зато все в своей первозданной цене. И хлеб, который едят вволю, но ни корочки под стол не

Свекровь Веры Андреевны — Степанида Мокеевна с внуками.

Фото И. ЯКОВЛЕВА.

Дорога — не разлука, дорога всегда перекресток:
поколений, судеб, жизней.

Вера Андреевна Дроздова.

бросят, и мясо в похлебке, и картошка.

Заглянем в дом напротив. У порога лежит большая желтая собака. При виде незнакомого не делает никакой попытки защититься — видно, гости в доме не редкость! Хочешь не хочешь, Матрена Федоровна Золотова усадит за стол, выставит по огромной тарелке щей. В маленькой семье, может, и не найдется, чем покормить гостя. А в многодетной еда всегда наготове.

У Матрены Федоровны тоже одинадцать.

— Мои трудней возрастали, — кивает она на дом соседки. — Другое было время.

Вместо детского сада — дверь под замок, и в поле. А муж зимами в отход ходил, плотничал по деревням, всю зиму коротала Матрена одна. Махнет люльку во всю избу и бежит корову доить; тащит ведро с молоком — люлька еще колышется. Сейчас Матрена Федоровна весь подпол банками с вареньем может заставить. А в пору, когда ее первенцы в люльки качались, сахар, по кусочку, только маленькому берегли.

— А я году с золой не сварюшь... Вот теперь самое время рожать. Была бы молодая, двадцать бы родила, ей-богу!

Матрена Федоровна рассуждает так: хоть бы по пять каждый из ее одиннадцати завел, было бы продолжение рода.

Сама она из многодетной, в восемь человек, семьи. Но такие семьи в военную пору и после войны в Волом были редкостью. Жилось их семье несравненно тяжелее других. Старший брат Матрены, Василий, с одиннадцати лет пастухом работал, хоть малые, но деньги в дом нес.

— Обленились вы, — говорит он сейчас сестрам. — Хлеб не печете. А помните хлеб, какой мать пекла?

— Картохи терла, — замечает сестра Матрены, Акулина.

— Теперь бы с картохами не ели, — усмеивается Матрена.

— А запаха у того хлеба лучший был, — настаивает Василий.

— Тогда все сладко было, — соглашаются сестры.

А Галина Трудовая — у матери одна, отец с войны не вернулся. И муж ее Иван тоже без отца рос. Такие пары военного года рождения как раз и стали многодетными. Рожали детей, словно наверстывали упущенное их родителями, шли против прошлого, военного горя, слез, голода... Галина, считай, каждые полтора года рожала: один еще на ножках как следует не стоит, а она другого несет. С последней дочкой сошла с автобуса, идет к дому, плачет — нога после родов распухла, не ступить. А тут дети ее в окно высмотрели, посыпались на улицу, как горох, сразу и слезы высохли.

— Как называли-то? — спросила Галину мать.

— Леноч называли. Хорошо?

— Пускай будет Лена...

Чем больше в доме детей, тем кормить их легче: и аппетит у них лучше, и дети здоровее. В Волом даже медики приезжали выяснять, почему в многодетных семьях нет болезней. Спрашивали матерей, те лишь плечами жали: не болеют, и все. На апрельский тающий снег босиком выносятся и не болеют. Такой закон. Крестьянская мудрость выводит его из того, что едят хорошо. А для того в каждом доме держат корову, а то и две, откармливают поросят, солят на зиму бочонки грибов, бочку капусты, варят ягоду, натасканную ребятишками из леса. Ну и, конечно, куры несутся без счета, и картошки сажают столько, чтоб до следу-

ющего лета горя не знать. Можно представить, что доля каждого в такой семье отмерена по штучке, по ломтику, по горсточке. Ничуть не бывало, прошли те времена. Делится все само собой, как получится. А получается так, что даже приезжим из города родственникам дают с собой на дорожку увесистый брусок сала, яиц да варенья...

— А сами-то... — стесняется родственник. На него только рукой машут — бери!

Чтобы всех накормить, и работать приходится всем — и малым, и большим. Картошку, например, выкапывают так: кто поменьше, тому одна борозда, годом старше — две, и так далее. На маленькие плечи работы меньше, плечи пошире — и работа серьезнее. Старшие дочери Галины Акимовны, которые теперь в Калуге, и стирали, и корову доили. Младшие до главных работ еще не доросли, но картошку чистят.

— В телятник за мной идут следом, я и не зову, и что делать не наказываю — сами видят.

Когда старший убеждается, что идущий следом дорос уже до кухонных дел, вручает ему нож для чистки картошки — попробуй не согласись.

В семье бывшего председателя колхоза Григория Яковлевича Аверьянова девочки рождались вслед за мальчиками, братья впитали по утрам сестрам ленточки в косы.

Анна Антоновна Дроздова, тоже многодетная мать, говорила так:

— Мы с мужем на работе. Дома они сами. Придешь — скотину загнали, в избе чисто, сыты. А кто из них что сделал, я и не вникаю.

Грешным делом подумаешь, что такая выучка привита железной строгостью с раннего детства.

— Какие наказания? — удивлялись воловские матери на мой вопрос. — Разве что расшумятся, махнешь веником в того, кто поближе. А отцы наши пальцем ребят не трогают.

Сами воловцы разводят руками: чем больше семья, тем больше порядок.

...Аверьяновым участок для косьбы доставался, как всем, по жребии. Иногда такой жребий выпадал, травинки наперечет! — вспоминают сестры Аня и Нина. И для своей коровы-кормилицы траву по кустам руками рвали, ходили в лес за семь километров от села, корчевали старые пни, сажали елочки — вокруг елочек разрешалось косить. Как-то повела Татьяна Васильевна взрослых дочерей к тем елкам, они их и не узнали, только мать место запомнила. Теперь Аня с Ниной сами матери, по двое детей у них. И...

— То ли балуем, то ли жалеем, — вздыхают. — Но нет того, что в нашем доме было.

Городской внучек Василия Федоровича Дроздова встречает деда вопросом: что принес? Деревенские племянники не знают, куда усадить дядю, чем одарить, как услужить.

— Не могу решить этой загадки, — рассуждал Василий Федорович, мой проводник по Волому, секретарь исполкома Кировского райсовета. — Сам местный, наизусть эту жизнь знаю, а думаете, как своих троих воспитывал? Нянчился да уговаривал. Ох, и жалею мы их, сами согласны в углу сидеть на черном хлебе, лишь бы детям хорошо было. А хорошо им от наших забот? Человеку ведь всего мало будет, если он настроился на такую мысль — жить все лучше и лучше. Вечно он будет недоволен: повесил ковер на стену, как пол без ковра? Жалею, жалею, а потом удивляемся, откуда люди берутся, что лишь о себе думают. А в многодетной семье мыслей

таких нет, дети там растут здоровые и счастливые.

И Аня с Ниной, и Василий Федорович, сравнивая свое детство с детством своих детей, словно бы сожалели о чем-то. Об испытаниях, которых на долю последних не выпало. Но ведь нет сейчас такой нужды — косить сено меж елочек, посаженных в далеком лесу, ходить с мамкой за двадцать километров в город за сортовым зерном с сумой на худеньком плечике, как ходил когда-то Василий Дроздов... Старшие любят рассказывать о былых трудностях, словно гордятся хлебом, который ели не вдоволь. А может, другим они гордятся? Стойкостью, с которой переживали скучные годы, делом своих рук, потому что и деревья сажать, и зерно нести на послевоенное поле было делом жизненным, как и труд всех в многодетной семье. А на жизненных делах и люди вырастают хорошие.

Какая жалость портит детей? Та, что без разума, потому что в заботе о сиюминутном благе забывает о цельной, большой жизни. А жалость от сердца, от души — другое дело. Как раз слово «жалко» я чаще всего слышала в Волом, правда, смысл в него вкладывался свой: жалею — значит, люблю.

У Анны Кузьминичны Антошиной умер муж, осиротели одиннадцать ребят. Уговаривали ее: хоть старших отдай в интернат. Не отдала. «Жалко». В Волом считается большим позором отдать ребенка из семьи, взять — другое дело. Даже семьи с небольшим достатком стесняются принимать помощь от школы. А уж сами за помощью ни в колхозную контору, ни в сельсовет, ни к директору школы не ходят. В селе жизнь на виду, начальство само догадывается, кто в чем нуждается, помогает. Пала корова, колхоз тут же дает новую, выплата страховки перекрывает стоимость новой телки. У Галины Акимовны Трудовой пол-огорода залило дождями, погбила картошка. Председатель колхоза Алексей Демьянович Северенков сам предложил выписать семье колхозной картошки, Галина и не просила.

Алексей Демьянович, человек еще молодой, в председателях всего три года, уже хорошо узнал цену работникам из многодетных семей.

— Кто остался в колхозе, врожденные труженики, на них держимся. А малые? Смотришь, доярка на ферму идет, погода — не погода, за ней гуськом — дети...

Накануне в Кирове женщина сугубо городская, с тонким профилем, в очках, мать единственного сына, узнав, что я еду в Волом, припомнила:

— Проезжали как-то на машине через Волом. Выехали из села, смотрим, босые ребятишки идут с узелками. Видно, отцам обед несли в поле. И серьезные такие, прямо некрасовские детки...

Говорила она с умилением, но была в этом умилении какая-то униженная жалость. А жалеть воловских ребят не за что. Их есть кому жалеть — любить. Сокрушаться нужно о тех, кто не знает цены хлеба, не выучен жить ради других, не имеет уважения к старшим и милосердия к младшим.

Как-то воловские школьники, выкопав картошку на своих колхозных полях, поехали помогать другому колхозу. Анна Антоновна Дроздова встретила с тамошними женщинами.

— Понарожали детей в свое удовольствие, — сказали ей местные вроде без зла, но и не с добром.

— А вы в чье удовольствие не понаражали? — нашла Анна Антоновна. — Кто

бы вам картох понакопал, если б не наши дети?

Здесь на своих детей не жалуются соседям, а сами за их проступки сгорают от стыда. Залезет пацан в чужой сад за яблоками, мать потом на односельчан не делю глаз поднять не смеет. Свои дети — своя вина. Но «пропавших» в многодетных семьях совсем почти нет. Бывает, загуляет парень после армии, так родители знают испытанное средство, чтоб «не бродяжил», — женить.

— Детишки пойдут, хочет не хочет, за ум возьмется.

Анна Антоновна Дроздова уверена, что мужики без женщин пропали бы.

— У меня семь девок, парней только четверо, и рада. От моих девчат по свету порядку больше будет.

— А я шесть сынов родила, шесть защитников Родины, — гордится своими Матрена Федоровна Золотова.

— А что мужик, — продолжает Анна Антоновна, — ему все хорошо, все ладно, хоть бы и крыша с дома долой.

— Ну, крышу-то я сам чиню, — не обижается ее муж, Иван Семенович. — А в чем права Анна, так это в том, что спокойные мы.

Отцы больших семейств настроены к жизни исключительно доброжелательно. Им действительно «все ладно», ни женские укоры, ни попреки, ни вздохи не могут вывести их из равновесия. Женщине, вынь да положь, любой вопрос надо сегодня решить, мужчина по пустякам убиваться не станет, уверен, что завтра все решится, иногда и само собой... Так плывет семейная лодка: женские руки энергично сжимают руль, муж не дает сбиться с курса...

Иван Семенович Дроздов (он однофамилец Василия Федоровича) — директор Волковской средней школы, и по вечерам дома ему приходится заниматься. Не мешают дети?

— У нас говорят: один закричал, других не слышно.

Неторопливостью, рассудительностью, терпением отличается и муж Матрены Золотовой Михаил Егорович, колхозный плотник.

— Сядет посреди избы и газетой закроется, — посмеивается Матрена. Но тут же без смеха говорит другое: — До света поднимется, печь затопит, скотине корму задаст, и тихонько эдак, чтоб детей не побудить, а уж как все делает — на работу.

Иван Иванович, муж Галины Акимовны Трудовой, сам строил дом, где они живут с одиннадцатью детьми, и полы стелил, и печь клал.

— Руки у него ко всем работам повернуты, — гордится жена.

Но тракторист Иван Иванович от зари до зари в поле, как и другие отцы семейств, для которых работа первейшее дело и главный долг. Татьяна Васильевна Аверьянова, бывшая председательша, окрестила своего мужа «государственный человек». А пока тот государственными делами занимался, поднимал здешние, довольно скудные, в песке и камнях, земли, она восьмерых вырастила и тоже работала, помощником бригадира. Многодетные матери по закону на пенсию идут в пятьдесят лет, но что-то никто заслуженным отдыхом не пользуется. Зато, глядя на их молодые лица с чистым, небесным каким-то взглядом, глядя на малых ребятшек, которые нет-нет, да и подбегут, спрячут головку в материнской юбке, ни за что не поверишь

их возрасту. Пока растут дети, женщина будет молодой.

Случилось мне как-то пожить в одной деревне в той же Калужской области. Автобусы от станции не ходили, и 17 километров до места надо было идти пешком по грязи или вызывать телеграммой колхозный трактор. Каждый второй дом в деревне был пуст. Внуки остались лишь у одной старухи, которая вместо отца с матерью о них заботилась. Эта большая, красивая старуха, в чьем ясном уме сохранилась вся ее жизнь, держалась бодро. Ради внуков ходила в соседнюю деревню за молоком — в своей коров уже никто не держал. А однажды взяла меня с собой за яблоками. Росли сады в шести километрах, вела к ним совсем безлюдная дорога. Самой деревни уже не было, дома разломали на хозяйственные нужды, на подворьях росла буйная крапива в два человеческих роста. Одиравшие яблоки — все, что осталось от бывшей когда-то жизни...

И такие деревни в Калужской области не редкость.

— Это уж как закон, — заметил председатель исполкома Кировского райсовета И. С. Огородников. — Бегут оттуда, где людей мало.

И чем меньше людей, тем больше бегут. Рождаемость маленькая. Здесь она не больше, чем по всему Нечерноземью: 1—2 ребенка в семье. И вдруг Волое!

Колхоз имени Ленина, чуть ли не единственный в Кировском районе, сам, без помощи шефов, убирает свой урожай. Только школьники накопили в том сентябре 720 тонн картошки. Показатели у колхоза средние, но себестоимость их продукции иная, чем у тех, кто убирает урожай с более богатых земель, но чужими руками. Словом, демографическая ситуация положительно сказывается на хозяйственной.

Если задуматься, есть ли в Волом исключительные условия, в которых процветают семьи, сразу и не ответишь. Построили детский сад, посреди села стоит торговый центр, работает медпункт, во многих домах водопровод. Но все это не диковинки. Продуктов и товаров в воловском магазине не больше, чем в окрестных селах, заработки в колхозе не выше, никаких сногшибательных сооружений вроде спорткомплекса с бассейном нет. Правда, колхоз многодетных матерей поддерживает, но, как сказала одна из них: «Если б председатель круглые сутки о нас думал, ему бы и в поле не выехать!» Помогает колхоз по мере возможностей. А уважение колхозного начальства и односельчан к материнскому труду безмерно.

При чем здесь уважение и так ли уж оно важно? Наверное, необыкновенно важно, потому что традиционная в Волом любовь к жизни, к детям создает то духовное пространство, в котором строится семейный дом, тот духовный простор, на котором воловские дети «возрастают» здоровыми и счастливыми.

Краем глаза я наблюдала картинки другой жизни. В исполкомовский газик на дороге подсаживался запыхавшийся председатель сельсовета соседней деревни: с ног сбился, чтобы оформить документы одной старушке — просит в дом престарелых. В приемной райисполкома тихо и чинно сидели в ряд чьи-то бабушки и прабабушки, тоже с просьбой куда-то их поселить, потому что жизнь в одиночку в деревне им уже не под силу. А в Волом стариков не бросают. Случилась здесь в одном доме беда: двое ребят, старшеклассников, лишились родителей, остались жить с бабушкой, совсем немощной. Стар-

шая внучка хотела уехать из села, но директор школы уговорил ее остаться ради бабушки. В другом месте, может, посудачили бы о черствости молодых, да пересудами все и кончилось, а здесь объяснили, как поступить по совести. Дети и старики расселены по разным жизненным полюсам. Но в духовно здоровой семье они уравнены в заботе и любви.

Семьи в Волом не знают разводов, безотцовщины, стойких конфликтов. Причем уроженец Волого, нашедший пару в других краях, всегда стремится назад. Есть, есть что-то необыкновенное в самом здешнем воздухе!..

Есть большая мудрость в том, чтобы служить делу жизни, чтобы продолжать ее на своей земле, там, где и ты родился на свет, услышал ласковые слова, выучился уму-разуму. Есть для женщины большая правда в том, чтобы беречь и сохранять каждую маленькую жизнь, порученную ей природой. Есть большой смысл в многодетной семье, сам строй существования которой учит любви и порядку. Но что-то не многие родители, кто со всем этим согласен, рискуют нынче стать многодетными. Причины известные: не позволяет бюджет, жилищная, некому помочь по хозяйству, не с кем оставить малышей, да и просто хочется пожить для себя. Мы видели, как в Волом решают эти проблемы. В доме место найдется всем — в нем хозяйничают не вещи, а дети. Очень красивые дети, заметим мы. Работящая семья способна прокормить и пять, и десять человек, да еще сироту, за двести верст отсюда осиротевшего, возмрут в свой дом и посадят за общий стол. Бабушки от внуков не отказываются, благо что и от бабушек никто не отказывается. Отцы доброжелательно взирают на многочисленное потомство, а особенная для них радость — внуки, когда жизнь на склоне лет словно начинается сызнова. Но что касается «своей» жизни, есть она у воловских матерей или нет — судите сами.

Галина Трудовая как выходила замуж в «плюшке», так за тридцать лет ничего себе не нажила. Дочка старшая тут ее расстроила: накупила младшим с первой полочки дорогих игрушек.

— Лучше бы себе сапоги за сто рублей, ведь в городе живет!

— Другие могут на свадьбу тысячный подарок сделать, — говорила без зависти Матрена Федоровна Золотова. — А у меня что есть? Я дала своим одиннадцати разум, а больше и дать мне нечего.

— Ковров у нас нет, — вторила ей Анна Антоновна Дроздова, — мы половичков на ткem, все в доме краше.

А муж ее, Иван Семенович, говорил так:

— Представьте, только двое у нас. Вот они выросли, оглянуться не успеешь, как уже в другом гнезде. А наша с вами жизнь в кого теперь будет перетекать, в телевизор?

Интересно, конечно, и телевизор смотреть, и книжки читать, приятно иметь красивые вещи, заниматься собой, продлевать свой женский век. Можно даже вещи возлюбить больше людей, не заметив, как это случилось, можно и развлечения поставить превыше труда, не упомнив момента, когда труд из сути и цели существования превратился в тягость... А для воловских матерей их труд не бремя. Они говорили, не сговариваясь:

— Если дети хорошие, ничего больше и не надо.

Нет в их домах дорогих мебельных гарнитуров, нет у них и времени задуматься, чего

им в их личной жизни не хватает, не обижены ли они, часом, судьбой... А может, всего у них в достатке и даже вдесятеро больше, потому что, если перестанут они рожать и растить детей, кто картох из земли понакопает? Кто Родину защитит? Кто продолжит наш род?

НЕ ОСТАНАВ

КЛУБ ЖЕНЩИН-МЕХАНИЗАТОРОВ

Их так хотелось поддержать и ободрить, сказать слова напутствия, пожелать удачи. Для того и пригласили в «Крестьянку» нашу сборную команду пахарей перед отъездом на международный конкурс. Хотелось верить, что и в этот раз, как в былые времена, команда окажется на высоте. Ведь из прошедших пяти соревнований лишь на четвертом наши пахари заняли второе место, на остальных были неизменно первыми. Даже переходящий кубок изготовили новый, так как прежний оставлен у нас на вечное хранение...

На сей раз пахари не порадовали удачей. На VI Международном конкурсе, состоявшемся в октябре 1986 года в Венгрии, наша команда заняла лишь третье место. Почему же так произошло?

Стефания Сержантович, прославленная трактористка из Литвы, сказала:

— Мы отстали потому, что другие ушли вперед. Не в мастерстве, конечно. В технике...

Сама Стефания вышла на первое место среди женщин. И это тоже не случайно: ее трактор выдержал экзамен еще на сборах.

Сборы проходили в разгар лета, в июле, в эстонском опорно-показательном совхозе «Тарту». И этот чисто спортивный термин «сборы» как нельзя лучше отражал суть происходившего: сборная СССР готовилась защищать честь страны. Но и заводы — изготовители сельскохозяйственной техники здесь, в Тарту, защищали перед пахарями, перед землей нашей честь своей марки, как бы отчитывались за свою продукцию. Какова же она сегодня?

— Честно сказать, ни один трактор Знака качества не заслужил, — вынесла оценку Стефания. — Хотя мне повезло: в моем К-701 только гидравлика подтекала. Сущий пустяк, надо лишь сменить уплотнительное кольцо. Правда, неудобно очень, часа два провозилась. В заводских условиях — минутное дело, да, видно, на заводе мало кто о пахаре думает.

Элле Мюйр, неоднократная участница и

призер предыдущих международных конкурсов, потеряла несколько дней. По жребию ей достался трактор «Беларусь» с заводским номером 198849. Включила — и тут же выключила: где-то стучит. Но эта неполадка оказалась незначительной, представитель МТЗ ее тут же устранил. А вот лопнувший корпус масляной центрифуги потребовал смены целого узла. Пока помчались «гонцы» на розыски этого узла, пока нашли да привезли, пока заменили... Менять пришлось и датчик уровня горючего в баке: тот, которым на заводе снабдили, зашкаливало. И это техника, выделенная целевым назначением по приказу первого заместителя председателя Госагропрома СССР Е. И. Сизенко и министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения А. А. Ежовского! На каких же тракторах приходится пахарям работать в своих хозяйствах?

— Ой, да если бы дома была такая техника! — гладит оранжевый бок «Кировца» Стефания. — Это же сказка, мечта! У меня К-701 старый, три месяца недавно была с ним в ремонте.

Год назад Стефания на Всесоюзном конкурсе пахарей в Башкирии «отобрала» у мужчин первое место по классу К-701. Год назад она была царицей бала, и скоро ей, победительнице, будет аплодировать Венгрия. Среди тренеров двое «без пяти минут» доктора наук, к словам Стефании

Десять детей — это десять страхов за их жизни, десять печалей за их провинности, десять тревог за их будущее. Десять детей — это десять улыбок, которыми одарил тебя каждый из них. Десять раз на разные голоса сказанное слово «Мама!». Десять детей — это десять дорог, пролеглих от твоего порога во все стороны света. Это жизненное пространство, увеличенное десятикратно. Это мир, в котором живут десять твоих детей.

— На моего из армии благодарность прислали. Пишут: спасибо за сына.

— Старшая моя на заводе «Москвичи» делает. Девка — и машины! Кто бы сказал, не поверила, а ей по нраву.

— Ездил в Ленинград на свадьбу к сыну. Ох, хорошую девку взял, культурную. Вот только не знаю, будет ли родить...

— Стою я в магазине, на полках обуви — глаза разбежались. Дочка, говорю продавщице, найди мне ботинки какие покрепче, шесть пар. А она: да куда вам столько, нынче про запас не покупают. Мне не про запас, говорю, — сынов обувь. Помогла.

— А на моих все горит. Хоть бы наука позаботилась, обувку какую железную придумала.

— Дочка в город замуж вышла, а через два года не выдержала, вернулась домой да еще мужа, инженера, с собой привезла. Ездит он теперь, горемычный, за двадцать верст на работу. А хорошо, говорит, у вас, до старости здесь жить буду.

— Моя дояркой. И не горюет, что институт не кончала.

— Старшая третьего внука мне родила — вылитый дед!

— А моя, не знаю уж, в кого умная такая уродилась, академию кончает в Москве.

— Академиков из наших пока не было. И в космос воловские еще не слетали, а так во всех краях, на всех работах, какие только на свете есть, наши дети!

Мир матери, в котором живут ее десять детей, — это очень большой мир. Он начинается с дома, где бесшумно качается крохотная люлька, продолжается полем и лесом, подросшими елками в том лесу, соседней деревней, откуда взяли к себе ребенка, разбегается разными дорогами на север и юг, запад и восток. И там, в больших и малых городах, все тот же мир, как в родном селе. Удивительный мир, в котором мать ничего не страшится и нигде не чувствует себя чужой, потому что во всех людях видит чьих-то детей, а в жизни — чью-то заботу об этой жизни. Если она повстречается вам, в плюшевой жакетке, обвешанная сумками, из которых торчат детские валеночки и пакеты с гостинцами, не удивляйтесь, услышав, как она обратится к вам, как к родной: «Дочка!»

ЛИВАЙТЕ ТРАКТОР.

они чутко прислушиваются, а о пахарях и говорить не приходится... Как трудно представить ее на старом «Кировце», по три месяца находящемся в ремонте! С горечью делилась Стефания:

— На тракторе я девятнадцать лет, и последние семь — на К-701. Машина интересная, удобная, но... Простужаюсь часто. Да и как не простудиться? Кабина закупорена, вентиляции нет. Приходится окно открывать. Но одно откроешь — толку никакого, кабина большая, воздух не доходит. Значит, надо и второе открывать. А это сквозняк и верная простуда...

— У меня такое впечатление, что сами конструкторы не сидели за рулем, — говорит Валя Бушмелева из Челябинской области (на конкурсе в Венгрии она заняла среди женщин третье место). — Вот МТЗ с новой кабиной, которой все завидуют, о которой все пахари мечтают. А я и ею недовольна. Сиденье высокое, а рычаг короткий. Захочешь переключить скорость — бросай руль, ищи рычаг. Да это даже по технике безопасности недопустимо! Неужели никому из конструкторов не пришло в голову, что такая прекрасная кабина несет в себе ущерб?

Или еще: прицепное устройство находится в углублении, его из кабины поди разгляди. Откроешь заднее стекло, высунешься — но теперь до муфты не дотянуться. Как хочешь, так и прицепляйся!

А отопление? Это ж надо додуматься: поставить отопитель на потолке! А вода идет по трубам, которые находятся снаружи. В сильный мороз (у нас зимы суровые) перехватывает горячую воду на полпути, она просто замерзает, до печи не доходит. Ну, разве ж это трудно было предусмотреть? Хочется спросить: для кого конструкторы создают эту технику? Представляют ли они, каково пахарю в поле?

Неуютно чувствовал себя представитель МТЗ инженер-испытатель Л. В. Стаскевич в разговоре с трактористкой Бушмелевой. Но как патриот своего предприятия не спешил признать ошибки. Прицепное устройство? Так это от МТЗ-50 еще осталось. Теперь специальное приспособление есть. Почему на Валином МТЗ-80 его не оказалось (речь шла о том тракторе, на котором Бушмелева работает дома)? Да кто ж его знает! Отопитель? Да, это конструкторский просчет. Уже думают над этим. Почему не подумали сразу? Да кто ж его знает! Рычаг? В новом варианте кабины он будет расположен в зоне досягаемости. Трудно ли было сразу предусмотреть? Да кто ж его...

Леонид Владимирович, человек еще молодой, окончательно смутился. Если бы почаще тракторостроители вот так высказывали механизаторов!

Сборная команда пахарей на встрече в редакции «Крестьянки». ▼

Легко, без натуги поднимает гидравлика тяжеленный восьмикорпусный плуг, будто руку вскидывает. Вот только... А ну как «рука» не удержится? А ты в это время лемех меняешь... Подумать страшно! А ведь можно снабдить плуг стойкой по типу антенны в транзисторном приемнике. Понадобилась в поле — выдвинул, укрепил раму и полезай спокойно, делай, что надо. Задвинул — и нет стойки. Удобно же!

Мы привыкли — и это плохо! — что у себя дома можем допустить небрежность, не обратить внимание на конструктивные неполадки, на внешний вид тем более. Лишь бы машина работала. Точнее, лишь бы выпустить ее за ворота.

Но вот собрались в гости и знаем: взгляд будет пристальнее, чем всегда. Так посмотрим же сам повнимательнее на то, что в буднях проходит по касательной, не слышом тебя задевая. А не сумел увидеть — возьми карандаш да с благодарностью запиши то, что заметили другие, практики, что проскочило да так и осталось на годы. Карандаш был, но...

— Вот посмотрите, — говорил руководитель команды, работник Госагропрома СССР В. И. Яловнаров представителю Волгоградского тракторного завода А. С. Юмаеву. — Раньше эта деталь тяги была граненая, ее легко было регулировать. Конечно, для производства круглая — то проще: обжал трубу — и готово. А механизатору в поле?

— Пусть регулирует плуг, а не тягу, — отвечает Юмаев...

— Крышки двигателя слабо крепятся. На работе, может, и не скажется, но ведь грязь же накапливается! Трактор новый, а уже чумазный.

— У нас таких рекламаций не было...
— Речь не о том, чтобы что-то менять конструктивно. Просто крепить крышку не тремя болтами, а, скажем, пятью. Или уплотнитель применить более качественный.

— А нам такие поставляют...
Представителей Козельского механического завода, выпустившего автомобиль-мастерскую, модель 3901 (кстати, ни года выпуска, ни заводского номера на табличке нет, а вот «Сделано в СССР» указать не забыли), не было. А если бы и были, вряд ли покраснели бы за свою продукцию: уж такие это мелкие неполадки, что инженер-механик, которому поручено довести «техничку» до ума, и говорить о них стеснялся. Ну, болты на корпусе повыскакивали, как только попытались включить генератор: не привернуты были. Так все равно их бы пришлось отвинчивать: ремни оказались надеты наоборот. И шпонка, на которой должен крепиться цкив, не сидела в гнезде, а была просто приставлена. Спешили, видно, очень... Сверлильный станок, правда, заржавел внутри, похоже, долго находился под открытым небом, прежде чем его поставили сюда. Из пульта ржавую воду удалять пришлось? Но это даже к сча-

стью — коррозия не пропустила электричества, иначе мог бы сгореть двигатель: провода были неправильно присоединены друг к другу. Сразу под клеммами и не разглядишь... Вот ящики с инструментом не задвигаются, запереть их невозможно. Плохо, конечно. Зато ведь инструмент есть! Механик просто счастлив: это ж такой дефицит!

Как же приучен наш потребитель к заводским полуфабрикатам, если даже такие неполадки для него — мелочь, о которой и говорить неловко! Не потому ли так вольготно живет бракоделам в заводских цехах, что в поле их продукцию принимают, скромно потупив глаза? Даже если эта продукция покрыта ржавчиной. Впрочем, чего ждать от продукции там, где коррозии подверглась заводская марка, честь рабочего, спокойно взирающего на «недоношенное дитя», выходящее за ворота завода? Авось механизатор доведет до ума — для себя же...

Но не все может механизатор. Не случайно с таким тяжелым чувством (точнее, с предчувствием) уезжали наши пахари в Венгрию. Как ни готовили плуги, сколько ни возились с ними во время сборов в Тарту — и крепили по-разному, и методы вспашки различные опробовали, — но так и не добились, чего хотели. Хотя плуги и были изготовлены специально, а для К-701 даже в экспериментальном цехе. Конечно, экспериментальные эти плуги были на порядок выше тех, что поступают в хозяйства. И в этом есть проблеск надежды, что когда-нибудь, возможно, прекратится поток брака из производственного объединения «Одессапочвотмаш». Но что касается трех- и четырехкорпусных, то они даже в специальном изготовлении далеки от уровня мировых образцов.

Правда, наш многострадальный пахарь, сравнивая этот спецзаказ с тем, тоже «спец», на последнем Всесоюзном конкурсе в Башкирии, все-таки оценил нынешние старания одесситов. Даже, случалось, похваливал плуги. Как, например, Эльмар Вески, которого знают не только в Эстонии и в стране, но и за рубежом. Всего три корпуса на его плуге, а подобрать их так, чтобы «гармонировали» друг с другом, долго не удавалось. Средний, правда, стоит изящно. Зато первый трижды пришлось менять, третий — семь раз. Но Эльмар благодарен одесситам... за то, что запчастей целый контейнер прислали! Помнит, как на предыдущих конкурсах металась в поисках замены. Теперь — разве не счастье? — забирается Эльмар в контейнер, как в машину с арбузами, и по одному ему ведомым признакам пытается разыскать подходящий. Вот только вес пахотного «арбуза» килограммов шестьдесят. А ведь можно, как в тех, экспериментальных для К-701, обозначить корпуса клеймами. Если, конечно, о пахаре думать.

Впрочем, есть неравнодушные люди и в производственном объединении «Одессапочвотмаш». Ведущий инженер испытательной станции Виктор Владимирович Вейс рассказывал:

— После конкурса в Башкирии ездил я к участникам разбираться, что же там с нашими плугами вышло. Стыдно было за негодную продукцию.

— Но вот же сумели хоть немного, но лучше изготовить? Даже злосчастный ПЛН-3-35 не вызывает у пахарей уж слишком больших нареканий.

— Мы в нем переделали автосцепку на более жесткую, то есть старую. Конечно, только для конкурса. Хотя старая конструкция надежнее нынешней. Но при агрегатировании она требует двух человек, тогда как современная, с автосцепкой, лишь одного. В этом ее достоинство.

— Лучше один раз поработать вдвоем, чем все время потом в поле мучиться одному, — не без резона заметила Валентина Бушмелева.

— Мы от многого отступили, — вздохнул Виктор Владимирович. — И задумки-то вроде хорошие, как вот эта автосцепка. Ну, кто же против такой идеи? Беда только в том, что конструкторы наши не воплотили ее в реальность, поспешили отчитаться. Кому-то кратковременная слава, пахарю — на годы слезы. Я говорил об этом еще лет двадцать назад — ретроградом прослыл.

Или, скажем, стойка: она же раньше литая была. Теперь разборная. Тоже для удобства пахаря: чтобы легче снять-сменить, одному ведь литую трудно поднять. Сделали разъемный корпус. Тоже ладно, хотя и ясно, что такой жесткости уже не будет, а для работы с почвой она очень нужна. Но самая большая беда — уходит плуг с завода в разобранном виде. Как подогнаны детали, как прилаятся друг к другу — это мало кого интересует.

— Столько у нас всяких ГОСТов, ОСТов — папку за день не прочитать, — продолжает Виктор Владимирович. — А отвалы полировать не считаем обязательным. Не раз слышал: в земле сам отполируется, стоит ли силы тратить? Чтобы эти вот отвалы для конкурса отполировать, пришлось во всякие ухищрения идти, ведь у нас даже станков, приспособлений таких не осталось, выкинули за ненадобностью.

Что такое неотполированный отвал, хорошо «прочувствовали» участники конкурса под Уфой: плуг просто не заглублялся. К тому же краска въелась: и поверхность шероховатая, и по технологии положено смазку применять перед покраской, а смазку тоже сочили излишней.

— На заводе мало знают о нуждах механизаторов, — размышляет над причиной такого головотяпства Виктор Владимирович. — Вот и рассуждают, как дилетанты, и такие же плуги делают. По конструкции — тоньше, по изготовлению — грубее. «А что, он не будет что ли пахать? Раньше сохой пахали...»

Когда Вейс говорил о более тонкой конструкции, он имел, очевидно, в виду не только тонкость мысли, но и ту «тонкость», от которой плуг похудел. Взвесили как-то на контрольно-испытательной станции, сравнили с книгой весов (была такая у испытателей). Поняли, почему плуги не выдерживают испытаний: каждая стенка уголка на полтора миллиметра тоньше. Экономия металла — это прекрасно, да ведь металл, должно быть, предполагался более прочный. А так — рамы стали гнуться. Кто, когда допустил такое — теперь не установишь. Да и не нужно это пахарю, ему надежный плуг нужен. Хотя бы такого качества, как вот эти. Для конкурса они

всех требований не выдерживают, но в поле пахарь и им был бы рад.

— Далеко нам до таких-то плугов, — с горечью говорит Вейс. — Ведь даже в экспериментальном цехе не нашлось нужного оборудования. Формовали вручную, по деревянной модели. Сделали первые четыре плуга для К-701. Вижу, предплужники короткие. А мне говорят: принимай поскорее, сроки поджимают. Смотрю техдокументацию: так и есть. Нужно 29—33 сантиметра, здесь только 24. Проверил в поле — глубина не выдерживается. И диск не дает вертикальной стенки борозды. Допуск 5—6 миллиметров, у нас — 11—16. В общем, резали кронштейны, все заново переварили...

Здесь, на тартуском поле, и позже, на поле венгерском, Стефании Сержантович будет чуточку легче, чем могло быть, потому что испытатель плугов Вейс принял на себя нагрузку чуточку большую.

Но вот выводы — и довольно грустные — из отчета советской команды: «Неосуществление плугов в большой степени помешало команде СССР занять более высокое место. За последнее пятилетие плуги ЧССР, ГДР, ВНР значительно усовершенствованы. Например, чешские плуги имеют девять регулировочных точек, наши — всего четыре».

Случайно ли, что команда ЧССР заняла первое место, ГДР — второе?

Но речь все-таки не столько о конкурсах, сколько о повседневной работе нескольких миллионов трактористов-машинистов, выходящих на поля страны. Промышленность, специально созданная для обеспечения их техникой, вынуждает пахарей принимать технику любую. Остро поставлен вопрос о качестве и надежности техники на выставке во ВНИИ сельскохозяйственного машиностроения, которую посетил в ноябре минувшего года Михаил Сергеевич Горбачев. Упреком звучали его слова в адрес изготовителей и конструкторов: все общество знает о том, говорил он, что вы в большом долгу перед аграрным сектором, перед сельским хозяйством, что вы туда поставляете некачественную технику, которая не дает возможности решать наши задачи.

Проблема качества стала острой, центральной проблемой перестройки. Одним из кардинальных путей ее решения является введение государственной приемки продукции, и сельские механизаторы на госприемку в большой надежде. Однако же им ясно, что и все «сущие мелочи», и явные конструкторские просчеты появились и накопились в результате невнимания конструкторов и изготовителей сельхозмашин к работающему на этих машинах пахарю, нежелания выслушать его дельные — в деле же проверены! — замечания. Если так — просим конструкторов и изготовителей рассматривать эту публикацию как простейший каталог недочетов, составленный лучшими механизаторами страны не только в ходе подготовки к конкурсу, а в ходе долгой и добросовестной работы.

Нина КОРИНА
Фото В. КАМЫШКО.

Для стихов Ольги Чугай характерно настойчивое желание осмыслить зримый мир в его незримых связях с историей, судьбами предыдущих поколений и, наконец, с собственными переживаниями. При этом поэтесса избегает броских красок, внешних эффектов, стихи ее скорее акварельны.

Ольга Чугай — автор сборника стихов «Судьба глины», член Союза писателей СССР.

Детство, обездоленное войной, потеря близких, суворовское училище, работа синхронным переводчиком в советских представительствах — вот наиболее существенные вехи биографии Геннадия Русакова, поэта, для которого слово «родство» — самое главное и дорогое.

Геннадий Русаков — член Союза писателей СССР, автор сборников «Длина дыхания» и «Время птицы».

● ОЛЬГА ЧУГАЙ

Ау-ау — весь день гуляет эхо —
Осколки музыки,
Обрывки смеха,
В известке звезды битого стекла.
Когда-то здесь другая жизнь была.
В густой сирени поселился стойкий
Мазутно-горький запах новостройки.
Ау-ау — здесь — на краю села
В овраге речка бойкая текла.
О чем тоскуешь, проезжая мимо? —
Наверно, это в нас неистребимо.
Пускай вода давно ушла в песок.
Но маленькой реки ворчливый голосок
Оставь себе, а стройки дух бродячий
Достанется другой орде ребячьей.

То, к чему прикасались
Руки твои, —
Истлело.
Медленно жизни огонь
Пожирает все, что живет.
То, что любило сердце твое, —
Уцелело.
Дольше нас
Только любовь живет.

После долгого молчанья,
Отчужденья, одичанья —
В зимнем парке над рекою
Веток черное качанье,
Свист поземки, грай вороний,
Снега синее сиянье.
Открывай, январь, ворота,
Распахни навстречу шире,
После дней солнцеворота
Что-то бродит в темном мире —
Как вино в бродильном чане,
Как любовь — когда вначале —
Только страх и колотье —
Нет названья у нее...

● ГЕННАДИЙ РУСАКОВ

Все тоньше защитная пленка души.
А порвется — и страшно, и больно.
Поживи, помолчи, подыши,
Походи по дорожке окольной.

Посмотри, как течет в короба
То зерно, то осот — недоглядка.
Эх, веселое дело — судьба,
Ломовая мужицкая хватка!

Обману-ка я время свое —
Притворюсь балагуром для смеха.
Ну, а вдруг приживется вранье —
То-то будет потеха!

Ведь у времени женская стать,
И зрачок расстоянием занят.
Затаиться, не быть, перестать...
Только кто это время обманет!

Военное детство

Вся Россия горит — нынче столько
пожаров!
И копченьем ракушек пропахла река.
На афишке у клуба мотается Жаров,
И трофейные ленты, и стрекот движка.

Мы идем по земле, мы несчастны,
но живы —
Семилетние урки, фатовая рать.
Ради сущего хлеба, не ради наживы
Шуровать по «скрипучам» и в нежном
тифу умирать.

Ой, страна, как нас жарко с тобою спаято,
Милицейским свистком охлестнуло
судьбу!

Дотлевают Ростов и дымятся Каяла,
Печенеги готовят ночную татьбу.

Я запутался, мать, среди дат и столетий.
Все пожары похожи, и пепел горяч.
И идут по земле, все идут золотушные
дети.

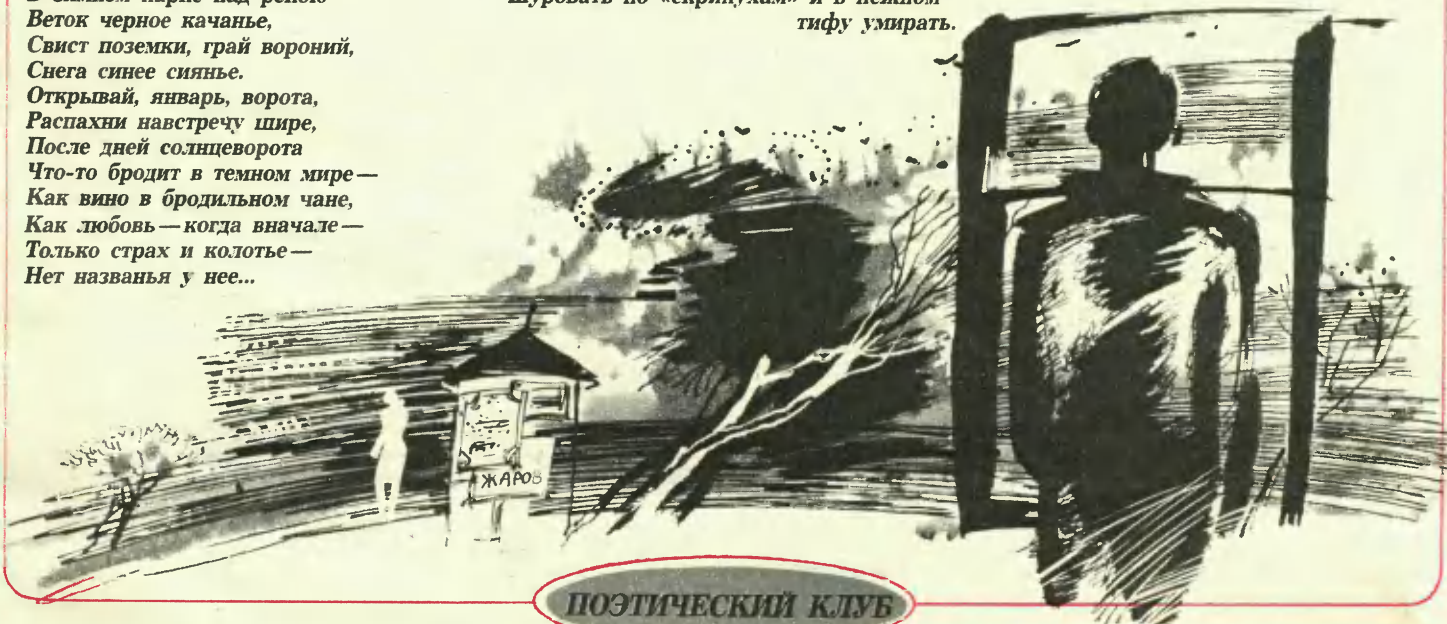
Отвернись и не помни, так тихо,
так горько не плачь.

На огромной, вздыбленной, кровавой,
На земле, судившей по столам,
Белым хлебом звали хлеб неправый.
Правый был с мякиной пополам.

Ничего — пощипывали, жили.
Три налога на одну козу.
(На вдовство. На скудость. На двужилье.
На беду, терпение, слезу.)

Не забуду, мати, не забуду...
Остуди лицо в семи морях.
Ты куда (запомнили — откуда!)
У себя самой в поводьях?

Дай мне стать хотя б твоей травой,
Чтоб укрыть родительскую плоть —
Это вот, ледащее, живое...
Страшно сеять, боязно полоть.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КЛУБ

Кундузой ЮЛДАШЕВА,
секретарь парткома колхоза имени Ленина
Восейского района Кулябской области
Таджикской ССР.

На XXII съезде женщин Таджикистана в президиуме сидела первая женщина, взглянувшая на Землю из космоса. Своим подвигом Валентина Терешкова всех нас сделала выше, подняла не над землей, но в собственных глазах.

На съезде Звезда Героя Социалистического Труда и орден Ленина были вручены делегату Сайли Рахмоновой — бригадиру полеводческой бригады из совхоза «Кызылсу». Все мы испытали гордость за нее — такая она была красивая, с таким достоинством держалась...

На съезде были названы имена замечательных женщин — трудолюбивых, деятельных, талантливых. Без них даже наша богатая земля была бы скудней.

Но здесь же, на съезде, прозвучало слово, больно отозвавшееся в сердце каждой таджички. Слово это — калым. Из каких веков, из какой темноты прошлого проникло оно в наш светлый зал? Трудно поверить и говорить стыдно, но пришло оно и из наших дней. Может быть, сделать вид, что этой беды нет? Но тогда завтра десять новых появятся. Нет, сегодня мы достаточно сильные, чтобы не скрывать наших слабостей. Мы нетерпеливы — хотим заглянуть вперед, в новый день, и часто считаем так: сказать всему, что нам не нравится в нашем прошлом, «прощай» — уже достаточно для расставания...

Иду по улице и внимательно вглядываюсь в девичьи лица. Кто знает, может быть, красоту этих глаз, нежность души, надежду и верность, скромность и веселый смех, и умение красиво вышивать сюзана, и гибкость рук — все это одни уже договорились купить, а другие, самые близкие — родители, — продать за несколько баранов, рулоны дорогой ткани, мешки с мукой, рисом и сахаром?

ДОЧЕРИ

Кто виноват в том, что это происходит? Родители или девушка, что не понимает своего унижения, готова забыть о себе, своей судьбе, своем достоинстве? Или мужчины, один из которых отдает собственное счастье без борьбы, а второй ведет себя, как бай, неизвестно где и когда усвоивший байские замашки, — ведь у тех, кому сегодня двадцать лет, не только отец с матерью, но зачастую и родители родителей выросли при Советской власти.

У каждого из них своя ответственность. Но есть она и у меня как у секретаря парткома. И у секретаря комитета комсомола, и у наших депутатов, и у школьных учителей, и у членов женсовета. Словом, у всех, кто занят воспитанием человека. Воспитание требует мужества, сердечности и постоянства. И воспитывать надо не всех вместе, а каждого в отдельности. Вот замечаю: если вопрос касается трудовой дисциплины или нарушения технологии, тут спросим по всей строгости. А семья... Это вроде бы дело личное, для чужих запретная зона. Но наше невмешательство — это чаще равнодушие, чем деликатность.

Я как-то в шутку спросила у нашего председателя, Героя Социалистического Труда, знаменитого и почитаемого в республике Мирали Махмадалиева: а не пришлось ли ему в свое время платить калым? Он только усмехнулся в ответ:

— Какой калым! Не было калыма. Кушать нечего было. Мирали Махмадалиев стал председателем в сороковом году. 63 гектара хлопка, 3 коровы, 20 баранов и овца — вот и все колхозное хозяйство. Председатель и его жена Менихол сделали себе шалаш из камыша и несколько лет жили в нем. Земля вокруг была дикая. Переселялись сюда со всех районов, спускались с гор. Самый бедный люд собирался вместе, чтобы построить колхоз, один из самых сильных сегодня в республике, награжденный орденом Ленина. 17 тысяч тонн хлопка сдаем в год государству, а кроме него, — зерно, молоко, мясо, овощи, фрукты. Валовой доход — 17 миллионов рублей. Чистой прибыли имеем 6 миллионов.

Но неужели же когда люди были бедны, они свободнее выбирали свою судьбу? Почему теперь достаток порой одерживает верх над достоинством? Я думаю, если ослабевает внимание к человеческой душе, достаток обязательно оборачивается сытостью, мешанством. Тут уж какая гордость, главное — выгода. И один человек уже не слышит другого — он слышит только, как шелестят деньги...

СМОТРЯТ

Люди, поднимавшие колхоз, и не мечтали о том, что имеем мы сегодня. Ежегодно на развитие культуры выделяется 400 тысяч рублей, 3 миллиона — на строительство. Есть 12 клубов, 13 садов-яслей, 10 школ, 4 амбулатории, 8 фельдшерско-акушерских пунктов, больница, профилакторий.

Не удивляйтесь таким масштабам. Хозяйство огромное — разместились почти на восемнадцати тысячах гектаров, население — более 28 тысяч человек.

То, что создано и построено у нас, у многих других есть пока только в перспективных планах. Но сами-то мы разве в полную меру используем то богатство, которое у нас в руках? Разве работает эта прекрасная база для социального и культурного развития на полную мощность, с максимальной пользой для каждого человека?

Что противопоставляем мы тому же калыму, тайному сговору родителей? Просветительские беседы с ними и с молодыми? Да, это нужно, но еще важнее знать о каждой будущей свадьбе, о рождении новой семьи. И готовиться к свадьбе, и праздновать надо ярко, весело, интересно, соединяя советский обряд бракосочетания с лучшим, что есть в народных традициях. Ведь есть же у нашего женсовета прекрасный опыт ежегодного проведения праздника села накануне весенних работ. Он проходит во всех кишлаках. Люди от души веселятся, поют, танцуют, читают стихи, играют на народных инструментах, участвуют в спортивных состязаниях. Женщины готовят национальные блюда, дегустируют же их и определяют победительниц не только члены жюри, но и все желающие... А комсомольские свадьбы праздновать пока не умеем. Хорошо, если бы душанбинские культработники на первых порах помогли, и не только нашему женсовету — другим тоже.

Другой пример: есть прекрасная больница с родильным отделением. Но некоторые женщины все еще рожают дома, прибегают к помощи неграмотных старушек, не спешат к врачу, когда болеют сами или заболевают дети.

Или: у нас десять школ, но каждый год учителя недосчитываются девочек-старшекласниц, которые прекращают учебу.

У нас есть клубы, но сколько женщин и даже девушек годами туда не заглядывает!

Вот сколько проблем, решать которые надо колхозному женсовету вместе со своим активом. А наш актив—это прежде всего сельская интеллигенция.

Во многих делах первыми помощниками могут и должны стать советы девушек, ведь они есть в каждой школе. На старшекласниц могут положиться, скажем, наши учителя и врачи. Если подружки несколько дней нет в школе, девушки идут к ней домой, узнают, что случилось. Они же сообщают медикам, что в таком-то доме болеет ребенок, а мать и не собирается обращаться к врачу.

Одному женсовету трудно управиться на большой территории колхоза, а старшекласницам по силам и интересны рейды по санитарному состоянию и благоустройству кишлаков, улиц, дворов. Девушки могут посмотреть, какие условия созданы в семьях для занятий и развития младших школьников. Это же не инспекционные проверки, раздражающие родителей, а общественное внимание, выяснение, нужна ли помощь... Перед девушками особенно стыдно выглядеть неумелой хозяйкой и беспечной матерью. А будущие хозяйки, бывая в гостях, тоже учатся, как надо и как не надо вести дом.

Именно этих девочек-старшекласниц уже в юности можно увлечь, научить их вмешиваться в жизнь, быть хозяйками не только в доме—в колхозе. Своих молодых подруг мы должны воспитывать сейчас, а не перевоспитывать завтра, что делать гораздо труднее.

Кому, как не женсовету, будить в женщинах социальную активность, усиливать их роль во всех областях жизни! Но влиять мы должны не только на женщин—мужчины нуждаются в воспитании не меньше. Частенько приходится слышать, как мальчик в 12—13 лет разговаривает с сестрой или однокласницей в приказном, повелительном, а то и в пренебрежительном тоне. Мы еще мало заботимся о том, чтобы уже в саду, в школе развивать в ребятах уважение к девочке. Плохо приучаем мальчишек к самообслуживанию, и они зачастую стыдятся помочь матери, сестре в работе по дому.

Из таких подростков вырастают мужчины, которые смотрят на жену, как на прислугу. Вырастают женихи, предпочитающие выбирать в невесты девушек малообразованных—из тех, что становятся безответными женами. Именно такие мужчины на

Сейчас в колхозном филиале профессионально-технического училища несколько девушек—будущих механизаторов. Как встретит их колхоз? Или бригадиры-мужчины будут отказываться от них под всеми предлогами и снова придется вмешиваться председателю? Такой сильный характер, как у председателя Гулининой Софии Кирилловны, механизатора, депутата Верховного Совета Таджикской ССР М. Курбоновой, агронома Х. Карахоновой, есть не у каждой женщины. Если в шестидесятых годах в колхозе было 22 женщины-механизатора, то сегодня их только восемь.

Перед республикой сейчас стоит очень важная задача: лучше использовать трудовые ресурсы, а значит, активнее привлекать женщин к участию в народном хозяйстве. В Таджикистане более 120 тысяч неработающих женщин и девушек. В нашей области их больше 30 тысяч. Проблема занятости есть и у нас в колхозе. Конечно, у многих неработающих женщин большие семьи, их материнская работа по воспитанию детей крайне необходима обществу. Однако женщины, имеющие даже нескольких детей, все равно хотят работать. Хотят быть в коллективе, чувствовать себя более независимо в семье, да и заработок—дело немаловажное. Но колхоз не может обеспечить всех постоянной работой. Выход есть: активнее внедрять сельские цеха от предприятий и наемной труд. Сейчас в республике действует 71 филиал системы Минмestпрома и 15—легкой промышленности. Это позволило предоставить работу тысячам женщин. Пора открыть подобные мини-производства и в нашем хозяйстве. Много придется решить женсовету вопросов с руководством колхоза и производственниками: найти помещение, разместить оборудование, перевести сезонные детские сады на круглогодичную работу, определить ассортимент продукции (вероятнее всего, швейной).

Если вы заглянете в здание, где скоро откроется музей трудовой славы колхоза, то на строительных лесах увидите симпатичных, перемазанных краской девушек, которые увлеченно разрисовывают яркими, как цветы нашей земли, узорами потолки и стены. Уже с первого взгляда видно, что им по душе это занятие—нет таджички, которая не увлеклась бы вышивкой, а эта работа чем-то похожа на вышивание.

В бригаде орнаментальной росписи, созданной не так давно в колхозе, десять девушек и девять парней. Руководит ими Саидхмат Эмомов. Когда-то на выставке самодеятельных художников орнаментом восемнадцатилетнего Саидхматата заинтересовался народный художник Таджикистана М. Олимов, чье имя носит теперь художественное училище в Душанбе. Он и преподдал пареньку практические уроки рисования, снабдив при этом холстом и подрамником. А главное—развил любовь к древнему искусству орнамента. Теперь Эмомов передает ее своим молодым друзьям, чьи руки украсили уже не одно колхозное здание. Многие девушки завидуют своим подружкам, тридцать написали заявление с просьбой принять их в бригаду.

Есть еще один вопрос, который меня очень беспокоит. Если я вижу, что на ручной сбор хлопка выходит женщина, которой вот-вот рожать, или та, у которой ребенку месяц,—вмешиваюсь в ситуацию немедленно, говорю с бригадиром и с женщиной: ведь она и себе, и ребенку добра не делает. Государство, заботясь о матери, не только проявляет гуманизм и дальновидность, но и показывает всему обществу пример истинного к ней уважения. Мы же добровольно отказываясь от своих законных прав, тем самым это уважение к себе со стороны окружающих подрываем.

У женщин нашего колхоза есть возможность следить за своим здоровьем. Кроме профилактория, работают грязелечебница, водолечебница, скоро откроется филиал профилактория для семейного отдыха. Готовится проект нового корпуса на 200 мест, и, когда он будет построен, теперешнее здание передадут для лечения и отдыха матерей с детьми.

Эти наши планы знаете когда родились? Двадцать лет назад. Решили тогда построить дом отдыха. Выбрали место на возвышенности, а вокруг—голая земля, ни одного дерева. Сделали искусственное водохранилище, стали сажать чинары, сосны, айву, гранат, миндаль, урюк. Деревья окружили здание, которое стало межколхозным профилакторием.

А пять лет назад на горных склонах хребта в ущелье Гурдара люди посадили яблоневый сад. Здесь как раз и строится филиал профилактория для семейного отдыха. В этом месте самый жаркий день прохладным кажется—ветерок свободно гуляет, и сверху открывается очень красивый вид. А вокруг посмотришь—террасами поднимаются фисташковые деревья. Они пока еще тоненькие, гнутся под ветром—тоже ведь совсем недавно посажены.

Гурдара в переводе означает «могильное ущелье». Но когда люди посадили деревья, стали называть это место по-другому: Гулдара, «ущелье роз». Я думаю, у всякого, кто тут побывает, сильнее станет вера в красоту и разумность жизни. Но ведь и каждый человек способен расцвести и преобразиться так же, как эта земля. Надо только помочь ему, как помогли земле.

Фото Б. БОРИСОВА.

Тамара АЛЕКСАНДРОВА

СЕМЕЙНОЕ, УЛЬЯНОВСКОЕ

Владимир Ильич Ленин был очень похож на отца — отмечают близкие, знакомые, все, кому довелось видеть отца и сына рядом. В отца вышел лицом и сложением, унаследовав его рост, его широкие скулы, высокий лоб. Унаследовал и живой характер, веселый, общительный нрав. Оба смеялись заразительно. «Ух, как умел хохотать. До слез», — писала о Ленине Крупская, отвечая в 1935 году на анкету Института мозга. И Илья Николаевич смеялся безудержно, отмахиваясь руками, не в силах остановиться.

Сын, как и отец, умел ограничиться в быту самым необходимым. Не любил тратить на себя, привыкая к вещам, не желая с ними расставаться. Впрочем, можно сказать, что это в равной степени шло и от матери, от Марии Александровны. Дочерям обычно очень трудно было уговорить ее купить, сшить себе что-то новое. Неизменно отказывалась: обойдусь.

От матери унаследовал он редкую пунктуальность и редкую аккуратность. Как помогли они ему потом в напряженнейшей жизни! Надежда Константиновна считала, что и талантом организатора Владимир Ильич в значительной мере обязан матери. Прекрасно организованный дом, прекрасно организованная жизнь большой семьи... Мария Александровна успевала не только вести хозяйство, воспитывать детей, заниматься самообразованием. Она была еще и попечительницей женского двухклассного училища, часто посещала его, занималась с ученицами рукоделием.

Товарищи Владимира Ильича, которые были знакомы с Марией Александровной, говорили, что природа его обаяния, умение располагать к себе, способность создавать легкую благожелательную атмосферу становились понятными при общении с матерью.

Мария Ильинична рассказывала, как принимал Ленин ходяков в Кремле. При этом образно живописала их, стоящих перед кабинетом главы Советского правитель-

ства: держали шапки в руках, переминаясь с ноги на ногу, на лицах — смущение. С одной стороны, радовались предстоящей встрече, с другой — смущались: как-то примут, что скажут? Встали в очередь перед тем, как войти, впереди — самый старший...

А через некоторое время можно было наблюдать в кабинете такую картину: Владимир Ильич чему-то громко смеялся, и вместе с ним смеялись крестьяне, словно задушевный разговор снял с них все тревоги, волнения, заботы.

Материнское обаяние было, конечно же, помножено и на отцовское. Эпизод, который зафиксировала младшая сестра, напоминает многие рассказы об Илье Николаевиче Ульянове — инспекторе, а потом директоре народных училищ — рассказы сподвижников.

Приходя в класс, садился где-нибудь сзади на скамейке рядом со школьниками. Те ребята, которые уже знали об этой инспекторской привычке, при его появлении начинали подвигаться, наперебой приглашая сесть рядом. А после звонка он всегда оказывался в плотном кольце детей. Они протягивали свои тетрадки, чтобы он порадовался их успехам, что-то рассказывали. Как-то на уроке Веры Васильевны Кашкадамовой одна девочка с первой парты на четвереньках пробралась к последней — чтобы только показать «дилектору» свою работу.

Как многое берет человек от родителей! Сейчас мы любим произносить с ученым видом: «генетика», «генетический код». А раньше говорили: «Это семейное. От рода». И истоки многих семейных черт кроются отнюдь не в генетических законах — в образе жизни семьи, в сложившейся системе ценностей, в системе отношений с людьми, к людям. Поэтому при несхожести внешней, различии темпераментов, характеров в детях Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых было немало общего.

У всех отмечено особое обаяние. Видимо, оно от огромного интереса к человеку, кем

бы он ни был, от редкого — тоже семейного, ульяновского — умения слушать, слышать. Почему это считается умением, что тут, казалось бы, вообще уметь? Стоит однажды проконтролировать себя: слушаем ли, слышим ли мы самых близких наших — детей? Даже если не отмахиваемся от них вечным «некогда», то, сидя рядом и «педагогично» изображая внимание, отключаемся нередко от их рассказов, уносясь мысленно к своим заботам, делам, и не замечаем, как они умолкают. Нам кажется, мы много с ними разговариваем (заметим, в глаголе — совместность действия, соучастие), а на самом деле лишь произносим увещательные речи и хотим зачастую лишь одного: чтобы нам не возражали — некогда нам спорить и переубеждать, — приняли слова сразу на веру. А человеку иногда важнее всего, чтобы его выслушали. И не нужно ему ответных слов: он и в глазах способен прочесть одобрение, неодобрение, и примет их ближе к сердцу, если в тех же глазах заметит интерес к себе, к своим проблемам.

Отвечая на вопросы уже упомянутой анкеты, Надежда Константиновна рассказывает поразительный случай. Владимира Ильича после болезни посетила делегация рабочих. Потом все участники встречи делились своими впечатлениями, и все рассказывали, как говорил с ними Владимир Ильич. А он ничего не сказал им, он их только слушал.

Уважение, внимание к человеку — признак истинной интеллигентности — были естественны для всех Ульяновых: с раннего детства они не знали другого. В Кокушкине видят мать среди крестьян — не пройдет Мария Александровна по деревне, чтобы не остановиться со встретившимися человеком, не расспросить о жизни, о детях. По вечерам к ней часто заглядывали деревенские женщины, которые помнили ее еще девочкой, девушкой, то посоветоваться о чем-нибудь, то ребенка показать: приболел, не поможет ли докторская дочка?

Помогала, чем только могла. Ее очень любили в деревне, и многие по старой памяти звали Машенькой. Когда в 1922 году крестьяне Кокушкина обратились к рабоче-крестьянской власти с просьбой открыть в деревне школу «грамотности и ремесла», они тут же просили еще об одном — назвать эту школу именем матери Ленина. Именем Марии Александровны.

Илья Николаевич тоже снискал глубокое уважение кокушкинских крестьян. Заходил нередко в их избы, присев на завалинке, подолгу беседовал с ними. Относился к ним, как к равным себе, — и они не могли этого не чувствовать.

Дома знали, сколько заботы проявлял отец о детях чувашей, мордвинцов — самых бедных, забытых инородцев, о том, чтобы они могли учиться. И это при самодержавном политическом угнетении народов других национальностей, при обывательском высокомерии к нацменам, которое так явно проявлялось в многоязыком Поволжье, в Симбирске. Татарина уничижительно назовут «князем», армянина — «армяшкой»... Дети унаследовали отцовское сострадание, особый долг перед людьми, которых правительство сознательно обрекало на еще большую темноту, чем русское крестьянство, на беспросветное невежество.

Не случайно в старших классах гимназии у Владимира появился ученик — Никифор Охотников, чуваш по национальности. Он был на десять лет старше своего репетитора, сам уже учительствовал в Симбирской чувашской школе. Обладая большими способностями к математике, самостоятельно изучил ее в объеме гимназии, очень хотел заниматься дальше, но для поступления в университет надо было сдать экзамены за гимназию по всем предметам, в том числе по словесности, по древним языкам — латыни и греческому. И Володя взялся его подготовить. От обычной в то время платы за уроки отказался — хотя отнюдь не лишними были в семье, только что потерявшей отца, даже небольшие деньги. Вынуждены были в то время сдавать половину дома постояльцам: пенсии не хватало на жизнь, да и назначена она была не тотчас. Жили теперь куда теснее, чем прежде, но занимался Володя с учеником дома регулярно, через вечер.

Охотников сдал экзамены за гимназию в один год с Владимиром Ильичем и поступил в университет.

Во взрослых детях проглядывается отцовское отношение к делу: дело — нечто высшее, чему должна быть подчинена вся жизнь.

На VIII конгрессе II Интернационала Ленин вел бой против оппортунистического засилья в русской секции конгресса. Ему было очень трудно: наживал себе сильных врагов. Но не сдавал позиций, не шел на компромиссы, уверенный в своей правоте. «Он губит партию...» — раздавались возмущенные голоса. И когда одна большевичка спросила яростного оппонента Ленина, меньшевика Дана, как же один человек может погубить партию, он ответил: «Да потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции,

и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним».

Наверное, только сильная, сплоченная семья, где все любят друг друга, может отразиться в характерах, взглядах, нравственном облике детей похожими чертами.

Как-то довелось окунуться в большой поток редакционной почты о семейных проблемах. Письма рассказывали о сотнях и сотнях замечательных семей, как правило, больших, многодетных, где домом правят согласие, заботливое отношение друг к другу. И что интересно: читатели нащупывали, открывали некую закономерность. Любовь в семье тесно связана с любовью к другим людям. Многие размышляли о том, что изначально. Здесь, правда, мнения расходились: в чувствах не всегда выстроишь логическую цепь доказательств. Важно данное: единство крепких высоких родственных уз и уважения к человеку вообще.

Открываешь 55-й том собрания сочинений Владимира Ильича Ленина, книгу «Переписка семьи Ульяновых», — и пробивается сквозь большой уже пласт времени живой ток жизни семьи: волнения о близких, разные просьбы друг к другу, на которые откликались тотчас, отложив собственные дела.

Лаконичны письма Саши из Петербурга. Нельзя читать их без боли, когда вдруг вспомнишь, как мало тогда оставалось ему жить. Будто чувствуя это, бережет время, не тратится на многословие. Нет, не будем домысливать. Все проще: сказывается его обычная сдержанность, его углубленность в занятия — с головой ушел в науку. И тем не менее не забывает о книгах, которые просит купить Володя, посылает книги отцу. Спокойный, интеллигентный тон семей-

ной переписки не оставляет места для излияния чувств. Чувства в самом факте письма, в конкретной заботе. И вдруг такая пронзительная нежность вырывается из Аниных строк Саше: «Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете. Это не я одна скажу, не как сестра; это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненаглядное!» Она пишет ему в Петропавловскую крепость. Нет сомнения: предложили бы ей поменяться с братом участью — поменялась бы, не размышляя.

И он в эти дни — представишь ли их тяжесть! — думает о ней, сестре, близком своем друге: «...Я пред тобою бесконечно виноват, дорогая моя Анечка; это первое, что я должен сказать тебе и просить у тебя прощения. Не буду перечислять всего, что я причинил тебе, а через тебя и маме: все это так очевидно для вас обеих. Прости меня, если можно...

Твой А. Ульянов».

Письмо написано 26 апреля 1887 года. Александру Ульянову, обвиняемому в попытке покушения на царя, уже вынесен смертный приговор...

Все в семье бережно относились друг к другу. И беды — беда, как известно, не ходит одна — обостряли чуткость.

Оле неполных двадцать. Живет вдали от дома в Петербурге, безмерно занята — учится на Высших женских курсах, где как раз наступила пора экзаменов, — но нашла время все разузнать о сроках экзаменов в университете: Володе наконец разрешили сдать экзамены экстерном за юридический факультет (на каждый шаг Ульяновы должны были получать позволение в официальных инстанциях, которые, в свою очередь, непременно сносились с де-

Семья Ульяновых. Художник В. Котляров.

В симбирском доме у Володи Ульянова была своя комната. Здесь его первый рабочий стол...

партаментом полиции). А когда брат приехал, Оля пишет матери письмо за письмом, сообщая все подробности его жизни — какую снял комнату, тихо ли в квартире, удобно ли будет заниматься. Понимает, как трудно матери, потерявшей сына, отпустить детей от себя и как тревожится, несмотря на восхищающее всех мужество, за каждого из них. Потому спешит ее успокоить. Уверяет, что волнения напрасны: Володя не надорвет здоровья. Он — олицетворенное благоразумие. Ночами спит, не сидит за книгами, и каждый день ходит обедать, следовательно, прогуливается...

С детских лет на всю жизнь оставалось в них неизменным стремление прийти другим на помощь, сделать это ненавязчиво, незаметно.

Оля и Володя бегут пораньше в гимназию, чтобы помочь кому-то сделать трудный перевод, объяснить решение задачи. И при этом первый ученик и первая ученица никогда и никак не подчеркивали своего превосходства. Свой завтрак Володя непременно делит с «пансионерами» — с товарищами, которые жили не дома и нередко недоедали. В воскресенье кого-то из них позовет к себе домой. Мария Александровна с неизменным радушием встречает всех приятелей своих детей — напоят чаем, угостит рассыпчатым печеньем. Так было в пору их детства, так будет всегда до последних ее дней.

В каждом из них обнаружишь ту истинную доброту, которая проверяется только одним — умением делиться последним. У Александра Ульянова было две золотые медали — за окончание гимназии и за студенческую научную работу. Одну он заложил, чтобы помочь нуждающемуся товарищу, другую — чтобы купить азотную кислоту для общего дела — для изготовления бомб...

Любили друг друга, берегли, но признавали всегда право любимого жертвовать собой во имя главного дела жизни, во имя высшего. И вот Анна, потерявшая одного брата, несет в тюрьму передачу другому, Владимиру. Он начал здесь свой большой научный труд «Развитие капитализма в России». Ему книги нужны. Сколько книг разыскивала в библиотеках и отправляла в Сибирь, в Шушенское, где он продолжал работу. Взяла на себя кропотливую подготовку рукописи к печати, корректуру... Анна Ильинична Ульянова стала активнейшим деятелем социал-демократической партии, ее большевистского крыла,

которое возглавил Ленин. Младшая сестра, Мария, тоже стала верным его соратником.

«С самых детских лет я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе с своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка, — пишет Мария Ильинична. — И если я позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, если я только подозревала, что Владимир Ильич может меня видеть или слышать...

Я думаю, что такой полный авторитет он завоевал себе благодаря высоте своего нравственного облика. Дети ведь очень чутки к тому, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы взрослые не оперировали с двойного рода моралью: одною, применяемою к детям, а другою — к себе...

Возможно, что моя привязанность к Владимиру Ильичу усугублялась еще тем, что я перенесла на него любовь к отцу, который умер, когда мне еще не было и восьми лет».

Брат и наставник. Он не мог, изучая что-нибудь, открывая, не делиться с другими. Уже в юности умел убеждать, увлекать. В Казани, в доме Орловой, в маленькой кухне, которую облюбовал для занятий, сидя на устланной газетами плите, восемнадцатилетний Владимир с большим жаром рассказывает Анне о теории Маркса, о новых горизонтах, которые она открывает. Через несколько лет увлечет марксизмом, социал-демократическими идеями младших брата и сестру.

Когда по дороге в ссылку Владимир Ильич задержался на несколько дней в Москве — повидаться с родными, поработать в библиотеке Румянцевского музея, — Маняша каждое утро отправлялась вместе с ним, чтобы помочь сделать необходимые выписки из книг. И потом постоянно работала в библиотеках по его указаниям, радовалась, когда удавалось чем-то помочь. Уехав учиться в Брюссель, следит за периодическими изданиями, которые его могут заинтересовать, отправляет в Шушенское газеты, журналы...

Она была самой преданной и самой нежной на свете сестрой. До конца его дней. И оставила нам немало строк об Ильиче. Рассказывала, как во многом Владимир Ильич повторял мать. Так же, как и она, серел лицом, волновался и мучился, если ему казалось, что недостаточно позаботился о ком-то из близких или товарищей, недостаточно хорошо устроил. Кто был знаком с Марией Александровной, понимал, откуда идет сердечность Ильича. Она умела заботиться не только о детях, проявляя эту способность в любой мелочи. Собирается куда-нибудь в дорогу — складывает в мешочек нитки, пуговицы, иголки. Ей самой не надо так много, но вдруг кому-то из попутчиков понадобится, можно выручить. Готовя передачу детям в тюрьму — как часто приходилось ей этим заниматься, — старалась сделать столько пирожков, столько котлет, чтобы всем соседям по коридору — у арестованных иногда бывала возможность делиться друг с другом — хватило хотя бы дня на два. И как расстраивалась, если заключенных оказывалось больше, чем при последнем свидании, и ее расчеты не удались!

Кажется, все известно о семье, которая дала миру Ленина, воспитала пятерых революционеров, подчинивших свою жизнь служению народу, отличавшихся не только стойкостью и мужеством, но и прекрасными свойствами души. И тем не менее каждый виток времени открывает новое в нашем нравственном наследии. Мы ищем ответы на вопросы своего времени — и находим их у Ульяновых.

Гаврилово-Посадский район далек от областного центра, на поезде не один час добираться. Здесь, на центральной усадьбе колхоза «Заря», стоит сельский Дом культуры. Руководитель им В. Н. Пелевина, художественный руководитель — ее супруг В. М. Пелевин. Работники с большим и хорошим опытом. В Доме культуры хор, ансамбль народных инструментов в двух составах, инструментальный ансамбль, агитбригада, театральные коллективы, клуб ветеранов, факультет эстетике и еще множество кружков — от фото до танцевального. И все это отнюдь не на бумаге, а реально существует, действует и является важной частью жизни хозяйства. Успехи бесспорны. Но наш сегодняшний разговор будет касаться такого рода успехов только во вторую очередь. Остановимся на вопросах материальных.

Здание Дома культуры находится на балансе колхоза. Он же его и построил в 1972 году. Сооружение по индивидуальному проекту обошлось почти в 350 тысяч рублей. Здесь все необходимое — от уютных комнат для кружковой работы до огромных залов для массовых мероприятий. И даже кое-что сверх необходимого, например, балкон под оранжерею. Как с размахом все это строили, так не скупятся и на содержание. Председатель «Зари» Ю. П. Кондратьев считает, что вложение денег в культуру — дело наивыгоднейшее. Правда, колхозу и есть что вкладывать, прибыль позволяет.

Это как раз самый чистый случай, когда с деньгами проблем нет. Даже с наличными. Правление колхоза имеет такую возможность — проголосовали, и поехал в Москву В. М. Пелевин с туго набитым бумажником. Купил, к примеру, в «Лейпциге» ударную установку для ансамбля за 1150 рублей. Магнитофон — пожалуйста, любой выбирай, что есть в магазинах.

И соответственно уровень проблем с материально-техническим снабжением диктуется уже достигнутым. Не устраивает качество отечественной усилительной аппаратуры, даже самой дорогостоящей: часто ломается, сложности с ремонтом, низки акустические параметры. Претензии к современным комплектам русских народных инструментов: урезаны по количеству, недостающее приходится дополнять отдельными и не всегда подходящими инстру-

Ваша вся

Мы, кажется, перестали удивляться, узнавая, что в совхозе на окраине или в селе за тридевять земель от областной филармонии возвели почти что сказочный Дворец культуры, ставят оперу в народном театре... Организаторы и работники сельской культуры сегодня занимают проблемы, которые не имеют «географического» объяснения, вчера еще привычные и значительные, что насколько они объективны и серьезны для Дома культуры стать центром клубной жизни села? Попробуем разобраться.

ментами, это неудобно. Сложности с хорошими (именно хорошими, попрошу заметить, нам еще придется к этому вернуться) красками и кистями.

Есть проблемы и у А. Г. Попова, директора Дома культуры поселка Морозово на территории колхоза имени Кирова. Здание добротное, тоже строилось хозяйством, тоже на его балансе, но дому уже 30 лет, и по планировке он современным требованиям отвечает, конечно же, не так идеально, как в «Заре», порой не хватает места для кружковой работы.

Хочется декоративную плитку на пол, фанеровку на стены — не какую-нибудь, а красивую, хорошего качества. Кресла сменить на более современные. Всего этого через облснаб не проешь. Те же сложности с хорошей краской. Управление культуры тут не помощник (здание на балансе колхоза), а свои возможности ограниченны. Это тоже попрошу запомнить.

Но подавляющее большинство вопросов все же решается именно при помощи самого в данном случае могучего инструмента — наличных денег. А. Г. Попов даже удивляется: «Николай Алексеевич Егоров, председатель наш, сам у меня и в самодеятельности участвовал, если он да и все в хозяйстве видят, что деньги в дело идут, зачем будут отказывать?»

Стоит ли добавлять, что колхоз имени Кирова, как и «Заря», крепкое, рентабельное хозяйство?

А вот у директора ДК в поселке Липовая роща Натальи Валентиновны Куце осталась одна проблема. Совхоз «Петровский» уже практически закончил капитальный ремонт здания, великолепные новые фальшпотолки современного дизайна, шумопоглощающие панели пастельных тонов... А колец, чтобы шторы повесить, никак достать невозможно, исчезли отовсюду одновременно, и Наталья Валентиновна очень расстроена. У директора же хозяйства Л. Л. Фролова свои проблемы. Он уже всерьез задумывается о строительстве нового Дома культуры по индивидуальному проекту. Есть такое желание, и есть такие возможности у крупного, богатого откормочного хозяйства.

Это были всего лишь беглые зарисовки, цель которых — постараться создать общее

впечатление о состоянии дел в районе с материально-техническим обеспечением сельской культуры. И если ДК «Зари» — это пока еще для большинства день завтрашний, то остальные — вполне сегодняшний, совершенно нормальный для любого среднего хозяйства.

Но вот тем-то Гаврилово-Посадский район и характерен, вернее, не совсем характерен для Ивановской области, что в нем средний уровень хозяйства — это высокий уровень рентабельности. И при этом из 26 клубных учреждений только 4 на балансе областного управления культуры. Но и их Е. И. Лебедева, заведующая районным отделом культуры, мечтает в самое ближайшее время перевести на баланс хозяйств, что вполне реально. Но даже в этой ситуации, когда у руководителей колхозов и совхозов есть и средства, и желание их употребить на культуру, существуют вопросы, решить которые они бессильны.

Скажу сразу, что Елена Иосифовна Лебедева, один из опытнейших работников культуры, менее всего склонна к жалобам и уж особенно к тому, чтобы возводить какие-то мелочи в ранг непреодолимых проблем. Потому приведу только те отрывки из наших бесед, где она говорит о больном:

— Нельзя представить себе любой актовый зал без специальных театральных кресел. С одной стороны, их всегда нужно много, а с другой — это вещь не вечная, а постоянно находящаяся в эксплуатации мебель, к тому же мягкая. Ведь обстановка — тоже воспитывающий фактор. Короче, получили в этом году на район 500 кресел, а надо минимум 2 тысячи. На следующий год даю заявку на тысячу, заранее снижая требования, но и так прекрасно знаю, что будет половина. Никак не можем добиться нормальных книжных стеллажей. Нужны современные, деревянные, а предлагают нам в неограниченном количестве металлические, на них просто невозможно хранить книги, это заведомый брак, зачем его гнать год за годом?! Сейчас растет популярность ансамблей русских народных инструментов. Мы вроде бы к этому стремились и всячески приветствовали, а как дошло до дела, оказались не готовы. Только на район нужно шесть комплектов инструментов, а дали пять на всю область. Есть и еще масса хозяйственных, и финансовых, и

транспортных, и снабженческих вопросов, но вот что мне хочется особенно подчеркнуть — все же ими должен заниматься именно хозяйственник, а не работник культуры... Вот в районный Дом культуры пришел директором Вячеслав Евгеньевич Ковалев. Он прекрасный музыкант, отличный организатор художественной самодеятельности, но хозяйственник из него никакой!

Итак, примерный круг проблем Гаврилово-Посадского района очерчен. Они достаточно серьезные, если подходить к ним в отдельности, но вызывают улыбку, когда из глубинки переносишься поближе к центру, в Лежневский район, на территорию совхоза «Лежневский», всего в двух десятках километров от главного города области. Тут сразу же начинаются сложности совершенно другого порядка. Действительно, у одних жемчуг мелок, а у других ши жидки.

Яковлевский сельский клуб не самый рядовой уже потому, что работает здесь Валентина Феоктистовна Солодова. Ее, заведующую крохотным клубом, знают в области все и упоминают в тонах только крайне уважительных: «Ну, так это же наша Солодова, с ее-то опытом и инициативой!»

Опыта действительно не занимать. Более 25 лет назад пришла сюда Валентина Феоктистовна. Почти одними своими руками, без большого числа помощников разбирала в соседней деревне жилой дом. Перевезли его в Яковлево — стала оборудовать клуб. Тогда и этому рада была, что хоть какое-то помещение появилось с несколькими десятками кресел, где можно собрать людей, если, конечно, есть чем печку растопить. Ну, а когда не было, сама шла добывать и рубить дрова — тут она человек не гордый и на принцип не идет. У нее другие заботы. Но хочу я начать рассказ об этих заботах не с клубных дел, а со слов, которыми встретила нас сама заведующая перед крыльцом клуба:

— Я ведь пятнадцать лет депутат сельского Совета и все годы быось: сделайте дорожку, хоть какую, хоть гравийку, чтобы люди ходить могли. В восемьдесят четвертом даже по областному радио пообещала избирателям, что на следующий год дорожка будет. И все пороги обивала — никто не отказывает. Все обеими руками «за». Толь-

ко вот в данный момент денег нет. Или деньги появились, но рабочие именно сейчас нужны в другом месте. То вот все есть, да гравий кончился. А гравий пришел — транспорт исчез. И так все пятнадцать лет. Ну уж больше я им не уступлю. Прямо сказала: новый клуб не открою, пока дороги не будет. Что это за учреждение культуры, куда только в болотных сапогах и доберешься!

Как уже стало ясно из слов Валентины Феоктистовны, здесь скоро должен быть новый клуб. Шесть лет на другом конце деревни пустует здание бывшей начальной школы — вот его-то и решили отремонтировать и приспособить. Подряд взяло на себя Лежневское РСУ, долго ничего не делало, да и никто его особенно, кроме Солодовой, не тербил. Наконец, ее приставили к управлению надоели, и оно попросту заявило о своем бессилии. Тогда заведующая стала добиваться помощи от директора совхоза Ю. Ф. Ларина. Он направил троих... К рабочим у Солодовой претензий нет: «Делают что могут». К директору тоже: «Я совхозу сочувствую, у него у самого дыр много». Вообще Валентина Феоктистовна предпочитает не предъявлять претензии, а заниматься делом. И вот какими делами ей приходится заниматься.

Существующая в деревне электролиния «не потянет» той нагрузки, что потребуется аппаратуре нового клуба. Солодова идет (здесь везде «идет» употребляется в прямом смысле) к руководству Лежневского района электросетей и договаривается провести к клубу новую линию. Электрики согласны, но объявляют стоимость работ — 400 рублей. Испуганная заведующая идет советоваться к зампреду райисполкома. Тот уверяет, что это совсем недорого, надо соглашаться. А тут еще оказывается, что и внутреннюю проводку в бывшей школе тоже надо менять. Это еще минимум 150 рублей. И деньги требуются наличными. А наличные Солодова может расходовать только по так называемому нештатному фонду. Что это за фонд? На селе есть еще множество работ, для производства которых попросту не существует организаций. Например, снег с крыши сбросить, дров нарубить, дымоход в печке прочистить. Может все это сделать только конкретный человек за конкретные деньги. Каковые деньги и выдаются по тому самому нештатному фонду. Солодовой в год полагается 110 рублей. Их еле хватает на заготовку дров, сама Валентина Феоктистовна дрова уже рубить не может, возраст не тот. Но даже если она и будет их рубить или вообще обойдется без отопления, то и тогда накопить деньги, чтобы заплатить электрикам, сможет только через 5 лет.

Еще она достает краски. Добилась наконец дефицитной эмульсии, поехала на склад облснаба, краска вот она, стоит, не взять нельзя, не пришли на нее вовремя какие-то накладные. Больше месяца каждый день караулила, когда придут. Дождалась. Сейчас Солодова срочно ищет транспорт, чтобы эту краску забрать.

Все лето, когда и нужно вести наружные малярные работы, пыталась добыть белила. Наконец, к осени, как дожди пошли, белила появились. На базе дали одну бочку, сказали, что там 300 килограммов. На два района. При этом взвешивать отказались, хоть в бочке почти половины нет. И разливать отказались, сами делите. И вот Солодова нынче решает вопрос, что и как делить, если на ее клуб при самых скромных расчетах и полной бочки не хватит.

Солодовой срочно необходимы пиломатериалы. Она выясняет, что достать их можно только на базе лесопункта. Идет туда. Ей объясняют, что материал есть, но

продают только колхозам и совхозам. Идет к директору своего совхоза. Тот бы вроде и рад помочь, да у него у самого соответствующий лимит кончился. Наконец, дали лимит. Солодова идет в сельсовет, берет доверенность, потом в совхоз, ей на основании предыдущей доверенности дают последующую доверенность. С ней Солодова добирается до лесопункта. Но там материалы кончились.

Кроме того, Валентина Феоктистовна занята добыванием книжных и платяных шкафов, банкеток, столов и тому подобного. Все это дефицит, и его надо успеть захватить в момент появления. Надо пойти в сельсовет и взять там (если дадут) лимитную книжку. Написать заявку. Поехать в областное управление культуры и там эту заявку подписать (если подпишут). Пойти в облснабсбыт и на основании этой заявки получить наряд. С этим нарядом пойти на базу (уже не пойти, а явиться со своим транспортом) и выписать там счет по лимитной книжке. После чего получить желаемую банкетку. Это еще вариант идеальный, он осуществим только при наличии лимитной книжки, в противном же случае добавляется еще несколько финансовых операций.

Это далеко не все дела, которыми сегодня и постоянно приходится заниматься заведующей сельским клубом В. Ф. Солодовой. Самый короткий рассказ обо всех занял бы десяток страниц. Но вот что отмечу: ведь эти заботы отнюдь не основные для работника культуры! Ведь вся та работа, которой занимается Валентина Феоктистовна как заведующая клубом, работа, принесшая ей заслуженную известность в области, — она к перечисленному не имеет ровно никакого отношения. В этом уверена прежде всего сама Солодова:

— Становлюсь не организатором культурной жизни, а завхозом. Вынуждена знать все ходы и выходы. И многие знаю. За то меня и уважают, и даже некоторым в пример ставят. А мне ничего этого знать не хочется. Мы же, пока воюем из-за бочки краски, человека упустить можем!

Но это речь шла о, как я упомянул, совсем не рядовом клубе. Потому как: «Ну, там у них Солодова...» Человек с опытом, правительственными наградами, репутацией, с совершенно неординарными организаторскими способностями. А вот неподалеку от «Лежневского» и совсем уж рядом с Ивановом, на территории совхоза «Согласие», в деревне Чернцы заведует сельским Домом культуры Лариса Германовна Аbruкова. Работает здесь всего семь месяцев, учится на первом курсе культпросветучилища. И если Солодова может и в райисполком, и даже в облсполком пойти, и знает, к кому и зачем пойти, и ее по крайней мере хоть выслушают, то Аbruковой порой на прием к директору собственного совхоза попасть трудно. Ей еще опыта набираться и авторитет только зарабатывать. Сумеет ли она все это сделать в существующих условиях?

А условия таковы. Старое, деревянное здание с покосившимся крыльцом. Давно не крашенные полы. Сырые стены. В зале разнокалиберные, часто поломанные кресла и стулья.

— Народу мало ходит, — сетует Лариса Германовна, — даже в кино. У всех цветные телевизоры. А замужние и совсем ходить перестают, семейные заботы начинаются.

Но дело, конечно же, не только в цветных телевизорах и заботах. Неприятно ходить в такой клуб. Да и делать здесь толком нечего и негде. Даже для кружка кройки и шитья угла выделить нет возможности.

— Самое главное, у нас кризис постоян-

но течет. Я когда еще устраивалась на работу, мне в управлении культуры обещали, что в здании скоро должен быть капитальный ремонт. А теперь никто про ремонт даже и не говорит. Директору не до меня...

Да, клубные дела директора совхоза В. Г. Трусова не сильно занимают. Вот и на последнюю просьбу подкупить хоть что-то из аппаратуры для инструментального ансамбля он ответил: «Пользуйтесь тем, что есть». А то, что есть, просто старый лом, и, чтобы увидеть это, не нужно быть специалистом. А требовать Лариса Германовна пока не умеет. И даже толком не знает, чего и как требовать. В вопросах финансовых, снабженческих, всех, касающихся материально-технического обеспечения, она полный профан. Что с какого счета и для чего нужно и можно перечислить — совершенно не представляет. Такие понятия, как «заявка» и «наряд», для нее глубокая тайна. Можно, конечно, упрекать девушку в безынициативности. Но кто ее всем этим премудростям учил? И кто научит? Да ведь не решен еще и главный вопрос: а нужны ли вообще ей, работнику культуры, все эти хозяйственные навыки и умения? К тому же, прежде чем упрекать, следует вспомнить: если не Лариса Аbruкова, выбравшая деревню Чернцы для постоянного места жительства, искренне желающая здесь работать и получающая для этого специальное образование, будет заведовать данным клубом, то кто? Большой конкурс на эту должность?

Так что все же более характерно для Ивановской области: дворцы в «Заре», перед которыми разбивают специальные газоны и завезли фигурные бетонные плитки, чтобы выложить парадный подход к мраморной лестнице, или избышка в Балахонках Ивановского района на территории колхоза «Маяк», где, чтобы потанцевать в крохотном зальчике, приходится выносить стулья и складывать их горой в махонькой прихожей? И какие сложности наиболее часты: когда не устраивает качество звучания аппаратуры или не устраивает отсутствие телевизора?

Больше не будем утомлять читателя описаниями и приведем несколько цифр. Стационарная сеть клубов и домов культуры области — 534. В приспособленных помещениях находятся 161. Требуют капитального ремонта 63. О том, насколько приспособлены «типовые», не говоря уже о «приспособленных», свидетельствует такая цифра: в 191 клубе и доме культуры нет комнат для кружковой работы. Относительно аппаратуры. На всю сеть: роялей и пианино — 193, телевизоров — 386 (все черно-белые), комплектов для инструментальных ансамблей — 236 (в их число входят и такие, как в Чернцах, которые никакими комплектами не являются), комплектов для ансамблей народных инструментов — 40, для духовых оркестров — 57. И, наконец, о штатах. В области почти постоянно более 100 вакансий. А по сути, гораздо больше, так как чрезмерно развитое совместительство явно в ущерб качеству работы, но на это в управлении культуры вынуждены сознательно идти из-за острейшего дефицита кадров.

Итак, мы попытались обрисовать общую картину на уровне сельских клубов и домов культуры, а также районного звена управления ими. Но остается открытым основной вопрос: что же мешает каждому клубу и ДК достичь благосостояния хотя бы самого среднего, но удовлетворяющего требованиям сегодняшнего дня? Попробуем ответить на него в следующем материале.

Александр ВАСИЛЬЕВ

Ивановская область.

ЗА СПИНУ РУКОВОДИТЕЛЯ НЕ СПРЯЧЕШЬСЯ

Девушке из тюменского совхоза «Плодовый» снилось небо. Она летит в нем хозяйкой, на ней красивая форма, и голос ее завораживает пассажиров: «Командир корабля и экипаж приветствуют вас на борту...» А наутро девушка спешила к начальнику местного аэропорта, расположенного по соседству с совхозом, с заявлением: «Прошу принять меня на работу...»

Небо небом, но ведь земле тоже нужны руки. Директор «Плодового» Гавриил Кириллович Клемёнов и председатель профкома Леонид Васильевич Юдин поставили перед собой и коллективом задачу: за короткий срок осуществить программу обновления условий труда и быта животноводов. Для этого упорядочили режим работы доярок, открыли для них профилакторий, сауну, приемный пункт службы быта, организовали торговлю по заявкам... Не одними словами, а вот этой заботой выразили и свое уважение к нелегкому труду животноводов и доказали престижность профессии. За два последних года комплекс не покинула ни одна доярка. И теперь уже директору совхоза приносят заявления с просьбой принять сюда на работу.

Итак, соседство с аэропортом, притягивавшим молодых, стало толчком для решительных изменений в жизни совхоза. Однако тенденция к переменам, потребность в них ощущаются не только там, где рядом с селом появляется «конкурент» — стройка, комбинат или завод. Сама жизнь и новые потребности людей диктуют необходимость коренного улучшения условий труда и быта сельских тружеников. Ни отмахнуться, ни отгородиться от этого знака времени никому не удастся.

Как-то с год назад вместе с одним районным профсоюзным активистом ехали мы из нечерноземной глубинки. Ехали со старой, запущенной фермы. Мой попутчик не возмущался, не искал выходов из бедственного положения. Вздыхнув, он лишь сказал:

— Это еще хорошо, что люди втянулись, и до них так было, вот и воспринимают, как норму. А увидели бы другую жизнь — наверняка бы ушли.

Трудно представить более беспомощную позицию того, кто должен отстаивать интересы трудящегося человека, чем это упование на неведение и терпение людей. Рядом с таким «бойцом» и страус покажется смелой птицей.

С ним, впрочем, вопрос решился, с этим активистом. Позицию его люди оценили. Но

он все-таки не единственный. Бывает, председатель профкома колхоза с гордостью водит по новому коровнику: масштаб, размах! А поинтересуешься, где доярки могут переодеться, в порядок себя привести, и увидишь комнатушку с приваленными к батарее сапогами, одежду на вбитых в стену гвоздях, допотопный рукомойник — вот и весь комфорт для доярки. Считать ли такую ферму современной, как в том уверен председатель профкома? Можно ничего больше не узнавать о его работе, чтобы понять — к людям-то он равнодушен. Равнодушие рождает ответную апатию, безучастность к общему делу. А забота о насущных личных нуждах людей отзывается совестью, интересом к коллективной работе, пониманием: чем больше я стараюсь, тем лучше моей семье, моей бригаде, ферме, всему хозяйству.

В колхозе «Большевик» Ордынского района Новосибирской области на животноводческом комплексе есть профилакторий с физиотерапевтическим и массажным кабинетами, залом лечебной физкультуры, столовая. Все, кому необходимо лечение в санатории, обеспечиваются путевками. А главное — дояркам теперь легче работается. После реконструкции здесь раздачей кормов и уборкой помещений занимаются кормачи. Изменился режим труда. Поточный график и двухразовая дойка позволили каждому иметь два выходных в неделю, рабочий день начинать в семь тридцать утра. Эти перемены произошли при деятельном участии профкома, и его заслуга в том, что решена проблема кадров для животноводства. Средний возраст доярки — 32 года. Выпускники местной школы счастья на стороне искать не хотят — просятся на комплекс.

По меньшей мере наивно выглядят сегодня те руководители хозяйств и председатели профкомов, которые жалуются на отсутствие рабочих рук, упрекают молодежь в лени, избалованности, эгоизме, но при этом ничего не меняют в характере и организации труда, в состоянии прифермского социальбыта.

Несколько лет назад животноводству Марийской АССР остро не хватало работников. Но когда целые районы перешли на двухсменку, когда на многих фермах и комплексах построили дома животноводов, открыли профилактории, буфеты и столовые, когда для доярок устроили комнаты отдыха и душевые, стали регулярно завозить в ларьки продукты и промтова-

ры, отрасль начала выравниваться и крепнуть.

Бытовые удобства на ферме — сегодня норма для многих колхозов и совхозов Волгоградской, Львовской, Саратовской областей. А должны стать нормой для всех. Дело ли, что двести тысяч доярок страны до сих пор доят коров вручную, а четыреста тысяч женщин вручную раздают корма? Крайне низок уровень механизации в мясном животноводстве Грузии, Армении, Таджикистана, Туркмении. Улучшение условий труда женщин — первая и главная задача здешних профсоюзных активистов.

Помню, на слете наставниц-животноводов в Кировской области доярка колхоза «Заря коммунизма» Санчурского района Валентина Дмитриевна Сентар сказала: «Ухаживали молодые доярки с фермы и будут уходить. Кому это хочется каждый день вставать в три-четыре часа утра и оставаться на ферме до полуночи?»

Практика многих хозяйств доказала, что все эти болезненные вопросы помогает решить двухсменная организация работы на фермах. Однако именно доярки нередко возражают против ее введения: новое вызывает недоверие, и в этом нет ничего удивительного. Разве не так лет двадцать пять назад категорически отказывались женщины от механической дойки? А теперь доить вручную что-то нет охотников. Сегодня с такой же опаской относятся к новому режиму работы: надои, а значит, и зарплата будут зависеть и от того, как работает напарница. Необходимость коллективной ответственности — вот что настораживает многих, становится психологическим тормозом при внедрении двухсменки. И тут от профсоюзных активистов требуются не обличения «отсталых» доярок, а способность выслушать людей и развеять их сомнения. И не только цифрами и фактами придется запастись, но и терпением, доброжелательностью. Может быть, есть необходимость пригласить доярок из соседнего колхоза, где двухсменка уже набрала силу, или своих, несговорчивых, туда свозить — пусть сами увидят, какие перемены их ждут. Люди должны сделать сознательный выбор. Двухсменка не требует капитальных вложений, материальных затрат, новых помещений. Но она требует от животноводов психологической перестройки, а значит, серьезной воспитательной работы.

Часто документы — договоры с администрацией, комплексные планы улучшения условий труда и санитарно-оздоровитель-

ных мероприятий — буквально каждой своей строкой заявляют о внимании к труженику, заботе о нем. Но прекрасно записанное в договорах, соглашениях и реально существующее далеко не везде совпадают. Этих «несовпадений» много в хозяйствах Азербайджана, Узбекистана, Киргизии. Нередко даже современные животноводческие комплексы сдаются строителями и принимаются в эксплуатацию без санитарно-бытовых помещений. Так, шесть лет назад был введен в строй крупнейший не только в Туркмении, но и в стране Каракумский откормочный комплекс. Но и через пять лет после сдачи все еще не были готовы санпропускник, душевые, комната отдыха и красный уголок. Для животноводов не создали элементарных бытовых удобств. И, судя по всему, профсоюзный комитет это не тревожило: продукцию комплекс дает, а то, что людям негде вымыться и передохнуть, — дело второстепенное. Видимо, по логике руководства и профкома, душевые, комнаты отдыха — это вроде антуража, можно и без них обойтись.

Дела, брошенные на полпути, не доведенные до конца, моральные «незавершенки», оставшиеся только на бумаге в виде обещаний, дефицит настойчивости в достижении конкретной цели — беда многих профсоюзных комитетов. Взять хотя бы порядком надоевший всем вопрос о спецодежде. Разработаны новые модели, приняты нормативные документы, выделены фонды. Но те вопросы, что решены документально, на практике по-прежнему для многих оказываются неразрешимыми. К примеру, хозяйство подает на базу заявку на спецодежду, получает же не то, что нужно, а комплектно, то есть и то, в чем есть потребность, и то, чем колхозный склад уже завален. У хозяйства есть право отказать, даже штрафом наказать базу. Но кто, когда применил штрафные санкции к снабженцам? Вот и ставят хозяйственники и профкомы себя и своих тружеников в зависимое положение. Вот и стирают, и чистят, и перешивают, и чинят спецодежду в большинстве случаев сами женщины — договориться об этом с бытовиками, организовать, потребовать, добиться сельскому профкому и сложно, и хлопотно.

В нашем уставе записано, что профсоюзные комитеты — среди тех, кто формирует органы хозяйственного руководства и управления предприятиями. Значит, мы имеем прямое отношение и к выдвижению кадров на руководящую работу. А как часто профсоюзные комитеты пользуются этим своим правом? Как часто они выступают за то, чтобы бюрократ или чинуша, чьи жизненные интересы людей волнуют гораздо меньше, чем собственные, были отстранены от должности? Такие примеры чрезвычайно редки.

Конечно, требуется мужество, чтобы права отстаивать и с их помощью последовательно добиваться конкретных изменений в жизни. Поэтому и выдвигать в профсоюзные вожаки нужно людей энергичных, инициативных, ответственных. Такие в кабинетах не отскакивают — «прием по личным вопросам» и на ферме, и в поле ведут, и в семьи приходят. А как раз в семье о

проблемах и нуждах узнаешь из первых уст, подробно, видишь их — и зажигаешься желанием помочь немедленно. Да и за спину хозяйственного руководителя, председателя сельсовета не спрячешься: ты взял — ты и решаешь.

Весь круг малых, будничных дел должен интересовать профсоюзного вожака: и что подают на обед в колхозной столовой, и какое кино идет в клубе, и почему нет книжек в магазине, и где крестьянину найти кирпич или тес для строительства дома, и чем ему корову кормить... Из этого складывается жизнь человека. Его самочувствие, рабочее состояние, отношение к людям. Пора отвыкать от привычки считать все эти вещи неважными, попутными.

Так, значит, важен и первостепенен вопрос медицинского обслуживания села. Делается для охраны здоровья немало. Около двух миллионов сельских тружеников ежегодно могут отдохнуть и поправить здоровье в 790 профсоюзных, межхозяйственных и межколхозных санаториях, пансионатах с лечением, санаториях-профилакториях. Но наши женщины берут путевки нечасто. И с отпусками далеко не у всех вопрос решен, и домашнее хозяйство — как его оставить?

Наши доверенные врачи, органы санитарного надзора, техническая и инженерная службы — это, по сути, службы охраны здоровья, с ними должны взаимодействовать профсоюзные активисты.

Отстает от городской сельская амбулаторно-поликлиническая помощь, ежегодные периодические медицинские осмотры не проходят 9 процентов работников Госагропрома, да и качество осмотров зачастую низкое: без лабораторных исследований, без привлечения необходимых специалистов.

На совместных коллегиях Госагропрома СССР, Минздрава СССР, Президиума ЦК профсоюза утверждены комплексные программы «Здоровье» на XII пятилетку. Программы «Здоровье» разработаны также ЦК профсоюза совместно с Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР, Министерством хлебопродуктов СССР. Поставлена задача снизить заболеваемость по нашему профсоюзу. Задача выполнима. У нас есть опыт Свердловской области и Белорусской ССР, которые благодаря целенаправленной и скоординированной работе местных Советов, профсоюзных комитетов, медицинских учреждений, предприятий, колхозов, совхозов сумели создать надежную службу охраны здоровья. Во многих коллективах, где приняли кодекс здоровья, люди всерьез занялись физкультурой и спортом, и это разумно, ибо наше самочувствие, работоспособность, бодрость и долголетие во многом зависят от нас самих. Здоровье — важный показатель, по которому следует судить о деятельности профсоюзного актива.

В нашей общественной организации, самой массовой, идет перестройка. Задача стоит так: каждому профкому стать форпостом действенной заботы о человеке. Не страшась остроты и трудности проблем, не замалчивая их, не раздавая ненужных обещаний, сосредоточиться на совершенно конкретной программе и реализовать ее полностью.

С ХЛЕ

Зерно брошено в землю. Будет хлеб. Но сначала будет солнце и дождь, тревога за первые всходы и неустанный труд для того, чтобы маленькое зерно выросло, колосья набрали силы, стали урожаем. Урожай этот нужно собрать, обмолотить, проветрить, смолотить и, наконец, выпечь хлеб. Хлебом мы называем золотые колосья в поле и золотистые буханки на своем столе. Слово одно, а какой долгий и трудный путь! В производстве хлеба участвуют 72 отрасли народного хозяйства. К его появлению причастен и пахарь, и пекарь, и конструктор, и генетик, и мелиоратор, и водитель автофургона — люди сотни профессий.

Мы связаны этим трудом. Мы связаны хлебом — нашим общим достоянием. Он соединяет нас друг с другом, с судьбой народа и с Родиной, со всеми людьми на земле. Он плод мудрости и мастерства человека. Хлеб — самый древний и самый надежный вид пищи. Без хлеба встал бы завод, не взлетел самолет, не начался спектакль в театре. Мы называем его своим добром и богатством, вкладывая в это понятие и нравственный смысл, ибо доброй жизни не бывает без хлеба. Он нужен всем, и у всех он есть — дешевый, доступный, будничный, привычный настолько, что подчас и не помним о его цене. Вдумаемся в одну лишь цифру. Буханка ржаного хлеба «растет» на четырех квадратных метрах земли. А если она зачерствела в булочной, брошена в отходы в столовой, пропала по небрежности в нашем доме? Значит, зря светило солнце, шел дождь и трудился хлебороб над этим клочком земли. Зря работала техника, старались мукомол и пекарь. Наш дешевый хлеб оборачивается дорогими потерями, когда мы забываем о цене труда, в

ХЛЕБОМ!

него вложенного, и о ценности его для нашей жизни. Да, его хватает на всех с избытком: более 30 миллионов тонн хлеба выпекает страна ежегодно. Если бы можно было весь этот хлеб погрузить в товарные вагоны, их потребовалось бы 500 тысяч—хлебный поезд во всю длину пути от Москвы до Якутска. Мы богаты хлебом. И тем больше должно быть у нас общей, народной ответственности за отношение к нему. Ведь мать богатства — бережливость. Сейчас пересматривается ассортимент хлебобулочных изделий, промышленность берет курс на выпечку хлеба с повышенной пищевой ценностью. С 1987 по 1990 год выпечка хлеба из пшеничной муки высшего сорта увеличится более чем в два раза. Эти меры помогут нам уменьшить потери на пути хлеба от поля до прилавка. А чтобы их не было в нашем доме, спросим себя: честны ли мы к своему хлебу?

Фото Б. МАРИНИНА.

«Рассвет» покоряет точной нацеленностью на наши идеалы, и каждого из нас захватывает его стремительное движение, ибо в каждом из нас ни на миг не угасает мечта об идеальном в жизни, вокруг нас.

Тридцать лет Любовь Самуиловна Корзун работает дояркой. Отмечена орденом Ленина. А в последние годы приходится ей выступать и в роли экскурсовода: вот приехали студенты, будущие ветеринары, из Витебска. Надо им показать комплекс, объяснить что к чему.

Туристы любят смотреть или прошлое, или будущее. Настоящее их интересует мало.

Я говорю это потому, что в деревню Мышковичи по Центральной улице регулярно вкатывается ярко-красный автобус. Шикарный, замысленный сплошь из окон «Икарус». В окнах — лица, лица, лица. Туристы.

Колхоз «Рассвет» имени К. П. Орловского включили в специализированный туристический маршрут по родному краю. Туристов едет сюда немало. Зачем?

Люди стремятся увидеть новь деревни, ибо все деревню по традиции жалеют, желают ей добра.

Я пристраивался к тургруппе и прислушивался: что спрашивают? Что и как комментируют? И с удивлением замечал, что с каждым годом между «Рассветом» и туристом четче намечался разрыв.

«Рассвет», несомненно, оставался самим собой: богателя: его земля, крепла экономика. Иным делался турист. «Рассвет» богател, а турист беднел эмоциями. Дисгармония зарождалась в душе туриста. Почему?

В «Рассвете» я прожил немало дней. Они сложились в недели и месяцы.

Но разнообразия ради я решил однажды посмотреть «Рассвет» глазами туриста. Ярко-красный «Икарус» быстро удовлетворил мое любопытство.

«Посмотрите налево», — приказал нам экскурсовод. Туристы синхронно повернули головы влево и в окно автобуса увидели: среди неназойливой зелени сада встали белые коттеджи. Зелень, от рождения хаотичная, деревенская, подчеркивала недеревенскую упорядоченность улиц, кварталов.

Пожалуйста, перед вами то, что вы так хотели увидеть. Смотрите! «Икарус» для вас замедлил ход. Центральная площадь. Куда ни глянь — новь деревни. Желанная новь. Будущее перед вашим взором, турист.

Смешаемся с пестрой толпой.

— Какая высота этого сооружения, не скажете?

— Тридцать два метра, — не слишком любезно сообщил строитель, маракующий над «сооружением», привлечшим внимание.

— А во сколько оно обойдется колхозу, не знаете?

— Семьдесят тысяч, — кратко ответил строитель, не отрываясь от работы: он драил свое «сооружение» шлифовальной шкуркой, добиваясь солнечного блеска какой-то детали.

Пять слов произнес. но как бурноотреагировала толпа туристов на них.

— Ничего себе штука...

— Бешеные деньги!

Анатолий КОЗЛОВИЧ

ВЕЧНЫМ

Ушло на отдых поколение Феодосии Киселевой. А на смену ему — поколение Зинаиды Смайловой. Зина тоже доярка.

Мышковичи, новая улица.

Фото Б. ЗАДВИЛЯ

септ

— Шикарно живут! Семьдесят тысяч—в небо, на ветер. И не жалко!

— Шик заставит совершить любую глупость.

— Но красиво же! Деревня обретет свое лицо.

— Красота должна быть полезной. Особенно в деревне.

— Лицо!.. Показывать лицо у нас научились—мастера! Показуха все это.

— Вранье, а мы глазами...

Но во что же верить, если не в «Рассвет»?

Не будет рассвета—не настанет полдень.

Досадно! Чем больше я узнаю «Рассвет», тем крепче у меня ощущение логичности его успехов и тем чаще слышу возражение: «Там же председатель—партизан. Творит, что захочет». Или: «Ха-ха, «Рассвет»! Его сделали». Или же: «Сами бесятся с жиру, а соседи—нищие. Помогать надо. Делиться».

Что же происходит?

В середине восьмидесятых годов колхоз «Рассвет» достиг такого материального уровня, что позволил себе «пошиковать» (с точки зрения туриста): на площади засверкал фонтан с цветомузыкальной установкой, равному которому нет в республике; в тенистом парке этой трехэтажной игрушкой встал колхозный санаторий-люкс; новый детский сад являл собой сплав архитектурной фантазии, реальных жизненных удобств для колхозных ребятишек и щедрых затрат хозяйства; здание конторы, заложенное на Центральной улице, справа, своей красотой будит душу, а около десятка изысканно отделанных бань любую душу размягчат.

Цель туриста—смотреть. Он смотрел, смотрел, смотрел все, что ему показывали в «Рассвете», и его восхищение увиденным постепенно переходило в недоумение, в раздражение, в неверие.

Турист, он ведь земной человек, и мечты его конкретные. Он—из настоящего. В «Рассвете» его водили по чистенькому тротуару, а в родной деревне, не забывалось ни на секунду, по грязной улице ни пройти, ни проехать. Тут фонтан с цветомузыкой, а там обычный водопровод тянут не дотянут восьмой год, хотя каждый год принимают обязательства: дотянуть. Тут бани на любой вкус, русскую или финскую выбирай, а там, в родном колхозе, председатель принародно обещает баню две пятилетки подряд; то же и столько же обещают сельсовет и райисполком. В «Рассвете» круглосуточный детсад, а дома—трехлетний сынишка один, пока родители на работе, и сейчас, наверно, один, пока я тут глазоу на эту показуху...

Турист этот тоже является активной частицей общественного сознания. Находясь в своей привычной среде, где ни дорог, ни бани, ни водопровода, ни детсада, а лишь обещания, он активно творил вокруг себя общественное сознание, в основе которого неверие в слово, произнесенное с трибуны.

Но тоска по идеалу не угасает! И мой турист стремился в «Рассвет», о котором наслышан. Чем хуже было дома, тем острее становилось желание побывать в «Рассвете», где, по слухам, слово немедленно превращается в дело, а обещания—в реальность. Скорее—в «Рассвет»! Скорее—в красный «Икарус»!

Поначалу «Рассвет» ничем разительно не отличался от той жизни, которая окружала туриста дома. Не отличался внешне. И турист, бросив на «Рассвет» туристский взгляд, уезжал домой успокоенным: ничего особенного в этом «Рассвете» нет.

Турист заволновался, когда в «Рассвете» начали «шиковать». Тогда турист зафиксировал внешнее отличие «Рассвета». Заметил скорость, с какой «Рассвет» поднимался со ступеньки на ступеньку. Колхоз стремительно вырывался вперед, к будущему,—разрыв между ним и средой, где постоянно обитал турист, увеличивался.

— «Рассвет» сделали, чтобы показывать.

Этот турист не увидел, не понял главного, что есть в «Рассвете» и что в тысячу раз важнее всей этой цветомузыки... Из окошка автобуса турист не смог увидеть každодневной заботы о людях. А «Рассвет»—именно ежедневная забота о человеке. Вроде в этой формуле нет новизны. Но «Рассвет» уточняет: забота о человеке не абстрактная, а конкретная, и будет она результативнее, если переместится в конкретные трудовые коллективы.

Каждому—по труду? Несомненно! Незыблемый закон социализма: твой труд обязательно вернется к тебе твоим личным благом и принесет блага другому человеку, обществу. Но прежде всего—тебе. «Рассвет» убеждает: чем больше проявишь инициативы, трудового усердия, тем лучше будешь жить ты сам и твои дети.

Но в таком случае я могу жить лучше другого, а это—некрасиво. Все люди равны в своем праве жить лучше.

Да, люди равны. Однако «Рассвет» дополняет: люди равны в праве жить лучше и в обязанности трудиться лучше. К несчастью, свои обязанности люди выполняют неодинаково, в итоге и жизненные блага получают не равные.

Значит, в богатом «Рассвете» люди трудятся лучше, чем в бедном соседнем хозяйстве?

Отчасти—да, лучше, так как больше заинтересованы в том. Однако не только это определяет разницу в материальном благополучии рассветовцев и соседей. Труд людей в «Рассвете» быстрее превращается в конечный и непременно высший результат—в хлеб, мясо, молоко, детсад, санаторий, асфальт, «Жигули», тротуар, бассейн, теплицу...

Послушаем рассветовцев. Кому, как не им, лучше знать и самих себя, и секреты своего труда!

С одним из них мы только что пообщались, будучи в толпе туристов. Немногословный строитель доводил до блеска «сооружение», не выражая эмоций по поводу его высокой стоимости и необычной конструкции. Спокойно работал. Делал дело.

А сооружение, привлекавшее внимание туристов, было, можно согласиться, помпезным. У строящегося административного здания, на перекрестке колхозных улиц, встала квадратная башня, похожая на минарет. В башне будут смонтированы электронные часы с четырьмя табло—во все стороны света. Часы не только отсчитают время и измерят температуру, они сыграют известную белорусскую мелодию: «Родина моя дорогая. красуйся и в счастье живи!».

У подножия башни, на козлах-подставках, в горизонтальном положении покоилось ее верхнее продолжение—шпиль. Над ним и маравал наш будничный строитель. Шпиль должен вознестись в небо, на волю всем стихиям, эмблему, символизирующую единство серпа и молота. Чтобы серп и молот были стойкими перед стихиями, эмблему покрыли антикоррозионным материалом. Золотом.

Сооружение с умыслом поставлено на перекрестке. Оно видно с четырех деревенских улиц, переходящих в колхозные дороги. Оно, несомненно, украсит площадь, уравновесит столбик гостиницы, поразит гостя. Но оно поставлено на перекрестке не для красоты.

Повторю: если бы в «Рассвете» создавали фасад, то шпиль вознесся бы в небеса давно, лет десять—пятнадцать назад, и роскошная контора занимала бы свое место на земле колхоза гораздо раньше.

Поначалу строили землю, дороги, фермы, жилье. Создавали среду, в которой труд людей обретает рассветовские качества.

Турист не пожелал вступить в подробный разговор с рассветовцем, готовившим шпиль к взлету и, кстати, тоже не желавшим подробного разговора. Неприязнь у них взаимная. Турист не интересуется настоящим, ему подавай или прошлое (старину), или будущее (новизну). Зря, выходит, включили «Рассвет» в туристический маршрут по родному краю? Не зря...

Самое главное, самое реальное достижение «Рассвета»—его люди. Люди—это и есть то настоящее, сегодняшнее, что являет собой и прошлое, и будущее.

сень. «Рассвет» убирал яблоки, картофель, свеклу, морковь, кукурузу. Жизнь переместилась на поле. Деревня Волосовичи обезлюдела.

Утро. На асфальтированной улице стояли молчаливые хаты. Они стояли и слушали, как в одной из них вдруг заговорил человек:

«Гляньте на нее—сидит в хате! Все добро на поле, а я в хате. Ты меня, детка, такую бесовестную видишь первый раз. Сломала себе ножку. От горе. Полезна бабка на яблоню, а лазить разучилась. Упала и сломала ножку. Это было... а-ей, еще и цвета не было. В апреле. Полезна бабка обрезать ветки. Не дождалась внуков, полезла. За яблоней надо уход. Каждую веточку повернуть к солнцу. Внуки не едут, полезла сама. От как кончилось. Лето промучилась с ногой. И теперь никуда ни хожу. Болит. Тупаю по хате. А так я была бы в колхозе—перебирала б яблочки, бульбочку. А то мела б колхозный двор. Ты меня, таточко, в хате не нашел бы. Не-а, в хате я не сидела бы».

Бабка (раз уж она себя так назвала, то и я повторю за ней) была невеселого росточка, хромала, но по хате не тупала, а бегала. кругленькая и ловкая, оправдывалась, что она в хате, а не в поле, убрала с дивана подушку, отнесла за занавеску, посадила на диван меня, взяла от стола жесткую табуретку, поставила посередине хаты, села, на секунду примолкла, щеки ее вмиг порозовели яблоками—и на нее лавиной понеслась вся ее жизнь:

«Я уже семнадцать годочков на пенсию. Как пришел в наш колхоз Старовойтов, в тот годочек, таточко мой, я пошла на пенсию. Пенсия моя персональная, союзная. Дал колхоз. Я не просила, сами принесли в хату: распишитесь, бабка Федоса.

В колхоз я вступила холостячкой. А-ей, и не дитя, и не девка. Подлеток, а уже в колхозе. Для колхоза у меня ничего не было, ни коня, ни хомута. Одни мои руки. У колхоза того вывеска—«Красный восход». Грамотности у меня один класс, а читала я хорошо, была сообразительная до учения. Каждый раз прочитаю вслух вывеску—«Красный восход». Моя сестра младшая просит:

— Федосья, научи меня.

Рисую ей граблями на песке:

— Вот «кы», вот «ры». Как будет вместе?

— Куры.

— Сама ты курица дурная. Иди лучше грей сено.

Нас в семье годовалось семеро детей. Как научился держать те грабли, или косу, или серп, так для колхоза ты работник. Никакой школы тебе не надо. Бери и работай. Это ж лучше, чем идти просить милостыню. В том колхозе бедно, не хлебно, а все ж побираться не надо.

Мне каждую осень давали премию—я была стахановка. Денга-

НЕНАВИСТИ

Может быть, себя? Сразу после окончания университета. Только тогда она еще не понимала того, что уже осознала эта девушка...

АЛИСИЯ МИОНЗИНГ

— Знаете, чем я еще совсем недавно гордилась и чего теперь почти стыжусь? — не отвечая на наш вопрос, спросила Алисия. И, даже не сделав паузы, выпалила: — Я единственная женщина в нашей стране, окончившая университет!

Почему? Об этом я задумалась совсем недавно, когда вернулась после учебы в свой округ Моробе. Дома почти ничего не изменилось за время моего отсутствия.

Мой отец — священник. В его приходе три с половиной тысячи человек. Часто в подробностях он рассказывал матери о том, как живут люди в нашем селении. Дети — нас было шестеро — тоже слушали и не видели ничего неестественного в его рассказах. Так жили все и всегда, так жила и наша семья: вручную обрабатывали землю, выращивали овощи, какао, все, чем испокон века питались в нашей местности. Выращивали столько, чтобы прокормить себя. Тяжелый физический труд с самого детства был для нас привычным.

Когда подрастали, немногие мальчики шли на три-четыре года в школу, где учились на местном диалекте «кату». Девочки почти все оставались работать в домашнем хозяйстве. Потом выходили замуж, продолжали обрабатывать все те же клочки земли, рожали детей, которые делались помощниками, пока не вырастали и не обзаводились собственными семьями. И так из поколения в поколение.

Мне повезло. Не потому, что я была самая способная в семье. Я была последним ребенком. Когда подросла, у отца уже

было накоплено немного денег. И он так надеялся на меня!

Я закончила учебу и приехала домой. Такая счастливая и гордая: я видела и узнала большой мир! А в моем селении ничего не изменилось.

Я долго ходила из хижины в хижину, разговаривала с женщинами. Я пыталась понять, почему они терпят эту жизнь и даже кажутся довольными ею. Хотела понять причину и, кажется, поняла: они не знают ничего иного. Они живут в постоянной усталости и полусне.

Наш народ будет беспомощным и беззащитным до тех пор, пока живет по вековой привычке, ничего не пытаясь изменить.

Я осталась работать в округе. Здесь несколько лет назад была создана ассоциация женщин. Мне предложили быть ее исполнительным секретарем.

Главная наша задача — изменить положение женщины. Я уже говорила, что мальчики — не более 40 процентов — учатся в школе несколько лет. Девочки, как правило, не учатся вовсе. Значит, практически все женщины безграмотны и на них ложится самая тяжелая и примитивная физическая работа. При участии нашей ассоциации в стране недавно был принят закон об улучшении положения женщин. Правительство выделило средства на то, чтобы обучать их новым сельскохозяйственным профессиям, организованы краткосрочные курсы.

Нам нужно учиться самому простому: заготавливать компосты, пользоваться удобрениями, овладевать современными методами выращивания овощей.

Не удивляйтесь, если я скажу, что это пока программа-максимум. Понимаете, нам надо достичь хотя бы такого уровня, чтобы крестьяне своим трудом могли не только прокормиться, но и что-то продать. Тогда у них будут деньги на то, чтобы дать детям

образование. Я не хочу быть единственной женщиной, которая увидела и знает иную жизнь!

Алисия сказала: мы беспомощны, пока наш мозг спит. Она задалась целью понять причину убогого существования и воздействовать на нее. Это наполнило ее жизнь смыслом: невозможно чувствовать себя сильно, видя беспомощность своего народа.

ДЖАМИЛЯ ПАЛВАША

— Больше можете не рассказывать, — сдержанно улыбнулась Джамия. — Я знаю таких девушек, как Алисия. Они, если надо, будут делать любую работу, возьмут в руки автомат, станут в строй рядом с мужчинами и вынесут все наравне с ними.

Мне хочется думать, что такой же, как Алисия, была и я двадцать лет назад. Тогда только зарождалось движение женщин Афганистана за раскрепощение. В организации нас было всего шесть. Шесть молодых образованных женщин, которые понимали положение в стране. Теперь нас сто тысяч... Я думаю, что могу этим гордиться.

Хотите, я расскажу о члене совета старейшин? Если вы представляете, что такое в Афганистане совет старейшин, вообще обычаи нашей страны, то удивитесь, когда узнаете, что этой женщине 26 лет.

Отец Насимы был командиром подразделения, которое сражалось с контрреволюционерами. Когда его убили, Насима была еще совсем девочкой. Если убивают отца, его место занимает сын, убивают его — в строй становится младший брат. У Насимы не было братьев.

Конечно, командира мог заменить достойный мужчина из отряда. Но люди пришли к Насиме. Пришли не только бойцы, но старики, женщины, дети.

Она надела одежду мужчины и приняла командование.

Мне приходилось много раз видеть Насиму в бою. Она ни разу не посрамила чести отца. Временами, теряя Насиму из виду, я думала, что она устала от мужской работы, оставила отряд. Но потом опять слышала ее имя. Пять лет назад Насима вышла замуж, родила сына. Говорили, мужскую одежду с тех пор она надевает только в бой.

Недавно, перед самым отъездом в Ташкент, я была на собрании военных групп. Когда все, получив оружие, разъезжались, к штабу подкатил насквозь пропыленный «джип». Из него выскочила Насима в женском платье, ее сопровождали два бойца.

«Мы только что из боя, — запыхавшись, сообщила Насима. — Я так боялась, что опоздаю и отряд останется без оружия!»

Я долго вглядывалась в ее запыленное лицо, фигуру и никак не могла понять, что изменилось в ней. Будь иная обстановка — поняла бы сразу!

— Когда рожать? — сдерживая ужас, спросила я.

— Сегодня-завтра, — весело ответила Насима. — Жду девочку. Мне сказали, что девочка к миру!

Сохранить мир в своем доме, в своей стране, на всей планете. Сохранить во что бы то ни стало! Это — страстное желание, долг, смысл жизни.

Материал подготовили
О. ИВАНОВА и Н. ГОРШКОВА.
Фото В. КОМИССАРОВА.

В дни Рейкьявика — в дни надежд.

В ДОБРЫЙ ЧАС

Стихи А. МАКАРЕВИЧА.
Музыка А. КУТИКОВА.

Меняется все в наш век перемен —
Меняется звук, меняется слог.
И слето про все. Но выйди за дверь —
Как много вокруг забытых дорог.

ПРИПЕВ:

В добрый час, друзья, в добрый час,
Наши дни — не зря эти дни.
Я вас жду, я помню о вас,
Знаю я, что мы не одни.

Пусть, как никогда, натянута нить —
Не стоит бежать, не стоит робеть.
Так было всегда — легко говорить,
Труднее сыграть, особенно спеть.

ПРИПЕВ.

Лет десять прошло, и десять пройдет —
Пусть сбудется все хотя бы на треть.
Нам в жизни везло — пусть вам повезет,
А значит, не зря мы начали петь.

ПРИПЕВ.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

«Машина времени». **АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ:**

Первую песню я написал в пятнадцать лет и еще помню ее, но другими, к счастью, она забыта... Прежде не мог вообразить, что стану профессиональным музыкантом, смогу петь не только для узкого круга друзей. После школы учился в архитектурном институте, окончил его и работал архитектором. Нравилось, хотя огорчала дистанция между идеей и тем, через сколько лет и как она воплощается. Песню можно сочинить и за час, можно писать два года, но в любом случае и замысел, и воплощение зависят от меня. И если между ними разрыв или даже зазор, вина лежит тоже на мне. Когда спрашивают, чему отдает предпочтение наша группа «Машина времени», музыке или тексту, даже не знаю, что ответить. Кто скажет, крыша или стены больше нужны дому? На то и дом, чтобы стены стояли под крышей. И песня есть песня — из нее не выкинешь ни слова, ни звука...

На фото
слева
направо:
Александр
Зайцев,
Валерий
Ефремов,
Александр
Кутиков,
Андрей
Макаревич.

Фото
В. ПЛОТНИКОВА

Попросить о чем-то друзей, соседей, знакомых или оказать им услугу — без этого не проживешь. Мы легко обращаемся с просьбами и, не раздумывая, приходим на выручку: взаимопомощь — один из законов нашей морали. Но добрый закон перестает быть таковым, когда к нему прибегают без скромности и такта.

— Послушай, ты знаком с Ивановым? О, приятели?! Тем лучше. Скажи, чтобы он взял меня на работу. Ну, что тебе стоит?

Редко ли мы слышим подобные просьбы? Разумеется, можно рекомендовать кого-то на работу и просить, чтобы порекомендовали тебя. Только при этом нелишне задать себе кое-какие вопросы. Уверен ли я в деловых свойствах человека, за которого хлопочу, и в том, что с ним рядом хорошо работаете другим? Ну, а просить поучаствовать в своей собственной судьбе можно лишь того, кто немало тебя знает, ценит и может поручиться за тебя с чистой душой.

Направив размышления таким образом, уже не выпустишь на волю напористого «ну, что тебе стоит?». Стоит. Даже если просьбу выполняешь с удовольствием. А если она ставит в неловкое положение, то у тактичного человека уйдет немало сил, чтобы пробиться сквозь бесцеремонность и объяснить невозможность просимого. Да еще так, чтоб не обидеть.

Обиды, впрочем, все равно возникнут. Чем беспардонней человек, тем меньше прав на отказ он оставляет за другими. А уж если сам делает какое-нибудь одолжение, будет, чего, доброго, прикидывать: компенсируются ли его широта и щедрость?

Способны ли мы оказать какую-нибудь услугу и не помнить о ней, тем паче не напоминать: «Я тебе сделал, а ты мне?» Это как тест на порядочность. А помощь человеку, которого любишь, вообще нельзя расценивать как великое благодеяние. Это, скорее, душевная потребность.

«Об услуге пусть рассказывает не оказавший, а получивший ее» — завет оставлен нам еще древними римлянами, но наверняка и много раньше следовали этому мудрому благородному правилу.

Нередко, не задумываясь особо, мы эксплуатируем чью-то доброту («Обращаясь к нему смело, он никогда не откажет!»), иногда — законы профессиональной этики. Ясно, например, что настоящий врач в любое время суток оставит любые свои дела, чтобы поспешить на помощь к больному. Так и должно быть. Только пациентам неплохо бы при этом помнить, что случаи случаям рознь. Однажды пришлось наблюдать жизнь врача в совхозном поселке, где все друг друга знают. Вроде бы и часы приема в медпункте удобные, и от всех он недалеко, но как только Дмитриевна — так называют многие доктора — переступит порог родного дома, появляется пациент. «Глянь-ка, Дмитриевна, что у меня с ногой, давно хочу тебе показать», «Не выпишете ли мне рецепт на мазь — в райцентр завтра еду, заодно закажу...»

Одним можно было вежливо отказать: «Мне удобней посмотреть вас в кабинете, приходите завтра», а другим неловко — свои люди, соседи. Но почти никто из «своих людей» даже не извинялся за беспокорство.

И просьбы могут обременять, ставить в неловкое положение, и услуги. Скажем, приятно ли вам обращаться за чем-то к человеку, которого не уважаете? Конечно, нет. Если же он сам спешит сделать одолжение и довольно навязчив в своем стремлении, это еще хуже. Попадаешь в тяжкую зависимость. Не быть благодарным — скверно. А делать шаги навстречу, выражать признательность, наступая на себя и свою искренность, лицемеря иногда, тоже ведь не хочется, просто-напросто неумогу.

Вероятно, нечто похожее испытывает начальник, когда в коллективе появляется излишне любезный подчиненный, готовый все его бытовые хлопоты взвалить на себя. Особенно это распространено среди женщин.

Предвижу протест: «Зачем же подозревать?! А если все от души? От нормальных добрых чувств?» Именно в это и хочется верить, но в каком положении начальник? Удобно ли ему после услуг, хоть и непроще-

ных, делать замечания, выговоры? Не делать — еще хуже: беспринципно как-то, малопорядочно.

Мы за демократизм в отношениях между начальником и подчиненными, за человечность, внимание, добросердечность. Но разные служебные роли должны ставить нас в определенные этические позиции. Не чувствуя этого, будешь попадать впросак и терять во мнении окружающих. Может, и не правы они будут, употребив слово «подхалимаж» (и мы не имеем его в виду, иначе рассуждать не о чем); но и не виноваты: им дали повод.

Испытывать благодарность за добро, тебе оказанное, — естественнейшее из чувств. «Есть ли что-нибудь чудовищнее неблагодарного человека?» — вопрошал великий Шекспир, заключая в страстности вопроса столь же страстный ответ.

Случайно подслушанный разговор:

— Представляешь, вчера иду с работы — «Москвич» рядом тормозит. Петров за рулем, дверцу распахивает. «Ну и сумки, — говорит, — у тебя! Садись, подвезу». И подвез, хотя ему было совсем в другую сторону. Весь вечер думала: это он неспроста. Что-то ему от меня надо. А может, не от меня, от моего мужа. А вот что — не пойму...»

Искать корыстных мотивов в добром поступке — разве это не проявление неблагодарности?

Одолжения, одолжить. Слова одного корня. Одолжить — дать взаймы, но не взять, бывает, неправильно употребляют этот глагол. Мы и одалживаем и берем в долг, все случается. И уж коли взяли — постарайся во что бы то ни стало отдать вовремя, не прикидывая, насколько богат человек, который нас выручил, и нужны ли ему сейчас деньги. Ну, а коли напомним о долгах — не обижаться, а извиниться, что не сумели сдержать слова, вернуть в срок.

Итак, о чем никогда не стоит просить? В каком случае удобно отказать? Подумаем вместе.

Т. АЛЕКСЕЕВА
Рис. В. ВОГАЧУКА.

Рассказ*

Пушкин в легкой шубе и цилиндре медленно бредет от угла Невского вдоль Екатерининского канала в сопровождении рослого офицера в шинели и треуголке. Те, кому знакомо румяное, округлое, добродушное лицо Данзаса, лицейского друга поэта, сразу узнают его секунданта по гибельной дуэли.

— Ты настаиваешь на этих условиях? — спрашивает Данзас.

Пушкин повернул к нему изжелта-бледное спокойное и вроде бы отсутствующее лицо.

— Разумеется.

— Это очень жестокие условия: барьер — десять шагов. Смертельные, я бы сказал.

Пушкин равнодушно:

— Ты от чьего имени говоришь?

— От своего, Александр, только от своего, — мягко сказал Данзас. — Успокойся. Твои условия приняты сразу и безоговорочно... и виконт д'Аршиак, дантесовский секундонт...

— Стоп!.. Стоп!.. — послышался крик.

От съемочной группы отделился человек в светлой дубленке и мохеровом шарфе, небрежно замотанном вокруг шеи, — режиссер — и подбежал к артистам.

— Я вам не верю, — мучительно морщится режиссер. — Так сговариваются о визите, а не о смертельной дуэли.

— Но ведь кадр немой, — осторожно сказал Данзас.

— Выражение лиц... жесты... походка... вся натура... Я должен слышать ваш разговор в самой динамике. А то, что я слышу, не волнительно.

— Я уже все решил, — говорит актер, играющий Пушкина. — Чего мне волноваться?

— Я говорю не о Пушкине. Но Марья Иванна, сидящая в зале, заплатила за билет пятьдесят копеек. И ей должно быть волнительно.

— Волнительно не будет, — сказал актер и в ответ на гневно-недоуменный взгляд режиссера пояснил: — Такого слова нет в русском языке. Загляните в словарь.

— Умны не по чину! — разозлился режиссер.

— Как раз по чину. Я же Пушкин...

— Хватит! Новый дубль!..

Режиссер направился к камере. Актеры вернулись на старое место. Они услышали приглушенный расстоянием голос режиссера:

— Внимание!.. Приготовились!.. Камера!.. Мотор!..

Вперед — под объектив — выскочила помреж, показала номер дубля.

— Пошли! — крикнул режиссер в рупор и дал отмашку.

Актеры двинулись по набережной.

ДАНЗАС: Ты настаиваешь на этих условиях?

ПУШКИН: Разумеется.

ДАНЗАС: Это очень жестокие условия: барьер — десять шагов. Смертельные, я бы сказал.

ПУШКИН: Ты от чьего имени говоришь?..

— Стоп!.. Стоп!.. — слышится голос режиссера.

Он подбегает к актерам в своем развевающемся шарфе, исходя пустой энергией, которая ему самому кажется вдохновением.

— Опять не угодил Марье Иванне? — спросил Пушкин (будем для простоты называть его так).

— По-моему, вы обращаетесь не к секунданту, а к той вороне. — Режиссер махнул рукой на сутулую ворону, окопавшую голый сук липы, выбросившийся из-за старинной чугунной ограды.

ПУШКИН: Наверное, вы правы... Все уже решено. И я знаю, что точкой будет смерть. Неважно, чья. Препираться с милым и недалеким Данзасом мне просто докучно.

— Но ведь пришел час вашей мести! — патетически воскликнул режиссер.

— Кому? Дантесу, Геккерну?..

— И тому, и другому, и свету.

— Мстить этим ничтожествам? — тихо произнес Пушкин. — Нет... только Ей! Но это — про себя.

Режиссер непонимающе глядит на него.

— Еще дубль!

Режиссер возвращается к камере.

— Внимание!.. Приготовились!.. Камера!.. Мотор!.. Снято!

Актеры подходят к съемочной группе.

РЕЖИССЕР: Что у нас завтра?

ПОМРЕЖ (похожая на мальчика стриженной старушка в джинсах и кожаной курточке): Черная речка.

С поразительной быстротой, которая может сравниться лишь с поразительной медлительностью подготовки к съемкам, группа сворачивается.

Костюмерша подходит к актеру, игравшему Пушкина, забирает у него шубу и цилиндр и взамен вручает порядком заносенное, хотя еще считающееся модным ватное полупальто на «молнии». Надев пальто, Пушкин дернул «молнию», но проржавевший замочек заело как раз посередине. Актер дергает «молнию» вверх-вниз, полы пальто ниже замочка распахиваются, и это всё — теперь ни застегнуться, ни расстегнуться.

С досадой махнув рукой, Пушкин отправился на поиски мастерской по ремонту «молний». Разгормивываться ему не надо — природа наградила его редким сходством с поэтом.

Повалил снег. Он набивается в пазухи незастегнутого ватника, в кудрявые волосы, в бакенбарды. Пушкин мерзнет, он

* Жанр этого рассказа, который печатается в журнальном варианте, Юрий Нагибин определил как «рассказ для чтения и кино». Главный герой «Молнии» — актер, играющий Пушкина. В «кинорассказе» писатель так и называет его — Пушкин. (Примеч. ред.)

Рис. А. ЯЦКЕВИЧА.

запахивается, обнимает себя руками, чтобы сохранить тепло тела, отворачивается от секущего снегом ветра...

Мастерская. Большие окна измараны засохшей краской нескончаемого ремонта. На запертой парадной двери висит кривая стрела, указующая вправо и вниз.

Он следует указателю, протискивается в узкую дверь, по крутой обшарпанной лестнице спускается в подвальный глубину и оказывается в обширном, тускло освещенном помещении с «миргородской» лужей—где-то прорвало систему отопления. Унылый водопроводчик тукает гаечным ключом по батарее.

Пушкин приглядывается к скорбной картине. Лужа отделяет его от хвоста очереди.

— А где же Харон?—громко спрашивает Пушкин.

Никто не отзывается. В лужу брошены кирпичи. Он пробирается по ним к очереди, чтобы разделить ее терпение и покорность...

Наконец Пушкин добрался до приемщицы—центнеровесной бабищи с красным лицом, которое отнюдь не красит грубо наложенная косметика. За ним уже выросла новая очередь.

— Вот... «молния»—смущенно говорит Пушкин, теребя железный язычок.—Залезло...

* Харон—в древнегреческой мифологии перевозчик в подземном мире, который на своем челне переправляет через реки души умерших. (Примеч. ред.)

— На вас, что ль, чинить будем?—завелась с пол-оборота приемщица.—Сдавайте вещь, гражданин, и не задерживайте!

— Но я...—Беспомощными движениями он пытается стянуть с себя ватник.

— Не безобразничайте, гражданин!—рассвирепела приемщица.—Небось не в бане.

Народ (очередь) не безмолвствует, а сразу принимает сторону власти:

— Не задерживай!..

— Баки отпустил, думает, ему все можно!..

— Люди, опомнитесь!—воззвал Пушкин.—Откуда столько злобы?

— Проходи!—решительно говорит взбодренная народным сочувствием приемщица.—Я твой грязный зипун все равно не приму.

— Разве это грязь? Он просто залоснился.

— Мужчина, освободите место!—требует кто-то из очереди.

— Да что вы с ним валаңдаетесь!—звучит опасный бочковый бас.

Очередь, наперев, отпихивает Пушкина от прилавка. Даже в своем нелепом, скобоченном, сугубо современном пальтеде он разительно похож на творца «Онегина», но в тусклом свете подземелья и вечной замороченности люди не замечают этого. Он смотрит на них с улыбкой печали, жалости и сочувствия.

— А я-то думал!..—говорит он звонким, поставленным голосом.—«И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...»

Люди смотрят на него с хмурым недоумением.

— Если выпимши, шел бы лучше спать,—посоветовал кто-то из очереди.

— Ишь!—опять завелась приемщица.—Нютка,—окликнула она девчонку-уборщицу с ведром.—Позови дежурного!

— Не надо,—усмехнулся Пушкин и выбрался из мастерской.

Наверное, когда ты так долго несешь в себе Пушкина, трудно смириться с тем, что в привычку обычному гражданину, чаще именуемому «мужчиной».

Он шел мимо сквера, обнесенного решеткой. Там играли дети. Катались с деревянных горок, лепили снежных баб. А вдоль решетки шла девочка лет шести и ручкой лопатки пересчитывала прутья. У нее было задумчивое и грустное лицо.

Пушкин невольно сдержал шаг, привлеченный явлением грустной девочки, и тут кто-то притулился к его боку и цепко взял за рукав. Молодая, худощавая, маленькая женщина попросила:

— Закройте меня.

— Пожалуйста,—пробормотал он удивленно и, подчиняясь маленькой женщине, ускорил шаг.

— Дочка,—кинула женщина на грустную девочку за решеткой.—Она тут в садике... А все меня подстерегает...

— Зачем же вы прячетесь?—удивился Пушкин.

— Родителям не положено...

Они свернули за угол. Женщина отпустила руку Пушкина.

— Ну вот... спасибо.— Она заметила его расстегнутое пальто.— Простудитесь!

— «Молния» сломалась.

— Неужто так трудно починить?

— Трудно?.. Невозможно!— с комическим отчаянием ответил Пушкин.— Мой наряд не соответствует гигиеническим условиям ремонтного заведения.

Женщина чуть помолчала, наморщив лоб, видимо, переводя его околесицу на привычный язык.

— Ах, господи!— догадалась наконец.— Я в «Крашении и химчистке» работаю.— И решительно.— Пошли!...

Она взяла Пушкина под руку и повлекла за собой...

Они пробираются сквозь клубы пара, минуют влажно-матерчатые горы, переступают через ядовито окрашенные ручьи—слив красителей...

— Здесь обождите.

Он пробует освободиться от своего ватного пальтеца, но «молнию» так неудачно заклинило, что из него нельзя ни вышагнуть, ни стянуть через голову.

Женщина приходит ему на помощь. Своими маленькими сильными руками она раздвигает створки замочка и сдергивает с «молнии».

Забрав пальто, женщина скрылась в клубах пара.

Пушкин остался один в странном, неестественном, жарко-душном и влажном мире. Строились и разрушались облачные громады, обрисовывались для краткого существования странные лунные существа и, пережив ряд метаморфоз, исчезали. Наверное, он задремал...

Скромная однокомнатная квартира. Заванчивается ужин. За столом: хозяйка (женщина из «Крашения и химчистки»), ее дочь (грустная детсадовская девочка) и Пушкин, волей случая прилепившийся к маленькой семье. Он допил свой стакан чая и с поклоном поставил его на поднос.

— Пуговица оборвалась,— заметила хозяйка.

Действительно, на манжете оборвана пуговица.

— Экий же я неряха!

— Плохо за вами жена смотрит,— сказала женщина и, не вставая с места, даже не повернувшись, уверенным движением сняла с подзеркальника коробку с рукоделием, откуда достала все необходимое.

— Я не женат,— сказал Пушкин.

— Что ж так?

— Не знаю.

Хозяйка сунула ему в рот обрывок нитки.

— А это зачем?

— Иначе память пришью.

— А что значит «пришить память»?

— Говорят так. Может, в смысле пришью к себе вашу память.— Женщина сделала последний стежок и перекусила нитку.

— Приходите,— попросил Пушкин.— Приходите мою память.

— Дяденька,— с проникновенной серьезностью сказала девочка,— вы скоро уйдете?

Пушкин расхохотался, а хозяйка залилась гневным румянцем.

— Ты что себе позволяешь?

— Не надо,— сказал Пушкин.— Прощу вас.

Девочка подошла к телевизору и стала крутить ручку.

— Она приревновала вас ко мне,— сказала Пушкин.

Хозяйка посмотрела на Пушкина и не ответила.

— Мне в самом деле пора. Моя гостиница: проселком — к ночи, а прямо — дай бог к свету. Спасибо за все. Мне было так хорошо с вами.— И задумчиво, без всякого актерства, он прочел: — «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит».

Хозяйка проводила его в прихожую. Он надел свое белоснежное пальто и защелкнул «молнию».

— Завтра воскресенье,— напомнила хозяйка.

— Но не для нас. Утренние съемки. Хотите посмотреть, как снимается кино?

— А можно?

— Конечно! На Черной речке. В десять.

Девочка услышала, как хлопнулась входная дверь. Она подошла к окну и отдернула штору.

Девочка видела, как Пушкин вышел из подъезда, поднял воротник пальто и оглянулся на их окна. Ей показалось, что их глаза встретились, и она невольно отстранилась. Потом опять стала смотреть.

Пушкин чуть приподнял руку в незавершенном жесте прощания, и тут рядом с ним будто граната разорвалась: с крыши соседнего дома сбросили глыбу заледенелого снега. Он отступил, глянул вверх, но не обнаружил беспечных высотников, которые по позднему часу и безлюдью малого переулка не потрудились поставить ограждение.

Пушечно раскололась вторая глыба.

Втиснув лицо в оконную наледь, девочка замирая смотрела на странного человека, который беспечно шел стрелем переулком под ледяным артобстрелом и вроде бы ничуть за себя не боялся.

Наверное, так и было: ведь Пушкин знал, что судьба его решится завтра — на Черной речке, а до этого ему ничто не грозит.

Черная речка. Дантес — рослый, белокурый, фатоватый, победительно красивый, словом, точно такой, каким он и должен быть, пробует пистолет; он стреляет холостым патроном в дерево, осыпается иней, ветка подрагивает от толчка воздуха, с нее взмывает с громким карканьем большая урюмая ворона.

— Мама, а зачем он стреляет? — спросила девочка.

— Пистолет пробует. У них же сейчас дуэль.

Девочка смотрит на мать и о чем-то думает, сдвинув брови.

Съемка началась. Назван дубль, отданы положенные команды.

Виконт д'Аршиак вручил каждому из противников по пистолету. Они разошлись по своим местам.

— Теперь сходитесь! — произнес Дантес.

Они двинулись навстречу друг другу. Дантес стал медленно поднимать пистолет, Пушкин держал пистолет в опущенной руке. Дантес сощурил левый глаз, но рокового выстрела не последовало. На съемочную площадку выбежала маленькая девочка и вцепилась в руку Дантеса.

— Стоп! — закричал режиссер. — Безобразие!.. Убрать всех посторонних!..

К девочке кинулись помреж и другие члены группы, оторвали ее от Дантеса и передали в руки смущенной матери.

— Ну что ты, дурочка? Это же не по правде, это кино.

И снова в ответ долгий пронизывающий взгляд.

Порядок на съемочной площадке восстановлен. Хлопушка. Команды. Д'Аршиак раздает пистолеты. «Теперь сходитесь!» Противники идут навстречу друг другу: весь сосредоточенный на самозащите Дантес и рассеянный Пушкин.

Дантес медленно поднимает руку с пистолетом.

Девочка снова выбежала на съемочную площадку и помешала Дантесу.

— Нельзя,— сказала она серьезно и внушительно.— Нельзя, дядя.

Дантес с досадой хлопнул себя пистолетом по боку. Что-то кричит режиссер, но слова его тонут в общей кинопанике.

Пушкин улыбался, показывая, как сказала Анна Ахматова, «славные белые зубы — мужской жемчуг поэзии русской».

Девочку вернули матери, и обеих повели прочь от съемочной площадки.

— Камера!.. Мотор!..

— Дубль третий! — Помощница режиссера хлопнула планкой.

Д'Аршиак раздает пистолеты.

Дантес произносит: «Теперь сходитесь!»

Пушкин и Дантес идут навстречу друг другу и рассерженный Дантес сразу поднимает руку с пистолетом и берет на цель противника. И не стреляет. Девочка кинулась к Пушкину и загородила собой, обхватив руками, чтобы уменьшить площадь поражения.

Дантес остановился.

— Это черт знает что! — произнес сквозь зубы бледный от гнева режиссер.

Остальные молчали и не двигались, пораженные чем-то, еще не нашедшим словесного выражения, что было важнее и этой съемки, и всей мелочной игры усредненного искусства. Группа молча смотрела, как Пушкин нагнулся, взял девочку на руки и направился к саням, которые должны были увезти смертельно раненного поэта.

Они сели в широкие, присадистые сани, и Пушкин негромко сказал: «Пошел!»

Возница шевельнул вожжами и сани понеслись, свежо поскрипывая полозьями по твердому насту.

Запуржило, густой снег скрыл Пушкина и девочку, не давшую убить поэта вторично. Только звучал колокольчик, как бы уверяя оставшихся, что они еще вернутся, но к чему-то другому, новому и лучшему.

Вечный серп

(Окончание. Начало на стр. 20.)

— Как это?
— Федосия, твоему сколько теперь?
— Тридцать два годочка было бы моему,— говорю и плачу.
— Соня, а твоему?
— Двадцать пять.
— Клава, твоему?
— Тридцать.
— А моему двадцать семь,— говорит Нюта.— Девки, сколько будет вместе? Федосия, ты грамотная, посчитай.
— Сто четырнадцать,— говорю.
— Сто четырнадцать шагов сожнем, а там полежим. Иди, Федося, считай. Ты тоненькая, меньше жита помнешь.
Жито уродило высокое! Посчитала я сто четырнадцать шагов, оглянулась— а-ей, не видать девок. Жито, как лес, а я уродилась маленькая. Стала на дыбочки, подняла над головой свой серп, чтобы выше было, размахиваю им, кричу:
— Девки-и-и-и!..»

Бабка неожиданно вскочила с табуретки. Я, пораженный, вижу, как она вся вытянулась вверх, даже на носки встала. Высоко над головой она махала воображаемым серпом, горячим и солнечным от работы. Она махала серпом и громко, на всю свою хату, на всю свою деревню, кричала, как тогда, сорок лет назад: «Девки-и-и-и!..» Словно хотела и теперь докричаться до них, до своих подружек, которые уже лежали в земле, на зеленом деревенском кладбище. Разбудить их, чтобы посмотрели на свое поле, где они жали жито и за себя, и за своих мужей. Чтобы подивились, каким оно стало хлебным, и чтобы устало сказали ей, семидесятилетней Феодосии Федоровне Киселевой: «А мы ж, Федося, это поле зажинали...» Но никто ей не ответил. Подруги ее не услышали, а их дети и внуки были за деревней, на осеннем поле, где созрел новый урожай. Бабка Федосия села на табуретку и тихо поплакала. Поплакала тихо, сказала гневно:

«Горечко то было, а не колхоз! На работе рви свои жилочки, поливай земельку потом и думай: а что я буду вечерять? Чем покормлю своих деток? Весной поседем, и председатель говорит на собрании: «Вот уберем—и выдам вам на трудодень по два килограмма зерна да по три килограмма картошки». Осенью уберем—председатель на собрании говорит: «Подсчитали мы все, что у нас осталось, и вышло: на трудодень по двести граммов зерна да по триста картошки».

Приду я в свою хатку, запру скособоченную дверь, обниму своих деток и плачу-плачу, таточко мой.

Чтобы нажить в хату какую копейку, я завела свою школку. Садила семечки яблоны, груши, прививала на дичку.

Ну, а колхоз тот бедой стал. Беда и смех. Работает человек, работает, а ему под нос дулю. Нечестно тогда делалось. Мышковичские над нами смеются: у вас петухи ленивые, как и вы, не будят вас на работу. Петухи не кукарекают, председатель не чешется, вот вам и дуля.

У них жизнь была... а-ей, веселейшая была у них жизнь. И народу хватало, и себе. Мы все видели—соседи ж по земле. Вот их поле, вот наше. Вот радость, а вот беда.

Один раз приезжает к нам Орловский. Может, годочков шесть после войны уже прошло, уже мы нагоревались в колхозе—приезжает. В Волосовичах его знали—свой же человек. Отца его, Прокопа, уважали—был хозяин! Люди говорили: «Раз Прокоп посеял картошку мелко, то и нам надо. Быстрее взойдет». Прокоп на своей земле был хозяин, а сын—на колхозной. Сын у отца научился, характер его взял. Ага, приезжает к нам тот Орловский, сын Прокопа, и по деревне понеслось: «Будет собрание». Вот уже собрание. Вся наша деревня там, весь наш колхоз. Что-то будет, раз Орловский собрал народ. Что-то скажет. Мы рты пораскрывали, ждем доклад. Он встал, глянул на всех, подбил своей культей фуражку вверх и говорит:

— Товарищи земляки, хочу вас забрать к нам в колхоз. Согласны?

— Согласны!—крикнул наш народ.

А я, помню, крикнула во все горло:

— Скорее!

Орловский засмеялся:

— Сегодня же, молодичка! Сейчас! Пошли на поле, товарищи, посмотрим, где что посеять.

Так мы стали в «Рассвете». Кириллка дал нам картошки, постного масла, муки. Народ наш уже повеселел. А веселый народ горы своротит, таточко мой.

За неделю сложили коровник—во как работали! Такого, как тогда началось у нас, я еще не видела. Лес везут воз за возом. У Кириллы было много леса. Уже его кладут в стену. А-ей, уже мужчины сидят наверху, бьют жерди—уже крыша! Сложили коровник, пригнали из Мышковичей коров. Кириллка говорит бригадиру: «Поставь на ферму самых трудолюбивых молодич. Самых бойких. Надо поднимать надои, давать стране молоко». Поставили меня, Холодкову Соню, Киселеву Федору, Киселеву Клаву.

Наши коровки были молочные, мы их хорошо кормили. В котле варили брюкву, морковку, делали поило. У меня было пятнадцать коров, и все были хорошие. За месяц до отела я ставила их в родилку, чтобы отдохнули соски. Кириллка на ферме был каждый денечек. Как утро, так он уже тут. Спрашивает:

— Киселева, почему у твоих коров нет аборт? Почему они такие плодовые и молочные?

— Я никогда их не бью, Прокопович. И они меня любят. Я ж их вырастила с теляток. Они меня помнят. Когда телятко родится, я ему даю сырое яичко. Порошков никогда не даю, Прокопович. Там же такой нежный желудочек. Я варю травку, если понос. Телятко растет, растет, видит, как я за ним ухаживаю,—и делается молочной коровой.

— Ладно, Киселева, потом доскажешь свои байки!

Фыр-р! Машина завелась—укатил. Ему некогда.

Ага, укатил. Я подою своих коровок—доили руками, все делали руками, таточко мой,—молоко сдам учетчику, спрашиваю: сколько? Мне ж хочется, чтобы было больше, чем вчера, чем у всех, таточко мой. Такая у меня натура: хочу всех обогнать. Кириллка укатил, а через два часа прикатит. И спросит: «Усколь, Киселева?» А мне хочется, чтобы больше и больше. Приду раньше, выскребу, вымою в коровнике, коров почищу—они мне и дадут молока. Давали в год по четыре тысячи литров. Это сразу, как я стала дояркой. А потом давали по пять, по шесть. Коровы, таточко мой, чувствительные до хозяйки, они знают, кому отдавать молоко.

Труда своего я не жалела. Было за что работать. Как привезут

Юность «Рассвета».

мне хлеба—а-ей, сто двадцать пудов. Во заработала девка! Людцы, мне столько не надо, мы с детками столько не используем, а продавать в городе нет времени. Я ж на ферме да на ферме. Школку свою я отдала в колхоз. Она уже была мне в тягость. Кириллка любил садить сады. Весь наш колхоз осенью сажал сад. И я сажала. Кириллка даже просил:

— Киселева, поручоводи в саду. ты умеешь.

— Ой, Прокопович, я могу не так посадить.

— Так, так, Киселева! Ты у нас главный садовод. Руководи!

А как приезжал на ферму, говорил:

— Киселева, доскажи свою байку про коров.

— Ну, слушайте, Прокопович. Только не уезжайте, пока всю не расскажу. Жила в нашей деревне одна старушка, бабка Текля, земелька ей пухом. И было ей сто пять лет. Мы пасем коров, а бабка Текля говорит: «Гляди, Федоська, я тебя научу, как выбрать коровку. Гляди, шейка тонкая, такая корова не богатая на молоко. А это, Федоська, сосуд жирности молока, молоко будет сладкое. Вот это кожанка удюности. Вот это ножка плодovitости. Коровку, Федоська, можно угадать по телятку. Погляди, какие у телятка ножки, кожа, глаза, сосуды, копытца, такая будет и коровка». Вот я и гляжу, Прокопович. Плохих теляток надо годовать на мясо, а хороших воспитывать. Я так и делаю, Прокопович, как мне сказала бабка Текля. Мне было девять годочков, а я помню.

Кириллка послушал и говорит:

— Киселева! Тебе задание: расскажи свою байку всем дояркам. Чтoб знали. Нам надо поднимать надои, государство ждет наше молоко.

Фыр-р-р! Укатил.

А завтра спрашивает:

— Рассказала байку?

Всегда так—хоть бы что забыл. Особенно смотрел, чтоб до конца выдаивали. Корову как не додоишь, она портится, и молока меньше от нее, и не такое вкусное. Тут Кириллке помогала Татьяна Васильевна, жена. Он же сам подоить корову, чтобы проверить, не мог.

Летом Татьяна Васильевна приезжала утречком в лагерь. Чуть свет едут, он и она. Она сядет под корову, подоит: ага, эта подоена чисто, нет молока. А эта—не чисто.

Душевная женщина. Мы ее уважали, как Кириллку. Мы видели, как ей тяжело с ним. Он же был такой нервный. А с нервным мужем невозможно. Она за ним ухаживала, как за дитенком. И постирать за ним, и чтоб поел, и одет чисто. Татьяна Васильевна с ним приняла женские муки—мы ее за это любили. Мы ей завидовали. Мы ж были безмужние, вдовы, а у нее муж. Кажется, чтоб пришел мой, хоть без ног, хоть без рук, только б живой.—я б его на ручках носила, на солнышке грела...

Одно мое счастье—дети, мои дочки. Они уже стали мои помощницы. Обед мне сварят, хату подметут, лен колхозный прополют, прибегут на ферму: «Мамка, мы подоим коровки, а ты копай траншею».

Кириллка видел, как нам тяжело без воды—руками носили в коровник. И помочь все, и коров напоить—руки отрывались от тех ведер, таточко мой. Кириллка надумал вести водопровод. А кто выкопает траншею для трубы? Трактора такого нет. Мужей наших нет. Мы и копаем. Лопаты взяли, бросаем землю, бросаем—ой, тяжелая земелька! Бросаем, и каждая думает об одном: в такой земельке мой лежит, на него земелька давит. Девки бросают землю и как завоют все разом. Копают и воют.

— Девки!—кричу.—Работать надо с песней. а не с плачем. Надо траншею копать. Ну-ка девки:

Вьется-вьется вдаль моя дороженька,

Стелется за дымкой горизонт.

И по этой же дороженьке

Еду с милым я на фронт....»

Бабка Федосья запела на всю свою хату чистым голосом, в котором чуть-чуть вздрагивала горькая слезинка. Как жила. так и повествовала свою жизнь. Переживала еще раз то, что было. Не скрывала скверного, не хвалилась хорошим.

«Один раз Кириллка говорит мне:

— Киселева, куда ты будешь жить в своей халупе? Завтра привозят мне дерево—и старое, и новое. На хату. Бери и клади, таточко мой.

И начала я строить эту хату. Приду с фермы, тешу топором бревно. Братьев моих нет, доверять нет, вся моя родина лежит в земле. Я одна за всю родину строю хату. Соседка говорит:

— Федосья, чего ты такая дурная? Ты заслуженная у Кириллы, а сама строишь эту хату. Попроси—он поможет.

Ну, думаю, пойду на наряд, попрошу у Кириллы помощи. Попрошу при всех, чтобы не думали, что я с Кириллкой вась-вась. Приду на наряд. Слушаю, как он управляется: одному то надо, другому это. Кричит: строили конюшню, не так сделали двери. Нервничает: сдохли две коровы. Постою, послушаю и пойду с наряда. Не могла просить. Боялась ему помешать. У него ж на шее колхоз, а я со своей хатой лезу. Я и сама справлюсь. Приду—и за топор. Делаю

хату и плачу. А через улицу играет гармошка, там правят свадьбу. Я плачу и думаю: а чего ж я это плачу? Люди женятся, я новую хату строю—чего плакать? Надо плясать! Слезу с хаты, топну вот так:

Эх, сапоги мои худые,

Голенища тонкие!..»

Бабка Федосья танцевала в своей новой хате. Сидя, топнула по полу здоровой ногой и пошла поигрывать плечами и руками. Бабка танцевала, сидя на табуретке. Сколько же в ней молодого озорства, не растрченного с годами, сколько духа, силы!

«...Так я вошла в эту хату. Тут и помру, таточко мой. А тогда мне дали геройство. Это было, таточко мой, в одна тыща девятьсот пятьдесят восьмом годочке. Тогда наградили и Кириллку, и еще одну свинарку, Михневу Христину. Как дали мне то геройство, я стараюсь, чтобы мои коровки были еще лучше. Самые лучшие. Хаты своей до толку не довела, зато на ферме у меня все блестит. Киселеву все ищут: научи. Киселеву все видят: вот ее коровы. Ой, нелегко взять геройство в труде, таточко мой. Его можно взять большим-большим трудом для государства, а не для себя. Государству нужен не герой, а труд.

Ну, стала я героем в труде. Запросили меня в Москву, на выставку. Они меня все спрашивают про коров, про молоко, я им все рассказываю. По бабку Теклю, про свою ферму, про своих девок. Водили по музеям, по выставкам, по Красной площади, водили и возили. Уже месяц, таточко мой, живу в Москве на всем казенном, хорошо кушаю, мягко сплю, а мне делается все хуже. Привезут меня в гостиницу, я закроюсь—и в плач. Не могу больше. Кто моих коровок доит, поит, кто ласкает? Как подумаю—не могу, и все. «Отпустите меня домой»,—прошу какого-то начальника. Отпустили. В поезд посадили, доброй дороги пожелали—поехала.

— Прокопович, я им рассказала все-все. Прокопович, дороженький, не сердчай, тебе нельзя волноваться. Мне так хотелось домой, я там измучилась.

— Ладно, Киселева, иди работай...

Покричал, остыл. Он всегда был такой, мы ему прощали, когда накричит. Он был искалеченный, контуженный. Кричал же не за свое—за колхозное. Своего у него ничего не было. Они с Татьяной Васильевой жили скромно. Домик их видели в Мышковичах? Как у всех. Не скажешь, что там жил начальник.

Старовойтоу тоже такой, но он больше обходительный, стеснительный. Он к нам приехал молодой, как зеркало, а стал седой, больной. Что вы думаете, таким колхозом командовать легко? Тот машину разбил, тот с женой поругался, тому дрова надо, там коровник новый строй, там хлеб в государство сдавай... А ему—все держи в себе. Гляжу на него и говорю сама себе: «Ох, солнце мое, как тебе тяжело одному делать столько!»

Старовойтоу тяжелее, чем Орловскому. Столько строит! А сколько народа принимают в колхоз—всяких, даже пьяниц.

— Василий Константинович, зачем вы всех берете? Наши люди хорошие, уже воспитанные в «Рассвете». А новые могут испортить наш колхоз.

— Берем, Федоровна, чтобы лучше их сделать в нашем колхозе. Такой наш закон: человека сделать лучше, Федоровна. Чтобы все были, как вы.

А потом говорит:

— Федоровна, большая к вам просьба. Сходите в нашу школу, расскажите нашим хлопчикам и девочкам про себя, про колхоз. Они наша смена. они должны знать нашу жизнь.

И я иду в школу. Дети слушают, как я серпом жала, цепом молотила, косою косила... Одним интересно, а другим нет. Ох, детки мои хорошие, не могу я спокойно помирать, пока вы такие слабые в жизни...

Она-то сильная. Хоть и старая, хоть и изработанная, а сильная. Нас, благополучных, лихолетья не знавших, ногтей на работе не сдиравших, жалеет бабка Федосья. Помирать ей нельзя, считает она, пока мы, кто моложе, слабые.

Да чем же мы слабые? Да чем же она-то сильная?

Сознательно, понимая, что делает, служила Феодосия Федоровна Киселева государству, о государстве думала. У маленькой этой бабушки широкий душевный размах. Я шел от нее пешком, хотелось подольше побыть в ее времени—ведь справа и слева стояли ее сады, лежала ее земля. надо мной светило ее солнце. Я был в мире бабки Федосьи.

Вдруг впереди что-то ярко засияло в небе. Что это? Я прошагал еще километр и понял: шпиль на колхозном перекрестке. Серп и молот. Символ нашей государственности.

И тотчас привиделось, как бабка Федосья, молодая, маленькая, стоит на носках в высоком жите, размахивает над головой горячим своим серпом, кричит: «Девки-и-и!»

Теперь ее серп все видят. Он высоко в небе. Он золотой. Серп бабки Федосии—вечный.

Колхоз «Рассвет» имени К.П. Орловского, Кировский район, Могилевская область, Белорусская ССР.

НЕКРАСИВЫХ НЕ БЫВАЕТ!

Люблю свою профессию—делать женщин красивыми. Или лучше скажу так: помогать женщинам выявить лучшее в своей внешности, подчеркнуть свои достоинства, индивидуальность, потому что некрасивых женщин не бывает. Бывает другое, когда женщина по каким-то причинам просто перестает следить за собой, что называется. магнув рукой на свою наружность. Тут действительно лучше не смотреться в зеркало, чтобы не портить настроения еще больше,—глаза тусклые, ресницы бесцветные, цвет лица блеклый... Но достаточно нескольких минут, чуточку усилий—и все изменится: тонкое, умеренное применение косметики (макияж) может совершенно преобразить вашу внешность.

Итак, начинаем «наводить красоту». Первым делом очистим кожу лица от пыли, пота с помощью ватного тампона, смоченного лосьоном или жидким кремом, который рекомендован для вашей кожи (фото 1). Теперь наносим на лицо тонкий слой дневного крема, поверх него, таким же тонким слоем,—тональный крем (фото 2) и слегка припудриваем кожу, чтобы не блестела (фото 3).

Чтобы оттенить глаза, придать им выразительность, яркость, наносим на веки тени,

уголки глаз обводим карандашом (фото 4), ресницы красим тушью (фото 5). Брови расчесываем, придаем им форму, подкрашиваем (фото 6). Теперь пуховкой или ватным тампоном наносим румяна на скулы, направляя движения по косой линии к вискам (фото 7).

Последний штрих—оформление губ. Сначала обводим их по контуру (фото 8), затем ровным слоем наносим губную помаду (фото 9).

Остается напомнить, что в косметике, как и в одежде, многое диктует мода. Вот что она рекомендует на нынешний сезон: кожа нежная, бархатистая, светлых натуральных оттенков, что достигается с помощью тонального крема светлого цвета и светлой рассыпчатой пудры; румяна—розовых тонов, матовые или с перламутровым блеском; форма глаз, достигаемая с помощью контурного карандаша,—миндалевидная. Если природа наградила вас глазами такой формы, не стоит употреблять карандаш, это излишне. Нет нужды и выщипывать брови с целью сделать их тоньше: в моде густые, широкие брови, карандаш для них может быть коричневым или серым. Губы—увеличенной формы, округлые, мягкие, преимущественно розового цвета. И все-таки напомним: свежесть и жизнерадостность сохраняют не косметика, а добрый, веселый нрав и подвижный образ жизни.

Т. ЧИГЛИНЦЕВА,
мастер декоративной
косметики.
Фото В. КАМЫШКО.

ОТ СУПА ЛИ ПОЛНЕЮТ?

«Моя дочь вообразила, что «очень толстая», хотя на самом деле это не так. Теперь старается похудеть, отказавшись от первого блюда. А у нас в семье всегда считалось, что суп необходим для правильного пищеварения...

Н. КУРБАТОВА,
Вологодская область».

Вы совершенно правы, Надежда Александровна! Супы обязательно должны входить в состав питания, особенно детей и

подростков. Они необходимы и взрослым, в особенности тем, кто занимается усиленным умственным или физическим трудом, кто перенес тяжелую болезнь.

Кстати скажу, что людям с избыточным весом следует отказаться от густых и жирных супов в пользу легкого, но богатых витаминами—овощных. Овощные супы не только содержат много ценных витаминов и солей, но и помогают нормализации обменного процесса у пол-

ных людей. Особенно полезны в этом плане капустный диетический суп, супы из шпината, фасоли, кабачков, грибов, рыбы. Чтобы максимально сохранить витамин С, который особенно важен в борьбе с лишними килограммами, овощи лучше опускать в кипящую воду. Острые приправы—перец, лук, чеснок—можно заменить свежей петрушкой, укропом.

Если ваша дочь склонна к полноте, постарайтесь не заправлять первое блюдо картофелем

или рисом. А вот овсяную крупу, геркулес, пшеничные отруби можно есть безбоязненно! Крупы надо залить холодной водой и варить на слабом огне, пока не разварятся. После этого суп процедить, развести овощным бульоном, можно добавить свежее или вареные овощи.

Жиры для заправки лучше употреблять не животные, а растительные: они и полезнее, и полноты не дают, и пищеварению способствуют.

В. ПЕТРОВА

В этом году по многочисленным просьбам читателей заслуженный врач РСФСР, кандидат медицинских наук В. ИВАНОВ продолжит беседы о защитных силах организма, которые помогают нам управлять самочувствием, регулировать обменные процессы.

ПОМОЖЕМ МАЛЫШУ

Мы уже говорили о роли, которую играет кожа, защищая организм от вредных внешних воздействий, сохраняющая от перегрева и охлаждения. Во сто крат больше ее значение в жизни ребенка, которого с первых дней рождения буквально подстерегают всевозможные вирусы и микробы. Им может противостоять только здоровая кожа! Любая ссадина, потертость, опрелость на ребячьей коже — это «пролом в крепостной стене», куда устремляются «армии врагов» организма, это влостные ворота инфекции.

И не только они: всякое загрязнение, обезжиривание химическими средствами, в том числе и пользование мылом, не предусмотренным для ребенка, резко снижают защитные свойства кожи. Это крайне опасно: ведь какой вы сохраните кожу ребенка, с такой ему жить жизни!

Чаше всего кожа ребенка подвергается воспалению в результате длительного нахождения в мокрых пеленках, особенно если они из синтетической ткани. Если воспалились небольшие участки кожи, сделайте ребенку ванны из отрубей, они богаты минеральными солями и ценным ви-

тамином — токоферолом. Полкилограмма отрубей надо залить литром горячей воды и 15 мин. кипятить на водяной бане. Затем остудить в течение полчаса и процедить через марлю. Оставшуюся в марле массу завязывают в виде мешочка и опускают в ванну с водой (температура 37—38°), сюда же выливают процеженную жидкость, при этом вода приобретает молочный цвет. Ванночки нужно делать через день по 10—12 мин. Обычно уже после 3—4-й нормальной ванночки кожа восстанавливается.

Возможно, вы заметили у своего малыша небольшие желтоватые жирные корочки на бро-

вях, щеках, мочке уха. Не пугайтесь: это всего лишь результат избыточного выделения кожного сала. Достаточно смазать корочки на ночь детским кремом, чтобы они размягчились и утром легко снялись ватным тампоном.

Более серьезна опрелость, возникающая на соприкасающихся поверхностях кожных складок (за ушами, под мышками, на ягодицах и т.д.). При этом повреждение кожи воспаляется, краснеет, появляются волдыри, они вскрываются, образуя мокнувшие участки ярко-розового цвета. Ребенок испытывает постоянную сильную боль. Мало того, через поврежденную кожу в организм легко попадает инфекция, выздоравливание затягивается, ребенок плохо спит, становится раздражительным, беспокойным. Сколько мучений он мог избежать, если бы мама всего лишь вовремя поменяла пеленки! Кстати говоря, опрелость может развиваться и в том случае, если пеленки стирают недостаточно тщательно, оставшиеся

на них кристаллики мочевой кислоты сильно раздражают кожу.

Если вы заметили появление опрелости, не мойте поврежденные участки кожи водой, их нужно слегка смазать жирным кремом или прокипяченным и остуженным растительным маслом. Как только боль уменьшится, покрасневшие места можно вымыть кипяченой водой с жирным детским мылом и легонько прикладывая мягкое пушистое полотенце, тщательно высушить. После этого места опрелости снова следует смазать прокипяченным растительным маслом. Ни в коем случае не пользуйтесь тальком, самодельными мазями! Постарайтесь без надобности не кутать ребенка, если в комнате тепло, а в летнее время почаще делайте воздушные ванны для пораженных опрелостью участков кожи.

Еще одно распространенное кожное заболевание малышей — ягодичная эритема. Нормальная кожа в ягодичной области ребенка бледно-розового цвета, а при заболевании она становится ярко-красной, краснота может даже перейти на заднюю и внутреннюю поверхности бедер. В запущенных случаях покрасневшие участки покрываются каплями жидкости, а то и мелкими белыми прыщиками. Все это — целиком и полностью результат небрежного отношения к ребенку, несоблюдения элементарных правил гигиены. С исправления такого отношения и надо начинать лечение. Пораженные места регулярно протирайте ватным тампоном, смоченным в растворе перманганата калия (марганцовки), а также раствором фурацилина. Если состояние не улучшится, обратитесь к врачу.

Надежное средство защиты детской кожи от различных поражений — в первую очередь закаливание ее, укрепление. Начинать надо прямо с первого месяца жизни малыша. Хорошо укрепляют кожу ванночки из кукурузного крахмала. Для приготовления их 100 г крахмала разводят в литре холодной воды, размешивают и выливают в ванну с водой температуры 37—38°. Время нахождения младенца в ванночке — от 5 до 10 минут. Делать ванночки можно ежедневно. Ну и, конечно, ничто не заменит чистой кипяченой воды, детского мыла и крема, прокипяченных до блеска пеленок, подгузников и распашонок (все это желательно также

прогладить с двух сторон горячим утюгом), воздушных ванн, простейших гимнастических упражнений для новорожденного, которыми вас научили или научат в консультации.

Если же воспаление все-таки началось, безбоязненно применяйте водные настои наших давних друзей — лекарственных трав: ромашки аптечной и ромашки душистой. Они не только снимают воспалительный процесс в начальной стадии, но и придают коже упругость, эластичность, бархатистость. Готовят настой так: 2 столовые ложки цветков ромашки помещают в запаривающую посуду, заливают стаканом горячей воды, 15 минут кипятят на водяной бане, настаивают при комнатной температуре полчаса, процеживают и несколько раз в день протирают воспаленные участки кожи.

Боль, сопровождающая кожные заболевания малышей, не дает им спать, есть, радоваться жизни. Снять боль поможет воздушный массаж, только не касайтесь пораженных участков! Тщательно вымойте и согрейте руки, расположите ладони параллельно поверхности пораженного участка кожи на расстоянии одного сантиметра от него, так, чтобы вы сами ощущали своими ладонями теплоту, исходящую от тела ребенка. Затем начните массажные движения рук, напоминающие поверхность поглощения, заканчивающиеся резким разворотом ладони вверх, как бы над участком поражения, этим усиливается ток согретого воздуха над кожей. Начинать воздушный массаж нужно с участков здоровой кожи, постепенно переходя к пораженным. Общая длительность приема — 5—10 минут, делать воздушный массаж можно несколько раз в сутки.

В следующий раз мы продолжим разговор о кожных заболеваниях малышей и об одном из самых тяжелых среди них — экссудативном диатезе. Хочется только еще раз напомнить, что наши беседы ни в коем случае не преследуют целей самолечения, а лишь предлагают вам освоить простейшие методы предупреждения тяжелых заболеваний. Более же подробные рекомендации в каждом конкретном случае вам, безусловно, даст врач-педиатр, наблюдающий вашего ребенка.

ИГЛОЙ И НИТКОЙ

«Хочу научиться шить, стараюсь сама чинить свою одежду. Но пока неважно получается...»

Оля НАЗАРОВА,
г. Евпатория».

Умение шить приходит с опытом. Правда, маленькие «хитрости» умелой хозяйки могут несколько облегчить этот процесс.

● Если вам нужно подремонтировать или перешить вещь из трикотажа, это можно сделать на швейной машине, подложив под трикотаж полосу хлопчатобумажной ткани или ленту и прострочив ее вместе с тканью — изделие не растянется, шить будет легче.

● Маленькую дырочку на платье зашивайте тонкой иголкой с короткой ниткой, иначе увеличите размер дыры.

● Синтетическую ткань лучше раскраивать и подрезать острыми нагретыми ножницами, тогда она не будет «осыпаться», да и швы обметывать не придется.

● Чтобы застежка на юбке не расходилась, пришейте с одной стороны крючок и петлю, а с другой — соответственно петлю и крючок.

● Перед тем, как подшивать низ изделия, повесьте его на несколько дней на вешалку — ткань отвисится, подол не будет вытягиваться.

● Брюки, разорванные острым предметом, необязательно зашивать: подложите под разорванное место кусок такой же ткани, смазанный яичным белком (потребуется всего капля), и проглайте с изнанки горячим утюгом.

Л. ИВАНОВА

«ВИСЯЧАЯ ВАЗА»

«Какие растения лучше посадить в подвесные кашпо на стене?»

И. АНДРИАНОВА,
Рязанская область».

Для этой цели больше всего подойдут так называемые ампельные растения — их название происходит от немецкого слова «ампель», что означает «висячая ваза». Эти растения можно также высаживать по краям ящиков, где растут крупные комнатные цветы, красиво смотрятся горшок с ними на краю книжной полки, невысокого шкафа или стеллажа. Наиболее часто разводят такие ампельные растения: колокольчик, бегонию, традесканцию, фуксию — в прохладных комнатах, аспарагус, жасмин, пеларгонию — в теплых.

Особенно изыскан **колокольчик равнолистный** — его густые белоснежные цветки от весны до осени обильно покрывают все растение, закрывая листья. Любит свет, хотя не выносит прямых солнечных лучей, полива требует осторожного, но систематического, чтобы ком не пересыхал, во время роста нуждается в подкормке. Молодые растения ежегодно пересаживают в земляную смесь из перегнойной, дерновой земли, торфа и песка (1:6:2:1). Если зимой верхние побеги засохнут, их надо обрезать, сохранив нижнюю часть, из которой к весне вновь разовьются обильно цветущие длинные побеги.

Необыкновенно декоративна **бегония борщевиколистная**, многолетнее растение с лежащими стеблями, от которых отходят на длинных грубоворсистых сочных черешках похожие на ладонь мощные листья с 5—9 зубцами. Листья темно-зеленые, переходящие вблизи жилок в светло-зеленые, вдоль каждой доли листа резко выделяются светло-зеленые жилки, выпуклые и рельефные. Светлые участки листа перемежаются с участками красноватого тона, что создает эффект «мраморности», делая листья очень нарядными и необычными. Цветки розовые, собраны в соцветия. Теневостойчива, красиво смотрится при одиночном расположении и в свободных группах.

Г. ТАВЛИНОВА,
цветовод.

ОБУВЬ ПРОМОКЛА...

Это случается зимой, к сожалению, весьма часто. Промокнет обувь быстро, а сохнет медленно. Поэтому мы, не долго думая, засовываем сапоги, туфли под батарею или ставим поближе к огню, не забывая о том, что при этом «ощущает» наша обувь. А ведь время сушки можно сократить и более «человеческими» способами. К примеру, вымыть туфли холодной водой, протереть снаружи и изнутри и набить старыми газетами — газетная бумага поглотит влагу, сохранит форму обуви. Влажную газету можно использовать и для того, чтобы растянуть тесную обувь.

Кстати говоря, влага не всегда враг нашей обуви. Замшевая, например, отлично себя чувствует под паром; у нее поднимается ворс. А спортивным кроссовкам, если они сохли в период межсезонья, теплая «ванна» просто необходима. Когда кожа размякнет, надо вытереть ее, смазать глицерином и туго набить бумагой. Немного глицерина вообще всегда на пользу промокшим ботинкам!

В числе других целебных для обуви препаратов назовем уксусную эссенцию. Смоченные ею ватные тампоны кладут в туфли для дезинфекции. Через 10—12 часов, проведенных в закрытом полиэтиленовом пакете, обувь совершенно «выздоровливает». Остается лишь протереть ее изнутри формалином, высушить и проветрить.

Сапоги со скрипом давно вышли из моды, но скрипящие подошвы нередко «терзают» наш слух и сегодня. Пропитайте их на ночь горячей натуральной олифой или смажьте льняным маслом — «звуковые сигналы» исчезнут.

Обладателей новой обуви подстерегает еще одна неприятность: ощущение жжения в стопе. Виновата в нем подошва,

даже в одежде

которую можно «вылечить», протерев изнутри 3-процентным раствором уксуса.

И. МОРСУНОВА

ХОЗЯЙКЕ НА ЗАМЕТКУ

● Загрязнившееся доньшко электрического утюга протрите чистой тряпочкой, смоченной в уксусе. Если не поможет — окуните тряпочку в порошок, которым чистите кастрюли, раковины («Пемоксоль», «Пемоксоль-люкс» и т. п.).

● Остатки порошка снимите с утюга ватным тампоном с солью.

● Ореховые и табачные листья — хорошие средства от моли. Разложите их в шкафах, и вещи будут в полной сохранности.

● Если ящик кухонного или письменного стола открывается с трудом, протрите края ящика и пазы, в которые он входит, сухим мылом или свечкой.

● Удалить накипь в чайнике можно с помощью специального химического средства «Антинакипин», которое продается в хозяйственных магазинах. Есть и домашний способ удаления: залейте в чайник раствор уксусной эссенции (1 часть на 6 частей воды) и нагрейте до 60—70°;

при такой температуре подержите чайник на огне 20—30 минут, затем тщательно промойте.

● Свежие пятна от фруктов легко смываются теплой водой. Старое пятно можно вывести раствором лимонной кислоты (2 г на стакан воды). Только не применяйте мыла! Фруктовые пятна от него закрепляются.

Рис. Н. ИЛЬИНОЙ.

Есть у Андерсена чудесная сказка про горшок «всезнайку». Ее, помнится, мои дети очень любили, да и внуки распевают задорную песенку волшебного горшочка из радиопередачи по этой сказке: «Кто что варит, кто что жарит, маринует и печет — знаю я наперечет!»

СОВЕТЫ
МАРИИ ИВАНОВНЫ

КТО ЧТО ВАРИТ? КТО ЧТО ЖАРИТ?

А правда, интересно знать, кто что, где, из каких продуктов стряпает? Сколько в нашей стране людей разных национальностей, да сколько вообще разных стран в мире, и у каждой — своя кухня! Порывшись в поваренных книгах, которые от бабушки перешили да которые сама собрала, перечитала ваши письма, дорогие хозяйки, а они, надо сказать, со всех концов страны приходят, даже из-за рубежа... И надувала в новом году поговорить с вами об особенностях, интересных рецептах, традиционных блюдах разных народов. Может, кое-что понравится вам, войдет в ваше постоянное меню.

ВЕНГЕРСКИЙ ДЕНЬ НА КУХНЕ

Венгерская кухня отличается остротой, специфическим вкусом блюд. Их придает молотый красный перец — паприка, которым венгерские кулинары щедро приправляют кушанья. Готовят перец в каждой семье: плоды красного перца освобождают от сердцевинки и семян, сушат и толкут или прома-лы-

вают в кофемолке. Самый употребляемый жир — топленое свиное сало. Масло используют только для диетических блюд. Особенно любят пряности, почти в каждое кушанье добавляют жаренный в масле лук, мучную заправку.

Вот как варят, к примеру, знаменитый венгерский **СУП-ГУЛЯШ**.

Лук обжаривают на сале, добавляют сладкий перец, порезанный на кусочки, помидоры или томат-пасту, толченый чеснок, тмин, нарезанное кубиками мясо, солят, посыпают молотым красным перцем, заливают бульоном, чтобы закрыты были все подготовленные продукты, и тушат до полуго-

запекают курицу, выложенную на блюдо.

СЛАДКОЕЖКАМ

приготовим **ПИРОЖНОЕ КОШУТСКОЕ**. Возьмем 250 г размягченного маргарина, столько же сахара, 1 яйцо целиком и еще желтки от 3-х яиц (белки можно будет использовать отдельно), сок одного лимона или лимонную кислоту и будем энергично размешивать не менее чем 25—30 мин., постепенно добавляя 250 г просеянной и подсушенной муки. Полученную массу выложим на противень, выровняем, посыпем толчеными орешками или изюмом. Когда испечется и остынет, нарежем на куски разной формы, посыпем сахарной пудрой.

Ну, а теперь пора нам с бере-

Делают там еще **ДРАЧЕНУ КАРТОФЕЛЬНУЮ**: к тертому сырому картофелю, помимо муки, соды и соли (пропорции те же), добавляют перец молотый и мелко порезанный лук, жаренный со шпиком. Перемешивают, выкладывают на противень, смазанный жиром, и запекают. Подают горячую, полив маслом.

А в Молдавии, прочла я в поваренной книге, готовят картофельные **КРОКЕТЫ**: трут на мелкой терке 1 кг сырого картофеля, дают стечь соку, добавляют 2 столовые ложки молока, 2 сырых яйца, 100 г муки, по вкусу — соли и толченого чеснока. Взбивают, берут порцию столовой ложкой, смоченной водой, и выкладывают на сковороду в кипящий жир.

Говорят, картофель — второй хлеб. А вот о первом — о хлебе ржаном и пшеничном,

товности. Теперь добавляют также нарезанный кубиками картофель, снова доливают бульона, чтобы покрыл продукты, и варят до готовности. На 500 г мяса — столько же картофеля, 2—3 головки лука, 5—6 зубчиков чеснока, 2 стручка сладкого перца, 2—3 помидора или 2—3 столовые ложки томат-пасты. Молотый перец, соль, тмин — по вкусу.

Еще одно национальное блюдо — **КУРИЦА ПО-БАЛКАНСКИ**. Подготовленную и хорошо посоленную внутри и снаружи тушку кладут в кастрюлю, заливают топленым свиным жиром, обкладывают кусочками копченого сала, добавляют 4—5 морковок, нарезанных кубиками, головку измельченного лука, чайную ложечку толченого или молотого красного перца и жарят с час. Отдельно варят рассыпчатый рис на гарнир, его дополняют промытым и пропаренным изюмом, черносливом, другими сушеными фруктами. Блюдо подают с белым соусом. Делают его так: полстакана муки обжаривают в 50 г жира, добавляют стакан сметаны, хорошо размешивают и

гов реки Дунай домой, ведь недавно в пословице говорится, что

В ГОСТЯХ ХОРОШО, А ДОМА ЛУЧШЕ

Не знаю, как у вас, а мои, как ни старайся, что ни готовь — и трех дней не проживут без картошки, еоскучаются! Пока картофель, запасенный вами на зиму, крепкий и сочный, побалуем домашних **ОЛАДЬЯМИ**.

Нагреем на терке 500 г картофеля и быстро, чтобы не потемнел, добавим четверть пачки дрожжей, разведенных в четверти стакана теплой воды, посолим, всыплем полстакана муки, вобьем яйцо, хорошо размешаем, дадим подняться в теплом месте. Выпекать нужно на сильно разогретой сковороде, в кипящем жиру.

В Белоруссии, где тоже очень любят картофель, оладьи называют **ДРАНИКИ** и готовят немного иначе: без дрожжей. Натирают картофель на терке, добавляют муку (на 500 г — 2 столовые ложки с верхом), соды на кончике ножа, соль по вкусу, жарят на растительном масле.

сдобном и кислом — пришла нужда нам с вами подумать всерьез: сушарей мы уже насушили, панировку заготовили... Как же быть с черствыми булками? Выбрасывать — рука не поднимается... И не нужно!

ИЗ ЧЕРСТВОГО ХЛЕБА

можно приготовить вкусный и питательный **ПУДИНГ С ЯБЛОКАМИ**.

Сухую булку и яблоки (по 500 г) нарежем дольками. Отдельно взбиваем 2 яйца с 0,5 л молока и 50 г сахара, можно добавить цедру лимона, если есть под рукой. Форму хорошо смазываем жиром, укладываем в нее смоченные в яично-молочной смеси ломтики булки, поверх — ломтики яблок, посыпанные сахаром (всего пойдет 150 г), и так чередуем слои, заканчивая пудинг слоем булки.

Сверху заливаем оставшейся молочной смесью, выпекаем в не очень жаркой духовке.

Приятного аппетита!

Ваша
МАРИЯ ИВАНОВНА
Рис. Е. НОВИКОВОЙ.

швы, вяжем,
вышиваем

Опять в моде этот удобный, теплый и легкий предмет нашего гардероба — жилет. Но на сей раз он стал короче и «обзавелся» пояском...

И СНОВА — ЖИЛЕТ

Предлагаем модель размера 50—52, связанную на спицах 3 и 3,5 мм из шерсти средней плотности (300—350 г), на пяти пуговицах и с пояском в виде шнурка, продернутого в отверстия ажурного узора по талии. Посмотрите, пожалуйста, на чертежи: цифры в скобках относятся к большему размеру.

Каждый ряд начинается и заканчивается одной краевой петлей.

Плотность вязки: 23 петли в ширину и 32 ряда в высоту на спицах 3,5 мм равны 10×10 см.

ОБРАЗЦЫ ВЯЗКИ.

1. Резинка 1×1.

2. Узор на 20 петель.

1-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 6 лицевых, 2 петли провязать вместе лицевой, 1 накид, 2 лицевые *. Повторять от * до *.

2-й РЯД и все следующие изнаночные ряды вязать по рисунку. Накиды провязывать изнаночными петлями.

3-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 5 лицевых, 2 петли провязать вместе лицевой, 1 накид, 3 лицевые *. Повторять от * до *.

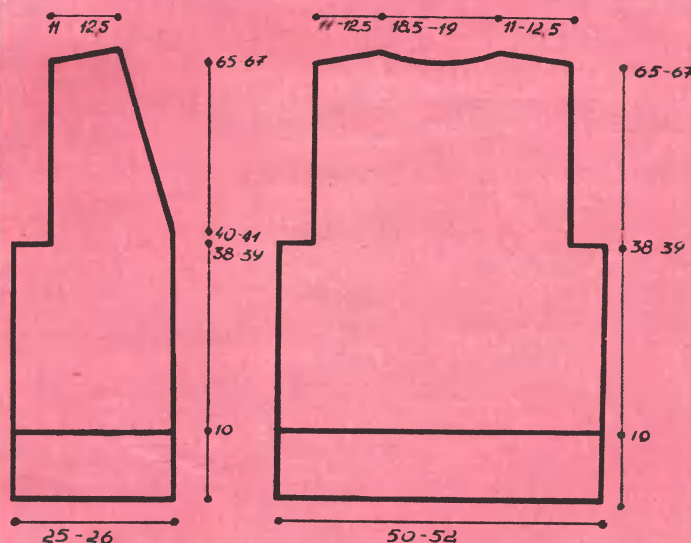
5-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 петли провязать вместе лицевой, 1 накид, 4 лицевых *. Повторять от * до *.

7-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 петли скрестить направо (2 петли снять на запасную спицу на изнанку работы, провязать 2 следующие лицевые, затем 2 лицевые с запасной спицы), 2 изнаночные, 3 лицевые, 2 петли провязать вместе лицевой, 1 накид, 5 лицевых *. Повторять от * до *.

9-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые,

2 петли провязать вместе лицевой, 1 накид, 6 лицевых *. Повторять от * до *.

11-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 1 лицевая, 2 петли провязать вместе лицевой, 1 накид, 7 лицевых *.

Повторять от * до *.

13-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 3 лицевых, 1 накид, 2 петли провязать вместе лицевой перевернутой, 5 лицевых *. Повторять от * до *.

15-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 петли скрестить направо, 2 изнаночные, 4 лицевые, 1 накид, 2 петли провязать вместе лицевой перевернутой, 4 лицевые *. Повторять от * до *.

17-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 5 лицевых, 1 накид, 2 петли провязать

вместе лицевой перевернутой, 3 лицевые *. Повторять от * до *.

19-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 6 лицевых, 1 накид, 2 петли провязать вместе лицевой перевернутой, 2 лицевые *. Повторять от * до *.

21-й РЯД: * 2 изнаночные, 4 лицевые, 2 изнаночные, 7 лицевых, 1 накид, 2 петли провязать вместе лицевой перевернутой, 1 лицевая *. Повторять от * до *.

Узор повторяют с 1-го по 22-й ряд. «Косы» скрепляют через каждые 8 рядов.

ОПИСАНИЕ РАБОТЫ.

СПИНКА. Наберите 114 (122) петли на спицу 3 мм и провяжите 10 см резинкой 1×1. Затем перейдите на спицы 3,5 мм и начинайте выполнять узор, распределив его так, чтобы «коса» пришлась на середину спинки. На 40-м (41-м) см от конца резинки закройте с обеих сторон по 10 петель на проймы. На 65-м (67-м) см от конца резинки закройте на плечи 3 раза по 6 (7) петель и еще по 7 петель в каждом втором ряду. Одновременно закройте средние 32 (34) петли для горловины и с обеих ее сторон для закругления еще 3 раза по 2 петли в каждом втором ряду.

ПРАВАЯ ПОЛОЧКА. Наберите 50 (60) петель на спицы 3 мм. Затем перейдите на спицы 3,5 мм и провяжите 10 см резинкой 1×1. Начните выполнять узор в таком же распределении петель, как на спинке. На 40-м (41-м) см от конца резинки закройте 10 петель на пройму. Одновременно закройте с правого края работы для мыса горловины 21 (22) раз по одной петле в каждом четвертом ряду.

ПЛЕЧИ выполните по описанию в разделе «Спинка».

ЛЕВУЮ ПОЛОЧКУ, вяжут, как правую, только в зеркальном изображении.

ПЛАНКА ДЛЯ ПРОЙМЫ (2 детали). Наберите 142 (148) петли на спицы 3 мм, провяжите 3,5 см резинкой 1×1 и закройте петли резинкой.

ПЛАНКИ ДЛЯ ПОЛОЧЕК И СПИНКИ (2 детали). Наберите 188 (194) петель на спицы 3 мм, провяжите 3,5 см резинкой 1×1 и закройте петли. На второй планке выполните 5 петель для пуговиц: первую — на расстоянии 8 петель от начала, остальные — на расстоянии 19 петель одна от другой.

ШНУР-ПОЯС. Наберите 6 петель на спицы 3 мм и провяжите 130 (140) см резинкой 1×1.

СБОРКА. Концы обеих планок для застежки соедините петельным швом. Сшейте боковые и плечевые швы. Аккуратно обшейте края полочек и пройм планками. Пришейте пуговицы. Шнур проденьте в отверстия ажурного узора на талии. Жилет готов!

М. ГАЙ-ГУЛИНА

швей, вяжем,
вышиваем

Приятно видеть малышку в платьице нарядном, индивидуальном, не похожем на другие! Но такого в «Детском мире» не купишь... Надо самим немного потрудиться, приложить руки.

ПЛАТЬЕ ДЛЯ МАШЕНЬКИ

На наших страницах — сарафан и платье для девочки полутора-двух лет (размеры 22—24) и теплые рейтузы с носками на ребенка того же возраста. Подчеркнем, что эти вещи можно сшить из лоскутков, можно использовать и ткань от вещей, вышедших из употребления у взрослых.

САРАФАН лучше сделать из плотной мягкой ткани — драпа, сукна. Он состоит из 6 клиньев (рис. 1). Клинья обвязаны нитками (шерстяными, синтетическими — любыми) в тон ткани и соединены между собой. Соединение делаем крючком — столбиками без накида с изнанки — или иголкой швом через край. Когда все 6 клиньев будут соединены, можно приступать к вязанию кокетки. Вяжут ее рядами, расположенными по кругу в двух направлениях: каждый ряд смыкается. В начале нового ряда не забывайте провязывать петли на подъем.

1-й ряд кокетки свяжите столбиками без накида (рис. 2).

Во 2-м ряду вяжите столбики с накидом, по одному на каждом столбике предыдущего ряда.

В 3-м ряду нитками чуть более светлого тона свяжите столбик без накида, вводя крючок между 2-м и 3-м столбиками с накидом, 2 воздушные петли, 2 столбика пропустите, 1 столбик без накида, вводя крючок

между двумя следующими столбиками с накидом, и т. д.

В 4-м ряду нитками более темного тона (как в 1—2-м рядах) свяжите по 2 столбика с накидом, вводя крючок под каждую цепочку предыдущего ряда.

5-й ряд нитками, чуть отличными по тону, вяжите, как 3-й.

6-й — как 4-й, 7-й — как 3-й, 8-й — как 4-й. 9-й ряд снова вяжите, как 3-й, 10-й — как 4-й, 11-й — как 3-й, при этом соблюдая чередование тонов ниток.

По низу сарафана свяжите 4 ряда по стежке (рис. 3).

Для бретели свяжите цепочку, равную ее длине, затем вяжите столбики с накидом нитками светлого тона (рис. 4). Эту

полоску из столбиков обвяжите с двух сторон столбиками без накида и цепочками между ними нитками несколько отличного тона (как 3-й ряд кокетки). В последнем ряду вязания нитками более темного тона свяжите по одному столбику без накида, вводя крючок под каждую цепочку, между столбиками — 2 воздушные петли.

Бретели пришейте к кокетке с изнаночной стороны.

Сарафанчик можно надевать на свитер, кофточку, «водолазку» — вашей девочке будет и тепло, и удобно.

ПЛАТЬЕ с вязаной кокеткой можно также сшить из маминого платья, которое почему-либо не носится. Подойдет любая

Рис. 1

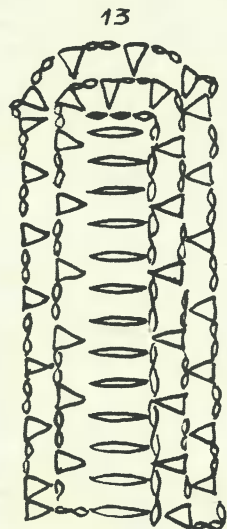

Рис. 4

Рис. 2

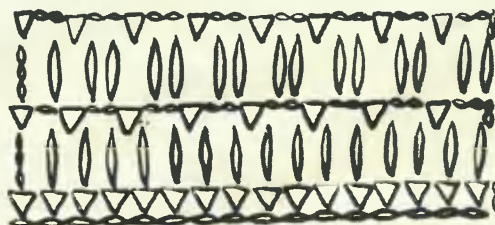
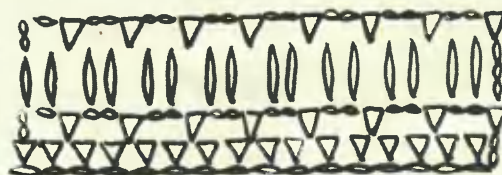

Рис. 3

ткань или трикотажное плотно, однотонные или с мелким рисунком. Кокетку, манжеты и помпоны свяжите из ниток, гармонирующих по цвету с тканью платья.

Для кокетки свяжите цепочку, равную обхвату шеи ребенка. Далее по рис. 5 вяжите кокетку в двух направлениях, не смыкая ряды. Ширина ее равна ширине плеча.

Кокетку пришейте к платью, в решетку воротника-стойки проденьте цепочку

связанную из тех же ниток, пришейте к ней помпоны (рис. 6).

Для манжеты свяжите цепочку, равную по длине обхвату запястья. По рисунку кокетки, но в 2 ряда свяжите манжеты и пришейте их к рукаву.

Детали платья кроите по выкройке (рис. 7).

РЕЙТУЗЫ вяжут резинкой из выпуклых и плоских столбиков (1×1) толстыми шерстяными нитками.

Свяжите цепочку, равную по

швей, вяжем, вышиваем

длине обхвату бедер ребенка, сомкните ее в кольцо и вяжите по кругу на высоту сиденья (от линии талии до верхней точки ноги) плюс 2 см на подгиб верха. Ряды вяжите в двух направлениях, смыкая их.

Теперь разделите число столбиков круга пополам, провяжите половину круга и свяжите цепочку (ее длина должна быть равна одной десятой части обхвата бедер), сомкните ее с началом круга. Таким образом, ваше вязание разделилось на 2 части. Дальше обе части вяжите до нужной вам длины, также по кругу, в двух направлениях, смыкая ряды.

Верхнюю часть рейтуз подогните наизнанку на 2 см для продержки резинки.

ТЕПЛЫЕ НОСКИ связаны из шерстяных ниток. Резинку свяжите выпуклыми и плоскими столбиками (2×2), для этого крючок вводите под столбики предыдущего ряда справа налево, то спереди, то сзади. Высота резинки 3—5 см. Дальше вяжите столбиками без накида.

Для пятки разделите число столбиков круга пополам и провяжите следующий ряд только на половине окружности, затем цепочку из воздушных петель и круг смыкают. Число петель в цепочке должно равняться числу столбиков половины круга.

В следующем круге столбики вяжут на столбиках предыдущего ряда и на петлях цепочки. Продолжают вязание узора до начала мизинца. Мысок вяжут столбиками без накида, делая убавления по двум линиям. Когда ширина мыска станет равна 3—4 см, вяжут последний ряд столбиков, смыкая обе части мыска — верхнюю и нижнюю.

Таким же способом вяжут пятку. 3 стороны сложенного вдвое вязанья пятки должны быть равны между собой.

Зная принципы вязания носков и рейтуз, вы сможете связать для ребенка, да и для себя, колготы, гольфы, чулки — нужно будет только сделать необходимые измерения по форме и длине ноги. Нитки подойдут тонкие шерстяные или хлопчатобумажные, синтетические. Узор может быть плотным или ажурным.

Рис. 6

Рис. 5

Какой крючок рекомендовать для этой работы? В общем-то тут можно выбрать тот, что вам наиболее удобен, но есть общая рекомендация: крючок должен быть вдвое толще нит-

ки, с которой вы работаете.

И. АЛЕКСАНДРОВА,
преподаватель студии
декоративно-прикладного
искусства «Аврора».
Фото и чертежи автора.

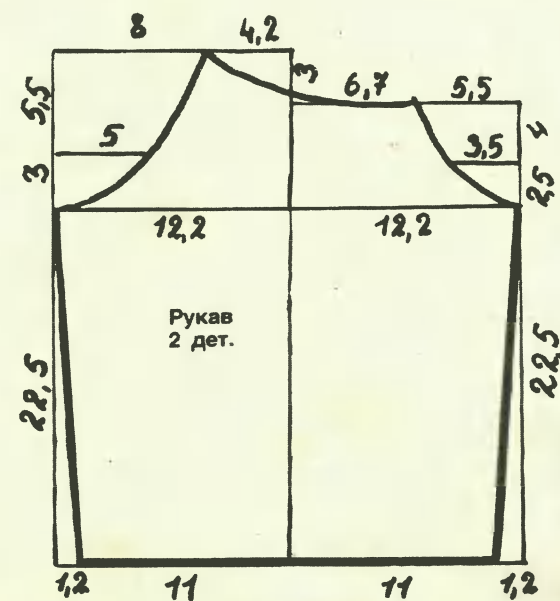
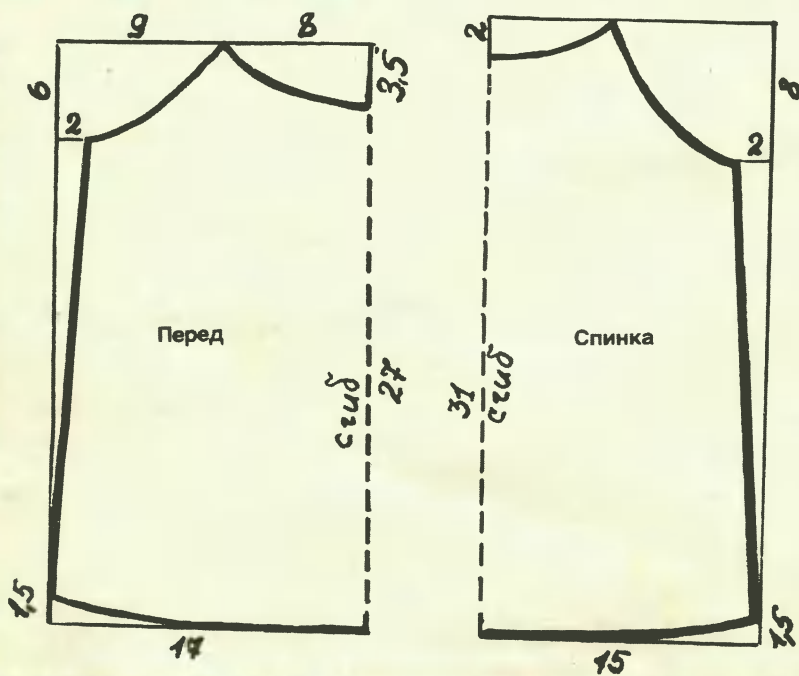

Рис. 7

шьем, вяжем,
вышиваем

Не правда ли, как элегантно, со вкусом одеты эти молодые женщины? Наверное, кое-кто из наших юных читательниц, взглянув на снимок, скажет о вещах, надетых на них: «Фирма!». И ошибется: все, от сапожек до сумок, сделано собственными руками двух подруг, двух Марин—Уткиной и Игнашевой... В этом году в «Хозяюшке» они расскажут о своем мастерстве, поделятся им с читательницами журнала.

НАДОЕЛИ СТАРЫЕ ВЕЩИ?

Распахните мысленно дверцы ваших шкафов, полок, антресолей: обычно именно там мы складываем вещи, которые сегодня почему-либо носить не можем, но и выбросить жалко. Вещи, которые ждут обновления, переделки. И вряд ли, увы, дождутся—не только из-за нехватки времени. На наш взгляд, дело тут в том, что мы не умеем прогнозировать будущую пригодность вещи, не видим в ней нового изделия. Тесен плащ—думаем, как его расширить, а это трудно, так и висит он в шкафу без дела. Нечаянно испорчена юбка—ждем, пока попадется такая же ткань, чтобы заменить клин, юбка между тем окончательно выходит из моды...

А ведь любое изделие может при переделке полностью поменять свою функцию, скажем, из пальто превратиться в сумку, пояс, юбку, берет, тапочки, женскую «косметичку», из «водолазки» — в купальник, головной убор, из сапог — в пояс, украшение...

Несомненно, каждая наша устаревшая вещь заслуживает повторного знакомства, нового взгляда на нее. Поверьте, это нелегко сделать: привычка мешает увидеть что-либо принципиально новое в давно ношенной вещи, сковывает фантазию. И все-таки...

Возьмите одну из старых вещей—свитер, юбку, платье, соберите легкими складками по долевой нити, набросьте на плечи, приложите к голове, посмотритесь в зеркало. Постарайтесь отвлечься от бывшего фасона, отделочных элементов, назначения. Исходите из самой фактуры ткани—тяжести или легкости, ломкости или упругости, цвета, хотя в общем-то цвет можно изменить крашением. Может быть, в другом изделии качества ткани предстанут еще выигрышнее? Анализируйте самые смелые идеи, не бойтесь их! Помните, что практически любая старая вещь может быть преобразена.

Широкие возможности дает комбинирование материалов—текстиля, вязаных полотен, трикотажа, замши, ко-

жи. Наш разговор мы и начнем с замечательных свойств кожи, позволяющих назвать ее благороднейшим из всех названных материалов. Итак.

КОЖА

Вряд ли что может сравниться с ней в комфортности, мягкости, эластичности, упругости, долговечности. Кожа остается «живой», она «дышит»: пропускает влагу и воздух, обладает отличными защитными качествами. Кожа, как и мех, явилась первым материалом для изготовления одежды человеком. Сейчас многие виды изделий уже просто невозможно представить себе сделанными не из кожи: обувь, перчатки, пояса, сумки... Высокие эстетические качества делают ее незаменимой для отделки вещей, декорирования их.

Нельзя не упомянуть о том, что кожа стойка в носке, при правильном уходе она может служить очень долго, сохраняя свои качества, главное только—питать ее жирами (обувными кремами, вазелином, гли-

церинном, касторовым маслом), поддерживать первоначальный блеск (этим вопросам мы в свое время посвятим особые разделы).

Вы, вероятно, и сами заметили, что кожаные вещи изнашиваются неравномерно: в местах сгибов сходится краска, кожа трескается, но целые детали изделия, не подвергшиеся деформации, остаются при этом практически новыми. Это относится к выбрасываемым нами кожаным сумкам, портфелям с потрескавшимися ручками, ободранными краями или сломанным замком, перчаткам с разорвавшимися пальцами или оставшимися без пары, поясам и ремням с прорванными дырочками для замка и т. п. Целое богатство представляют собой выношенное кожаное пальто, куртка, пиджак или юбка с серьезными, неустраняемыми дефектами, исключающими всякую возможность носить вещь в первоначальном виде (хотя утверждение о «неустраняемости» дефектов весьма спорно, и в дальнейшем мы в этом сами убедитесь).

Ценное сырье—обувь. После нескольких сезонов носки у женских сапог трескается голловка, выходит из строя супинатор, ломается «молния», они становятся, по мнению владельцев, бесполезными. Но голенища абсолютно целы, они могут и должны быть еще раз использованы, слишком расточительно будет списывать в расход такую дорогостоящую и владельцу, и государству кожу!

Допустим, вы шьете себе новый костюм, платье. Как подобрать дополнения к нему, создать ансамбль, целостный облик? Тут у каждой женщины возникает множество проблем. Удалось подобрать сумку и обувь, но нет, скажем, пояса, гармонирующего с костюмом по цвету, фактуре, конфигурации... А что, если попробовать самостоятельно изготовить необходимый комплект из подручного материала, к примеру, из тех же голенищ от старых сапог?

Этим мы и займемся в дальнейшем. Начнем с простых моделей, постепенно будем усложнять задания, учиться свободно конструировать изделия. Пока же поройтесь, пожалуйста, в шкафах, запаситесь необходимым «сырьем» из старых кожаных вещей!

М. ИГНАШЕВА,
М. УТКИНА
Фото В. КАМЫШКО.

Да, оглянись. Оглянись и подумай. Примерно так: «Ну вот, пишу я во все инстанции, поношу, как хочу, всех своих прямых и косвенных начальников, да и товарищей не щажу, если под руку подвернутся... И выходит, что все они виноваты, а прав я один. Вроде бы уже и спина стала почесываться в районе лопаток. Не иначе как крылышки начинают пробиваться... А не рано ли? Не такой ведь я уж ангел, как себя пытаюсь представить...»

И если бы Виктор Афанасьевич Бердюгин подумал в таком плане, он наверняка не стал бы прибегать к эпистолярному жанру. А вот не подумал и написал: «Подал заявление на увольнение из колхоза, отработал положенное по закону время, а мне с мая задерживают трудовую книжку». Иначе говоря, творят произвол, нахальным образом нарушают трудовое законодательство, которое сам Виктор Афанасьевич, разумеется, чтит, как святыню...

Но скажем сразу: крылышки начали пробиваться на его спине, видимо, по ошибке. Дело в том, что В. А. Бердюгин, слесарь-наладчик из колхоза имени Шевченко Новгород-Северского района Черниговской области, систематически и неутомимо злоупотребляет спиртными напитками любого вида и крепости. На этой почве он вынужден был расстаться с женой, не разделявшей его стоической прикинутости к питейному делу, да и отношения с коллективом колхоза сложились какие-то неуверенные: все больше и больше дружков, последних могикан алкогольного подпития, виновато пожевываясь, стали увиливать от него, когда он по привычке предлагал «сообразить на троих».

Тогда он и решил стать рабочим по заготовке леса во Владимирском лесничестве. Но, расставаясь с колхозом, трудовую книжку не получил, и этот дальновидный поступок, оказалось, можно использовать в своих интересах, перевернув все с ног на голову. Пока там разберутся, кто прав, кто виноват, нервишки можно потрепать и членам правления, и председателю. Благо за ложь не судят, а только воспитательно журят. А при воспитательной беседе всегда есть возможность оправдаться. Мол, не разобрался в обстановке, искал справедливости.

И вот, опохмелившись, садится Виктор Афанасьевич за стол и сочиняет очередное послание в очередное учреждение...

Не менее упорно «ищет справедливость» и Т. Т. Руднева из колхоза «Победа» Мценского района Орловской области. Обижает бедную женщину черствые руководители. И не только ее, а и до мужа добрались. Дом не ремонтируют, супруга лишили 25 процентов дополнительной оплаты и смотрят, как бы еще наказать. Правда, в 1985 году колхоз для ремонта дома выделил стройматериалы, и привезли их под самые окна, полагая, что раз в доме двое взрослых мужчин—ее муж и сын, то они сами и сделают ремонт: рабочих рук в хозяйстве и так не хватает.

Но наивные люди эти члены правления! Да ведь если муж Рудневой возьмется за ремонт собственного дома, то когда же пить он будет? В сутках-то всего лишь 24 часа. А за это время надо еще и на работу сходить. Правда, опыт у него в этих делах есть. Однажды уже выпутался из сложной ситуации. Картошку убрали с утра до вечера: погода поджидала. Полдня бился супруг Рудневой над решением вставшей перед ним проблемы опохмелки, потом остановил трактор—и в магазин. За это и сняли 25 процентов дополнительной оплаты.

Прямо скажем, мягко поступили, вроде пальчиком погрозили шалунишке. А могли бы и потверже. И были бы правы.

ОГЛЯНИСЬ НА СЕБЯ

Оказавшись в такой ситуации, другая жена вместо того, чтобы писать жалобы в различные инстанции, сказала бы несколько ласково-проникновенных слов своему суженому. Например, напомнила бы, что он распустился до безобразия и его чрезмерная любовь к «зеленому змию» до хорошего не доведет. Но как может сказать об этом Т. Т. Руднева, если она сама смотрит на бутылку трогательно-нежным взглядом?

Благородный гнев и неутомимое возмущение клокочут и в сердце ветфельдшера А. М. Петренко с хутора Мартыновский Новоаннинского района Волгоградской области. Да и как не гневаться, как не возмущаться! Окончил человек курсы ветфельдшеров, стал работать на МТФ колхоза «Деминский», старался изо всех сил, а условий для работы никаких. Но главное—взвесь на молодого специалиста управляющий отделением... В общем, пришлось уйти. Естественно, не по своей воле...

Познакомимся с таким эпистолярным документом, и сердце действительно начинает переполняться буйным негодованием. Это же надо! Создать невыносимые условия для молодого специалиста, не заступиться за него, отдать неопытного человека «на съедение»! Куда же смотрят руководители хозяйства, куда смотрят общественные организации?

И оказывается, что они смотрят туда, куда надо. В самую суть дела. А суть состоит в том, что освобожден от занимаемой должности и назначен скотником молодой специалист за систематическую пьянку в рабочее время и прогулы на почве мощной алкогольной интоксикации. И павшая «одна голова КРС живым весом 60 кг», как называется телушка в ответе Новоаннинского РАПО, отнесена на счет А. М. Петренко не потому, что он не понравился членам правления колхоза, а потому, что эта самая голова в отличие от скотника водку не пила, а хотела чего-нибудь более привычного. А Петренко ухаживать за этой головой было некогда: того и гляди очередь в магазине пройдет, а там всю неделю торгуют забористой «бормотухой»...

За пьянку в рабочее время ветфельдшер-скотник был лишен 25 процентов дополнительной оплаты за стаж, а потом коллектив колхоза в связи с систематическими его прогулами вынужден был с «молодым специалистом» расстаться. И с тех пор пишет Петренко во все инстанции, требуя справедливости. Но ведь справедливость уже восторжествовала! Чего же еще? Справедливость—она одна. Другой нет.

А пациенты «Крапивы» — прогульщики и пьяницы—ищут именно другую. Они возмущаются, когда их частично или полностью лишают дополнительной оплаты, отодвигают очередь на жилье, переносят отпуск на зимнее время, штрафуют. объявляют взыскания или вовсе увольняют с работы. Но чем же здесь возмущаться, мои неуважаемые? Ведь все эти меры предусмотрены нашим трудовым законодательством, они разумны и необходимы. И если уж кем надо возмущаться, то только собой, и обвинять только себя. Пора бы вроде это уже и понять. А поняв, сделать выводы. Но увы...

«Разве справедливо за одно и то же нарушение нести несколько наказаний?»—возмущается работник совхоза «Прибрежный» Чистоозерного района Новосибирской области Н. А. Бель. Ответим автору сразу: «Справедливо!» Например, административное и дисциплинарное. Это не противоречит законодательству.

На счету Беля два прогула и пьянки в рабочее время. В совхозе ему объявлен выговор, за недостойное поведение в общественном месте он оштрафован Чистоозерным РОВД. С этим Н. А. Бель смирился, никуда не денешься. Но вот с решением дирекции совхоза, лишившей его 25 процентов дополнительной оплаты за стаж, смириться не может: грудь разрывается от бурных чувств. И, стуча в нее кулаком, он трагически восклицает: «Так где же справедливость?»

Но напрасно он наносит легкие телесные повреждения своей груди, справедливость рядом. Стоит лишь обратиться к коллективному договору совхоза и профсоюзной организации, где четко сказано: «Лицо, к которому в течение года неоднократно применялись меры административного или общественного воздействия за пьянку, прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины, лишается премии по итогам года на 100 процентов, а за стаж—до 25 процентов».

Пьяницы и прогульщики за прошедшее время уже почувствовали отрезвляющую силу известных майских постановлений 1985 года. Но в сочинении различных произведений эпистолярного жанра они чувствуют себя пока комфортно. И не только оправдываются, а и наступают. И тогда в этих «сочинениях» очерняются честные люди: руководители, твердо стоящие на страже дисциплины и порядка, работники партийных органов и государственных учреждений. И едут к пропившим совесть «сочинителям» комиссии: из района, из области, из Москвы. Убедившись, что в жалобе все заведомо ложное, они констатируют, что «факты не подтвердились». А жгелюбцы и фальшивожалобщики начеку. Не успеет комиссия уехать, как они уже сотворили новую бумагу в другую организацию. И снова отрываются от дела люди, тратят на командировки государственные деньги (и немалые!) только для того, чтобы в очередной раз зафиксировать: факты не подтвердились.

А не пора ли уже эти надуманные прогульщикам и пьяницами неподтверждающиеся факты, проверкой которых занимаются сотни людей, квалифицировать не как безобидные шалости великовозрастных любителей эпистолярного жанра, а как явление, наносящее моральный и материальный ущерб нашему обществу, и поступать с их авторами в соответствии со всеми вытекающими из этого последствиями?

Вот тогда авторы клюз, прежде чем браться трясушимися от перепоя руками за перо, вынуждены будут малость повременить и оглянуться на себя.

А оглянувшись, подумать...

И. ШМЕЛЕВ
Рис. В. КОВАЛЯ.

Стерпится?
Слюбится?

В № 9 нашего журнала за прошлый год была опубликована статья Н. Барминой «Не стерпится, не слобится», где речь шла о взаимоотношениях в семье, о том, стоит ли семью сохранять ради детей, если любовь ушла, можно ли простить измену и что надо делать, а вернее, чего не надо делать, если хочешь сохранить семью. На публикацию пришло более пятисот откликов. Вот некоторые из них.

ПОЧЕМУ-ТО ВО МНЕ ЗАГОВОРИЛА «КАПРИЗНАЯ ЖЕНЩИНА»

Первые годы совместной жизни были самым трудным и вместе с тем самым счастливым временем в моей жизни. И откуда я брала на все силы? Одержимости своей удивляюсь до сих пор. Получила квартиру, отремонтировала сама. Ведь мой студент учился на дневном отделении, заканчивал институт—это же важнее ремонта! В кредит приобрела

мебель, по выходным подрабатывала—мыла полы. И летала, летала от счастья! Все мне было по плечу, всюду успевала. Нашей семье никто не помогал, сами становились на ноги. Когда стали работать оба—вздохнули с облегчением. Оделись, в доме полный порядок, сбережения появились. Многие завидовали нам: дружны, всегда вместе, обеспечены. Жить бы нам да радоваться. Но мы расстались. Врагами? Нет. Ими мы никогда не были и не станем. А просто что-то ушло с приобретенным внешним благополучием и достатком. Раньше, когда голова шла кругом от забот, я не задумывалась над тем, кто я для своего мужа. Теперь же возникла потребность в похвале, в признании моих заслуг в создании уютного, светлого дома. В самом деле, сколько отдано сил моих и здоровья, чтобы наладить нашу жизнь! Но муж утратил всякий интерес ко мне. Ему все равно, что на мне надето, ухожена я или неряшлива, хорошо ли веду хозяйство. Он просто жил, просто ходил на работу, просто смотрел на меня ничего не видящими глазами. Он и слышать не хотел о каких бы то ни было недовольствах с моей стороны. Ну, что, мол, тебе еще надо? Чего капризничаешь, разве я плохо к тебе отношусь? «С жиру», что ли, бесишься?

И тут я поняла: он все это время был потребителем моего внимания, моей заботы. Я была неприхотлива. Мне для себя ничего не нужно было, лишь бы он был всегда рядом, улыбался бы, и другого счастья мне не надо. А тут почему-то во мне заговорила «капризная женщина». Я посягала на сложившиеся привычки, на его комфорт и удобства. Со мной было хорошо, а как было мне—какая разница!

Любил ли он меня? Может, и любил по-своему. Только опустил у меня руки. И почувствовала я себя смертельно уставшей. Не могла я больше жить без уверенности, что нужна ему, что любима. Перестроиться на новый лад он не смог.

Долго я мучилась, прежде чем решилась на развод. А потом еще долго себя укоряла: не смогла уберечь семью, ребенок без отца остался, да и человека хорошего обидела. Но должна ли я обманывать себя, жить без любви, без ощущения истинного мужского внимания и заботы? Разве я не заслуживаю этого?

А недавно я встретила человека, который назвал меня «родничком». Он говорил мне простые, но головокружительно нежные слова, а я плакала. Мне было больно. Не от него я ждала этих слов. Почему не нашел их человек, которого я так любила?

Мужчины, мужа, я обращаюсь к вам. Не будьте слепы к супругам. Берегите женщин, как чудо. Это ваши «роднички», источники добра и нежности. Они великие труженицы, матери ваших детей. Не

жалейте для них ласковых слов. Ведь женщинам так мало надо, чтобы светиться счастьем!

Л. ИВАНОВА,
Кемеровская область

И МЕНЬШЕ БУДУТ ДУМАТЬ ПРО ЛЮБОВЬ...

Прочитала в «Крестьянке» статью «Не стерпится, не слобится» и хочется спросить всех кричащих о любви женщин: а как они себе представляют эту самую любовь в семейной жизни? Выходили замуж за любимого, а с годами, когда и дети растут, и все нажито, и муж рядом, и все в порядке, любви почему-то не стало. Жизнь им кажется пустой, и счастье, кажется, обошло их стороной. А может, они просто не понимают, что все это и есть счастье?

Мне хочется, чтоб у нас в стране вышел закон: поженились, нарожали детей, так пусть воспитывают их оба родителя хотя бы до совершеннолетия. Тогда, может, будет у людей больше обязанностей и моральной ответственности перед обществом. И меньше будут думать про любовь, про то, есть она или ее нет.

Е. М. СТРЕЛЬЦОВА,
Магаданская область

Я ИДЕАЛЬНЫЙ СЕМЬЯНИН

Хочу написать от имени всех мужчин: нет среди нас такого, который не изменял бы своей жене. Даже самый любящий...

Если я не прав, то пусть найдет хотя один, который опровергнет мои слова примером своей жизни. Уверен, такого не окажется, да и письмо вы наверняка не напечатаете. Не подумайте, что я какой-то гуляка. У меня дома все в порядке. И семьянин я идеальный.

Виктор С.,
Одесская область

КРАСИВАЯ, НЕСЧАСТЛИВАЯ

...По-моему, все разговоры о любви пустые. Нужен крепкий и прочный брачный союз. Если уж обзавелся семьей—дорожи ею.

У моей жены четыре сестры. У всех мужа и дети. Самая младшая—самая красивая. И муж у нее красавец. Женились по страстной любви. А живут хуже всех. То ей, то ему кто-нибудь в любви объясняется. Дома постоянные скандалы. У нас такого нет. Как создали семью в молодости, так и живем в мире и согласии. Сыграл серебряную свадьбу, надеюсь дожить до золотой. И подумать не могу, что может появиться какая-то еще «любовь» на стороне. Глупость это и ничего больше. Надо уважать друг друга, не навязываться со своими чувствами, не огорчать и не причинять боль другому. Вот вам и любовь.

И. В. ДМИТРИЕВ,
Молдавская ССР

Фото В. ВИНОГРАДОВА

«КРЕСТЬЯНКА» ПРЕМИРУЕТ

Ежегодными премиями журнала за лучшие работы, опубликованные в 1986 году, отмечены:

Т. АЛЕКСАНДРОВА, журналист, — за очерк «Долги наши» (№2); **А. ВОЛОС**, геофизик, — за рассказы «Я к своему мастеру» и «Гнездо» (№№3, 12); **М. ГОЛДОВСКАЯ**, журналист, **Н. ПЕРЕВЕРЗЕВА**, звеньевая колхоза «Путь Ленина» Песчанокосского района Ростовской области, — за статью «Человек не может без волнения» (№8); **Н. ЕГОРОВ**, председатель колхоза имени М. И. Калинина Киржачского района Владимирской области, — за статью «Все — в порядке» (№2); **Е. ЕЛЕНИКОВА**, художник, публицист, — за цикл статей под рубрикой «Мнение художника-модельера»; **Т. ИВАНОВА** (ШОХИНА), журналист, — за очерк «Полутный автобус. История одной любви» (№8); **Е. КАЛАЧЕВА**, старший научный сотрудник ВНИИ экономики, труда и управления в сельском хозяйстве, кандидат

экономических наук, — за статью «Предъявите, пожалуйста, чек!» (№8); **В. КОВАЛЬ**, художник, — за оформление номеров; **С. ЛУЗЯНИНА**, старший зоотехник совхоза «Луговой» Оричевского района Кировской области, — за статью «А если бы директором была я...» (№9); **Е. САРАН**, студентка, — за литературный дебют — подборку стихов (№7); **И. УШАЧЕВ**, заместитель директора ВНИИ экономики сельского хозяйства, доктор экономических наук, профессор, — за цикл бесед о перестройке хозяйственного механизма агропрома; **Е. ФЛЕРОВА**, художник, — за иллюстрации к рассказам; **А. ЦИРУЛЬНИКОВ**, кандидат педагогических наук, — за статью «Проект „Одуванчик“» (№8); **И. ЯКОВЛЕВ**, фотокорреспондент, — за фоторепортажи.

Т. Александрова

А. Волос

М. Голдовская

Н. Егоров

Е. Еленикова

Т. Иванова

Е. Калачева

В. Коваль

С. Лузянина

Н. Переверзева

Е. Саран

И. Ушачев

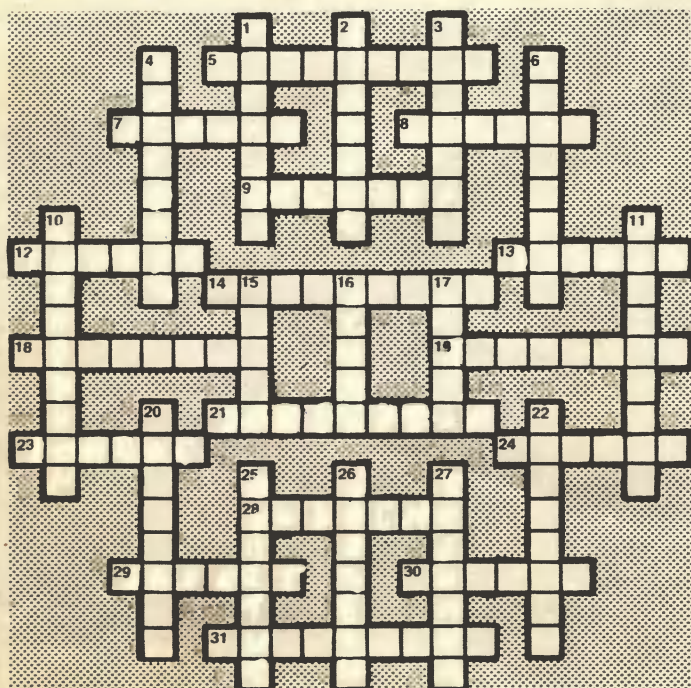
Е. Флерова

А. Цирульников

И. Яковлев

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Созвездие Северного полушария, расположенное в Млечном Пути. 7. Шахматная фигура. 8. Богиня земледелия и плодородия в римской мифологии. 9. Полевой цветок. 12. Деревянный валик для раскатывания теста. 13. Теплица. 14. Род трав и полукустарников семейства сложноцветных. 18. Прибор для измерения плотности жидкостей и твердых тел. 19. Металлические удила, служащие для управления лошастью. 21. Город в Ставропольском крае, бальнеологический курорт. 23. Сладкое блюдо из сваренных на воде фруктов. 24. Рассказ М. Горького. 28. Вид ткани. 29. Древесные строганные планки для покрытия пола. 30. Цветная полоса, обрамляющая края ткани, обоев. 31. Музыкальный молодежный клуб.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Героиня романа Л. Толстого «Воскресение». 2. Хвойное дерево. 3. Узорчатая полоска, род вышивки по продольным нитям ткани, сделанной после выдергивания поперечных нитей. 4. Уничтожение сорных растений в посевах и посадках. 6. Кондитерское изделие. 10. Музыкальный инструмент. 11. Русская советская писательница, автор романа «Жатва». 15. Письменное приветствие, поздравление по случаю юбилея. 16. Река на западе европейской части СССР. 17. Открытый прилавок для торговли на улице. 20. Разновидность капусты. 22. Металлическая посуда. 25. Ощущение, связанное с потребностью в пище. 26. Русская народная сказка. 27. Породы собак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12 ЗА 1986 г.
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Дюшес. 3. Поход. 4. Аймак. 7. Лен. 8. Жатка. 10. Алия. 11. Ольга. 13. Крушельницкая. 18. Бром. 20. Раёк. 21. Агава. 22. Арена. 23. Или. 24. Хоппер. 25. Трап. 27. Силюс. 29. Оя. 30. Доде. 32. Растениеводство. 37. Рылов. 38. Стриж. 39. Отвал. 40. «Конец». 41. Лимит.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дождевание. 2. Страдивари. 3. Пирасикаба. 5. Мел. 6. Коноплянка. 8. Жалейка. 9. Тик. 12. Антенна. 14. Шампиньон. 15. Церападус. 16. Абака. 17. Ареал. 19. Пихта. 25. Турнепс. 26. Подснежник. 27. Севоборот. 28. Суходол. 31. Архар. 33. Изразец. 34. Вал. 35. Девясил. 36. Лев.

ПО СЪЕДАМ
ОДНОГО
ПРЯК ПОЧЕНИЯ

— Буратино—это такой мальчик ростом с полence.
— Дурачок с коротенькими мыслями.
— И длинным любопытным носом.
— Нет-нет, он храбренький и отваженький...

— Умненький и благоразумненький. Он так хотел купить своему папе Карло новую куртку!

— А вместо этого выменял азбуку на билет в кукольный театр!

— Но он очень, очень хотел быть хорошим.

— Был верен друзьям! Не трусил перед врагами! И в конце концов их победил!

— Все кончилось благополучно...

Примерно такой разговор мог услышать взрослый посетитель Загорского музея игрушки. А вели его дети. Те, что пришли посмотреть на добрую сотню человечков с длинными любопытными носами.

Человечков из дерева, бумаги, ваты, тряпок, папье-маше сделали тоже дети. И каждый Буратино чем-то отличался от других.

Глупо спрашивать, почему. Потому что дети тоже разные, и все они по-своему любят сказку Алексея Толстого и по-своему представляют ее героя, появившегося на свет из говорящего полена.

190 работ прислали на конкурс ребята из разных концов нашей страны, а один Буратино прикатил даже из Болгарии. В музее, который недаром называется художественно-педагогическим, образовался еще один, первый на свете музей деревянного человечка Буратино.

Конечно, жюри отобрало лучшие работы и присудило их авторам первые места. Но главное, пожалуй, не в том, чей Буратино удался лучше. Главное, что каждый участник конкурса с радостью мастерил свою куклу, чувствуя себя при этом немного папой Карло, немного сказочником...

А сказке этой недавно исполнилось 50 лет. Вот что писал создатель «Золотого ключика»:

«Когда я был маленький,—очень, очень давно,—я читал одну книжку: она называлась «Пиноккио, или Похождения деревянной куклы» (деревянная кукла по-итальянски—буратино). Я часто рассказывал моим товарищам, девочкам и мальчикам, занимательные приключения Буратино. Но так как книжка потерялась, то я рассказывал каждый раз по-разному, выдумывал такие похождения, каких в книге совсем и не было...»

Через много лет Алексей Толстой вспомнил своего старого друга Буратино и написал сказку для новых мальчиков и девочек. Первые читатели «Золотого ключика» уже стали дедушками и бабушками и читают теперь своим внукам эту замечательную сказку.

В сказках все кончается благополучно. Добро побеждает зло, и золотой ключик открывает заветную дверцу. Детям по душе счастливые концы. Но чтобы золотой ключик подошел к замочной скважине и добро восторжествовало, надо научиться самому отличать его от зла. Сказка о Буратино, так похожая на обыкновенного проказника-мальчишку, — а кто бы из них отказался очутиться на верхушке огромной сосны или на дне глиняного кувшина! — вместе с ним помогает разобраться, где добрый поступок, а где плохой. Каждый читатель «Золотого ключика» знает, что не так-то просто в один момент стать умненьким-благоразумненьким. Но что делать,—надо стараться! Таков закон детства и закон жизни, в которой истины, усвоенные с детства, остаются с нами навсегда.

Посмотрев на сказочных человечков, нашедших приют под крышей Загорского музея игрушки, мне захотелось написать сказку Алексея Толстого. Как вы помните, начинается она так: «Давным-давно в городке на берегу Средиземного моря...». Но, начав, я не могла оторваться от книжки, пока все добрые герои не одержали верх над злыми и Карабас Барабас не остался сидеть в луже под дождем...

Т. НАЛЫМОВА

Фото В. КАМЫШКО.

КРЕСТЬЯНКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ,

Н. И. ГОРШКОВА,

Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,

Р. Ф. КАЗАКОВА,

А. В. КУПРИЯНОВА
(ответственный секретарь),

А. А. ПИМЕНОВА,

М. Б. РЫЖИКОВ,

Л. Ф. СЕРГИЕНКО
(заместитель главного редактора),

И. Г. УШАЧЕВ,

Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
В. В. ФЕДОРОВ.
Художественный редактор
Е. Г. Новикова.
Над оформлением номера работала Т. А. Новрузова.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79, 212-12-39.

Сдано в набор 13.11.86. Подписано к печати 02.12.86. А 00767. Формат бумаги 60 × 90¹/₂. Глубокая печать. Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл. кр.-отт. 18,00. Тираж 17600000 экз. (1—12990000 экз.). Изд. № 57. Зак. № 4067.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В.И.Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Не первой странице обложки фото С. САФОНОВОЙ.

В. В. КОХАЛЬ. К ПРАЗДНИКУ 1973 г.

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

Хороший дом умеет ждать и встречает с радостью. Хороший дом не жалеет хрустящую белизной скатерть и не дает лениться печи. В нем покойно мужчине и привольно ребенку, родственникам тепло, гостям весело... Дом, который и в обычный день по-праздничному светел, а в праздники и суетлив, и деловит, и мил.